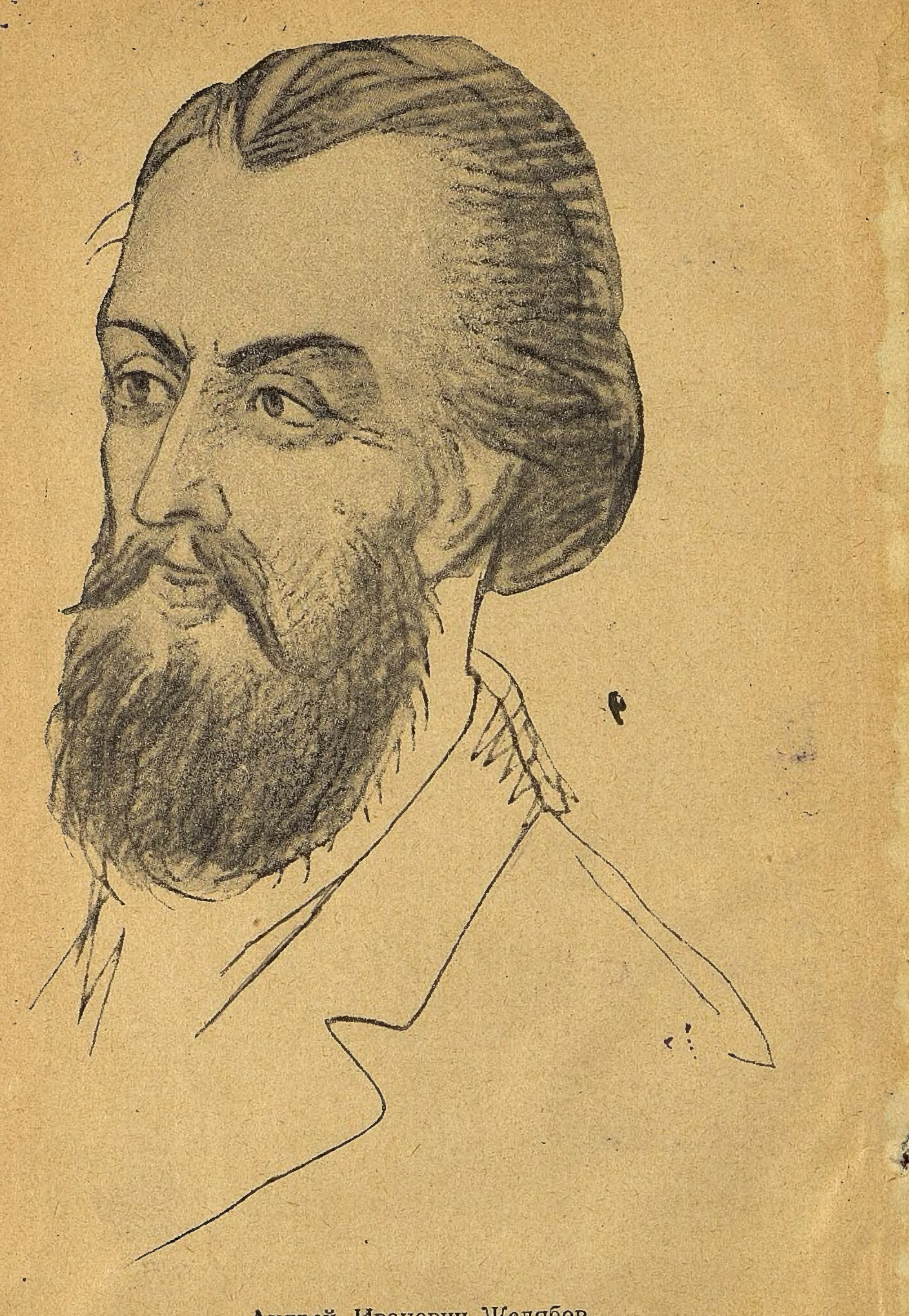
ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА.

Ник. АШЕШОВ

Андрей Иванович ЖЕЛЯБОВ

МАТЕРИАЛЫ
для
БИОГРАФИИ и ХАРАКТЕРИСТИКИ

Издание Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов.
Петроград.—1919.

Андрей Иванович Желябов.
(С рисунка, сделанного карандашом с натуры во время суда).

Историко-революционная библиотека

Ник. АШЕШОВ

Андрей Иванович ЖЕЛЯБОВ

МАТЕРИАЛЫ

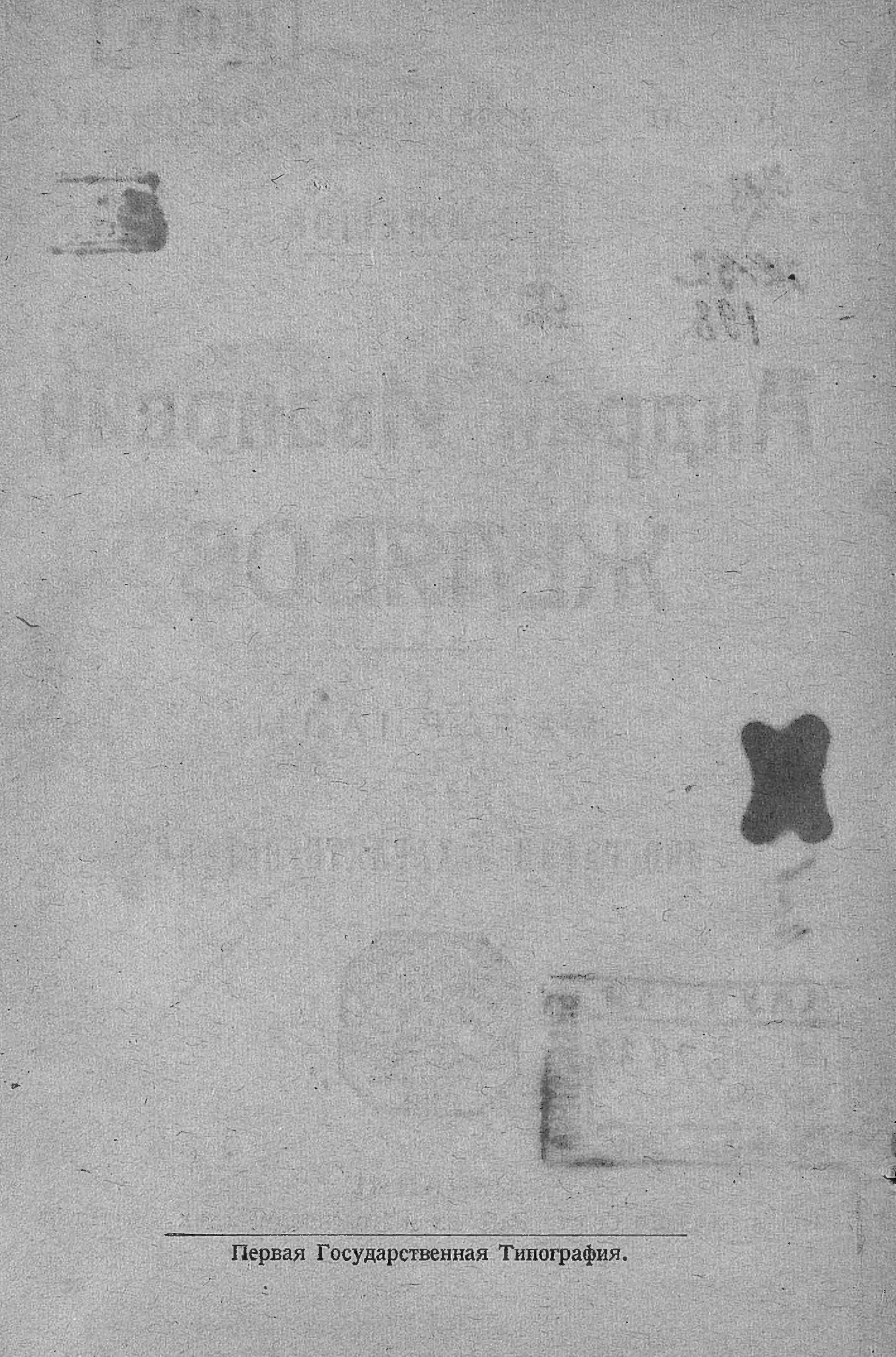
для

БИОГРАФИИ и ХАРАКТЕРИСТИКИ

ИЗДАНИЕ
Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов
1919.

Первая Государственная Типография.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ПРИЛОЖЕНИЯ:

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНИЕ.

Не было момента более потрясающего и более революционно-величественного во всей истории борьбы за освобождение России от ига самодержавия, чем тот краткий период смертельной схватки между царизмом и партией «Народной Воли», которым отмечены 1878—1881 г.г. Да и мировая история всех революций не знает ничего подобного, ничего даже более или менее напоминающего... Точно вся накопленная другими культурными народами революционная мощь и энергия, воля к подвигу и пламенное горение ненависти к насилию, выращенные и взлелеянные веками, освященные революциями и преображенные в новых духовных под'емах нового социализма, отлились все, целиком, в органической чистоте своей, в душе того народа, который, на восточном отлете, с ярлыком самого отсталого, почти азиатского, взял на свои плечи тяжкие бремена сказочной, фантастически-невероятной борьбы за свою свободу, достойной нации самой культурнейшей, самой тонкой и наичуткой, к тому же прошедшей уже долгую школу предшествовавшего опыта непрестанных схваток с властью.

Нет, эту борьбу вели представители русского народа, только что сбросившего гнусные цепи рабства физического и знавшие в прошлом слишком много пассивных страданий, исторически сложившихся и тягостно-необходимых, чтобы иметь опыт революционно-политической зрелости.

Была только одна светлая и яркая полоса в прошлом—декабрьское восстание 1825 г. Но в революционном отношении, особенно с точки зрения торжества революционных идеалов, это был только лучезарный промельк, в котором победа слилась с страшным поражением, торжество духа—с Валтасаровым пиром еще большего рабства, воскресение к новой жизни—с немедленной смертью. Воевали представители верхов русского народа во имя блага всего народа, правда. И был высок, чист и белоснежен их революционный романтизм.

Но именно только лучезарно-революционным промельком был этот эпизод среди общества безгласных рабов, во тьме всеобщего невежества и пресмыкательства.

Вслед за ним настала глухая пора самого дикого политического разгула низменных страстей самодержавия, наихудших, наиазиатских страстей, полных татарщины и упоения над посрамленным, павшим врагом. Россия умерла при Николае I, заправском мучителе, всю свою жизнь мстившем России, с ненасытимостью наймита-янычара без отечества, за декабристов. Копилась зато ненависть и в России, но она, обновленная и с новыми запросами к власти, уже мало помнила из того, что было полвека пред тем. Она влила новое содержание в русскую жизнь и пошла новыми путями.

Потрясающий и революционно-величественный момент в истории освобождения русского народа сосредоточен в событии 1 марта 1881 года.

Этот акт самосуда представителей русского народа над именовавшим себя единственно-законным представителем его, при том венчанным самим Богом на царство, исторически-оправданным в своих правомочиях, великомощным в глазах правительств всех стран и народов, главой стомиллионного народа и воспетым, как новый Петр Великий, либеральный реформатор и благодетель России,—этот акт самосуда, чудовищный для одних и героический для других, для всех одинаково является в то же время изумительным во всех отношениях. Чтобы подойти к нему, чтобы изжить все колоссальнейшие традиции, безмерную силу влияний прошлого и власть предрассудков, нужно было пройти чрезвычайную школу политических влияний и еще более чрезвычайную школу новых политических символов веры и перешагнуть смело целую историческую грань, целую эпоху.

Простыми руками не могло совершиться такое дело. Простыми умами не могли быть выполнены такие катастрофические сдвиги. Простыми душами не были бы достигнуты такие революционные высоты.

Должны были явиться богатыри. Точно старые русские богатыри должны были из народных преданий, сказок, легенд, былин воскреснуть в XIX веке, снова просидев сиднем тридцать лет и три года, прикоснуться к родимой земле и поднимать на ней революционную новь.

И такие богатыри явились. Родила их сама же исстрадавшаяся мать-земля. И слишком скоро и рано приняла их обратно.

Конечно, не с неба ангел принес души этих богатырей: вырастила их русская общественная мысль, горевшая своим пламе-

нем и вместе с тем и лучшими и наиболее ослепительными огнями западно-европейского брожения и искания правды человечной и вечной и претворявшая их в свою родную, выношенную боль и печаль. Самодержавие умерщвляло, уничтожало, топтало, давило, четвертовало и пытало русскую мысль и косило косой смерти все выявления и проявления ее. А она все же росла, питалась и питала русские умы, расползалась по мозгу страны, завоевывала все большее количество клеточек и готовилась к великому будущему.

С того времени, когда самодержавие должно было сделать первую и крупнейшую уступку русскому народу и снять с него, под устрашающим призраком народно-аграрной революции, крепостное право, с этого времени русской мысли пришлось уже безудержно катиться по рельсам свободы. А на первой же станции ее стерегло «чудище обло, огромно, озорно, стозевно и лаяй»—самодержавие. В течение двадцати лет—с 1861 г. когда совершилось освобождение крестьян,—и до 1882 г. русской политической мысли пришлось совершить целые перевороты, пережить потрясения и катаклизмы, не раз перестраиваться, менять свои течения, давать новые духовные облики свои.

Лучший элемент только что разбитого класса дворян-помещиков дал революционному делу своих представителей в лице «кающихся дворян», то есть тех политически прозревших честных людей, которые с омерзением отвернулись от скверны крепостничества и всех его последствий и, с ужасом сознавая все грехи прошлого своих отцов пред народом и чувствуя угрызения совести своей, решили замолить грехи, как делали их предки—великие грешники. Но не в монастырях и церквах, а среди самого же народа,—служением ему, работой для него, подготовкой окончательного его освобождения от рабства духовного и какого бы то ни было, установленного самодержавием.

Пришел на общественную арену и разночинец, тот внеклассовый выходец из разных классов, который отлепился от своих исторических категорий, вышел на свободу, стал равным дворянству и начал работать, как сын народа, для него и в пользу него.

Пришли туда же и представители духовенства, того класса, который служил Богу и царю, во имя первого помогая последнему в кабале. Крепкий это был класс, трудовой, школьную науку побеждавший трудом Геркулесовым и всю свою напористость внесший и в дело борьбы за свободу. Духовная школа из рассадников церковной тьмы сделалась рассадником нигилизма, социализма и революционизма. Эти дети старого духовен-

ства не каялись и не именовали себя кающимися. Они просто работали для революции. И поработали много.

И, наконец, стал давать своих представителей на эту арену и народ, сам недавно крепостной народ, крестьяне и рабочие.

ГЛАВА II.

Революционер из народных низов.

Народ с низов своих вышел поздно на политическую сцену. И редко было его появление. И вызывало оно изумление, а еще больше—у власти предержащей—страху. Народ деревни, ведь, был предметом попечительных забот возлюбленного монарха и всех нисходящих от него благодетелей, действовавших на словах для народа же, для блага его, непросвещенного, забитого, одураченного. Народ только что освободили во имя «любви» к нему. Народу дали просвещеннейших начальников и полицию. Народу дали школу, в которой царствовали дворянство, чиновничество и духовенство. Народу дали самоуправление—не дальше домов соседей, но с угрозой не подходить близко к помещичьему дому или фабричной постройке. Народ же был недоволен. И стал просыпаться. И просыпаясь, сначала изредка, а потом все чаще и чаще стал посылать своих бойцов на помощь той армии, которая вербовалась для великого дела революции.

Один из тех богатырей, которые много сделали для революционного дела в России и которые вышли непосредственно с низов, из крепостной хаты, которые видели своими очами кровь от ран, крепостными цепями учиненных, которые слышали стоны крепостных мучений и видели драмы человеческого падения и унижения под диким помещичьим произволом и которые были облагодетельствованы свободой с коронованного верха, один из тех богатырей, которые вместе с тем ответили короне вызовом и страшно отомстили ей, исторически отплатили за все вековечные страдания— это—Андрей Иванович Желябов.

С именем этого крепостного крестьянина связана вся история «Народной Воли», все самые светлые ее страницы, все ее подвиги и чудеса, все деяния и летопись. И с этим именем связаны все нити события 1 марта 1881 года.

Андрей Иванович Желябов родился крепостным, в 1851 г. Одиннадцати лет от роду, таким образом, он получил свободу, этот будущий тиранобоец, гроза всей императорской России.

Свое детство Желябов отлично помнил, как все пропитанное насквозь муками и скорбями крепостных ужасов. Крепостное

право врезалось в его душу неизгладимыми, неистребимыми, никакой силой не вырываемыми чертами. Эта была вечная давящая боль. Страшный сон на яву, который приснился во всем своем страшном реализме и жестокости, отравил душу на веки-вечные, омрачил до гроба сознание и создал ему во всем его существе неугасимую купину ненависти к насилию, произволу, власти, гнету. . .

Воспоминания детства своего, к счастию для нас, воспроизвел сам Желябов в письме к своему товарищу, написанном в 1880 году. Оно напечатано целиком в лондонском издании (1882 г.) биографии Желябова, составленной, по поручению Исполнительного Комитета партии «Народной Воли», знаменитым Львом Тихомировым, тоже крупнейшим народовольцем, членом Исполнительного же Комитета и редактором «Народной Воли», впоследствии раскаявшимся, снискавшим за то прощение и сделавшимся публицистом и философом придворной реакции, ютясь у ее подворотни—в редакции «Московских Ведомостей».

ГЛАВА III.

Воспоминания детства.

«Мы из помещичьих дворовых,—пишет Желябов.—Оба деда по отцу и по матери вывезены были своим барином, помещиком Штейном (получившим место по администрации), в Крым, в первые годы этого столетия, из Костромской губернии. По пути следования в Херсонской или Полтавской губернии помещик, ехавший по старинному с дворней и обозом, остановился для роздыха и веселья у родича-помещика. Здесь дед по матери, Гаврило Тимоф. Фролов, женился на вольной казачке, Акулине Тимофеевне. В Крыму Штейн роздал крестьян в приданое дочерям; иных продал.

Семейства Желябовых и Фроловых пошли в разные руки. Первое за дочерью Штейна перешло Нелидову, от которого и освобождено в 1861 г. Второе досталось куплей греку, малоазиатскому выходцу, Лампси, разбогатевшему продажей табунов лошадей; за деньги он вышел в дворяне с правом иметь крепостных. От этого Лампси семейство Фроловых за дочерью его перешло к Лоренцову, отец которого—тоже выходец греческий—был простым каменьщиком, изготовлял надгробные памятники, разбогател таинственно, сына обучил, определил на службу и купил дворянство. От Лоренцовых семейство Фроловых освобождено в 1861 г.

Все члены семейства Желябовых и Фроловых исполняли разные дворовые службы: так, отец мой был отдан в обучение садовнику немцу, дядя (Желябов) повар, тетка (Желябова) фрейлина, дядя (Фролов) лакей, тетя (Фр.) горничная. Имение Нелидова — Султановка (первая почтовая станция от К. Феодосии, Феодосийского уезда, в 23 верстах от Керчи). Имение Лампси называлось «Ашбель» (Феодос. уезда). Имение Лоренцовых в 16 верстах от Феодосии, называлось «Кашка-Чекраю». Помещик Нелидов, состоя на военной службе, проживал в Симферополе. Отцу по делам экономии приходилось часто ездить из Султановки в Симферополь, обязательно через «Ашбель» (третья станция по той же К.-Феодос. дороге).

Здесь приглянулась ему моя мать, дочь Фролова. После многих приключений, отец мой, плативший помещику Нелидову, по тому времени, большой оброк, за нахождение в служении у южнобережного садовода немца,—упросил Нелидова купить Варвару Гавриловну, мою мать. Купля состоялась. Часто отец, понукая мать, говорит и теперь: «Поворачивайся: ведь стоишь 500 руб. и пятак медный» (точная цена).

После женитьбы отца, семейство Фроловых за дочерью Лампси переехало в «Кашка-Чекраю». Все члены семейства получили обязанность при дворе, деду за выслугой предоставлена свобода от обязательной работы; он жил с бабкой, Ал. Тим., на птичьем дворе, состоявшем особняком (ведомство бабье).

Здесь я провел детство свое (от 4 до 8 лет).

Дед, высокий, седовласый старик, всегда ходил в длиннополом сюртуке рыжего верблюжьего сукна. Как теперь помню этот вечно-задумчивый взгляд, лицо, не знавшее улыбки, открытый лоб, седые кудри, падающие на воротник, румянец во всю щеку (в 60—70 лет от роду) и громадную седую бороду.

Насколько понимаю, он, вероятно, заражен был *раскольничьим* духом: вечно возился со старыми книгами в тяжелых переплетах, дважды библию прочитал, как и теперь о нем говорят в семье, желая высказать почтение; это—*мой учитель и воспитатель*. У него я научился грамоте церковной, от него перенял многие взгляды, *поставившие меня в оппозицию* с семейством родителей, по возвращении к ним. Только мать моя с радостью выслушивала мои «глупости», говоря: «не Желябовский дух, а Фроловский. Не даром дедушка тебя Фроленком называет». Образ дедушки для меня милее всех, потому я и остановился так на нем.

Ровно 25 лет назад (т. е. когда Желябову было 5—6 лет. Н. П.) дедушка, торжественно осенив меня крестным знамением,

посадил за книжку, говоря: «Пора учиться. Прочти молитву, и пусть Господь поможет тебе, будешь учиться, будешь человеком». Учил меня дед по старому—аз, буки, веди, да еще с титлами, но в учение он влагал всю душу, и я к 7—8 годам знал Псалтырь наизусть. Велика была радость дедушки, когда, отправляясь со мною гулять в горы или в лес рубить дрова, он говорил: «ну, Фроленок, псалом такой-то». И Фроленок барабанил без ошибок.

Тогда повсюду ждали воли, считали каждый день, но с затаенным дыханием. Помещики, по словам дедушки (верно или нет), хотели выместить зло напоследок; завели шпионство, пороли за всякую провинность. Помню, как бабушка, вечно плакавшаяся: «и зачем это пошла я в неволю»,—на цыпочках всегда прокрадывалась к окошку вечером, прислушиваясь, нет ли там «Полтора-Димитрия», приказчика и шпиона, прозванного за громадный рост «полтора». Впоследствии, до освобождения, ему мой дядя Желябов, проживавший на оброке близ «Кашки-Чекрака» и чувствовавший себя полувольным человеком, *за добродетель проломил голову*.

Что помещики пользовались властью до последних дней, вот семейные воспоминания детства моего: из дедушкина жилища я слыхал вопли дяди Василия (лакея), когда пороли его на конюшне... О детстве своем я никому не рассказывал, даже друзьям.

Я помню, как позднею ночью моя тетя Люба (швея) прибежала в наш дом и, рыдая, повалилась дедушке в ноги. Я видел распущенные косы, изорванное платье, слышал слова ее: «тятенька, миленький тятенька, спасите». Меня тотчас увели и заперли в боковой комнате. Слыша рыдания любимой тетки, я плакал и бился в дверь, крича: «за что мою тетю обижают?» Скоро послышались мужские голоса. Полтора-Димитрий с людьми пришел взять Любу в горницу. Голоса удалились. Что происходило там, я не знаю. Про меня забыли. Истомленный, я уснул. На утро бабушка украдкой отирала слезы; дедушки не оказалось дома. По словам бабушки, он ушел в город мне гостинцев купить. Напрасно в тот день сидели мы с бабушкой на горе, над почтовой дорогой. Обыкновенно, увидав высокую фигуру дедушки и шапку на палке, я бежал ему навстречу версты за две от горы. Дедушка брал меня на руки и, подойдя к бабушке, оставлял меня и делал привал.

На этот раз его не было двое суток; возвратился он какой-то особенный. Впоследствии из разговоров старших я узнал, что помещик изнасиловал тетю, что дедушка ходил искать

суда и воротился ни с чем, так как помещик в то же утро был в городе. Я был малым ребенком и *решил, как выросту, убить Лоренцова.* Обет этот я помнил и был под гнетом его до 12 лет. Намерение мое было поколеблено словами матери: «все они собаки—мучители». Отец готов был идти на компромиссы, но мать никогда... Она и теперь дышит к ним такой же ненавистью.

Сообщу еще несколько голых фактов. Один мой дядя (брат отца) от истязаний бежал за Дунай к некрасовцам, об этом я только слышал, но тысячи раз. Другой дядя (по отцу) от тех же радостей состоял в бегах несколько лет, был усыновлен крестьянином, ходил от него коробейником, был случайно открыт, как беспаспортный, и в кандалах возвращен помещику. Этот дядя, Павел, был поваром до самого освобождения и прожил с нами несколько лет. Рассказывал все самолично. Отец не раз дрожал, выслушивая: «в Сибирь мерзавца». Вся семья как то странно притихала и металась.

Справедливость требует признать, что Нелидов был мягок с людьми, под давлением жены своей—нашей собственницы. Восьми лет я переехал от деда в Султановку к родным. Здесь в один из приездов увидел меня Нелидов. Узнав, что я обучен грамоте, он дал мне книжку: она была гражданская. Но когда мне дали разные церковные, помещик погладил меня по голове и велел придти к нему в кабинет; здесь он самолично об'яснил мне гражданскую азбуку и открыл для меня целый новый мир, прочтя «Золотую рыбку» Пушкина. Нелидов жил в то время в Керчи, туда же взял меня и определил в приходское училище, откуда я перешел в уездное. 1861 г. застал меня при переходе из I класса во II уездного училища».

ГЛАВА IV.

Школьные годы.

Чудесные комбинации иногда создает жизнь. Для воспитания будущего революционера, террориста, социалиста, непримиримого врага властей и социального строя точно нарочито создаются самые блестящие условия.

Крепостное право бьет по головке крошки-дитяти с первого же момента, как дитя начинает сознавать жизнь. И непрерывный ряд ударов проходит среди развивающих начал многих разнообразных влияний, которые однако все ведут к одному и тому же,—к какому-то еще детскому, недозрелому революционизму.

Дедушка-раскольник, следовательно, с известной непримиримостью, с критическим отношением к действительности, к власти. Бабушка, которая вечно тосковала о том, что ушла в неволю, выйдя замуж за крепостного раба, разжигает оппозиционный огонь, зажженный дедушкой. Мать, купленная за 500 рублей и 5 копеек—рабыня, радующаяся оппозиционно-семейному духу сына. Дядя, убивающий шпиона и доносчика, помещичьего приказчика. И естественно, что представитель самого молодого поколения, Андрюша Желябов, едва выучившийся ходить и бегать, едва заглянувший в книгу и уже страстно полюбивший ее, мечтает сладко о мести, самой кровавой мести помещику за то, что тот изнасиловал его тетку...

Нужно же было такое исключительное совпадение массы условий для того, чтобы восприимчивая душа ребенка на первых ступенях жизни зажглась ранним огнем ненависти и гнева, озлобления и протеста против угнетателей, кто бы они ни были!

Первые камни революционности были заложены самой жизнью, сооружены самой жизнью из самого стойкого, упорного материала, которого не сокрушить ни времени, ни другим условиям.

В 1881 году, после цареубийства, рептильная пресса распускала много нелепостей про террористов. Между прочим, у автора этой книги сохранился с тех пор в памяти один эпизод, рассказанный в одесских газетах про Желябова. Разыскивая причины, заставившие Желябова примкнуть к революционному движению и стать в ряды террористов, газета описывала фантастическую встречу измученного голодом и безысходной нищетой Желябова, еще не «завлеченного» в сети революционеров, с террористом-агитатором. Случайно познакомившись на бульваре с Желябовым и участливо распросив его про его нужду и горе, агитатор облил его милостями, стал кормить, поить, окружил его всеми благами жизни и обещал еще больше под условием, что Желябов пойдет на службу к террористам. Этот явный вздор, не встречая, конечно, никаких опровержений на страницах печати, изображает пережившего с самого зеленого детства муки произвола Желябова нанявшимся за плату убийцей!

Картины Желябовского детства рисуют нам русскую жизнь достаточно-яркими чертами, чтобы признать ее одну достаточно сильно действующим средством для просветления умов и сознания необходимости борьбы.

Таким пришел Желябов в казенную школу. Пришел, будучи еще рабом. Ибо свобода от рабства засияла для него уже во втором классе уездного училища. Раб освободился.

А кстати в это время керченское уездное училище было преобразовано в прогимназию, а затем—в гимназию, сперва реальную, а потом классическую. Желябов, будучи, таким образом, уже вольным, продолжал учение.

Он был страшный шалун, но прекрасный товарищ и учился очень хорошо. В то время Желябов был худенький, как тросточка, высокий мальчик, совершенно не похожий на широкоплечего, мускулистого молодца, каким стал впоследствии. Вообще он развивался медленно. 17—18 лет он был еще совсем мальчик, умный, живой, веселый, очень симпатичный, но все-таки мальчик. Товарищи его очень любили. Он всегда готов был «подсказать» товарищу, сделать за другого задачу, написать сочинение и особенно постоять за другого перед начальством. Нередко приходилось ему за всякие такого рода штуки сидеть в карцере, раз его даже хотели исключить. Но учился он всегда хорошо. Особенно сильно стал он развиваться в VI—VIII классах, так что должен был кончить курс с золотой медалью, но на выпускных экзаменах, хотя сдал их блистательно, он из-за своего поведения, удостоен был только серебряной медали,

Затронула-ли Желябова в этот период времени какая-либо пропаганда,—точных сведений мы не имеем. По общим соображениям, необходимо предположить, что до Желябова дошли, конечно, новые веяния, тем более, что они густо, так сказать, насыщали уже провинциальный воздух, и даже консервативный мир русских педагогов поддался «тлетворной заразе»: среди молодых учителей было весьма много представителей новых общественно-политических течений, и гимназисты подпадали естественно их немедленному влиянию.

Во всяком случае, рассказывая о своей юности, Желябов передавал, что Каракозовское дело, заставшее его в реальном училище, произвело на него впечатление—самое радостное. «Я радовался Каракозовскому выстрелу,—говорил он,—и чувствовал к царю такую же симпатию, как и к господам».

Таковы были мысли мальчика-подростка, уже отпившего много глотков из бокала жизни, достаточно отравленного, и уже познавшего вкус ненависти. И рано, очень рано он поставил в связь все те картины крепостной подлости, какие он видел и изведал на себе, с системою царизма и с личностью самого царя...

ГЛАВА V.

В университете.—Нищий студент.—Нечаевское дело.—Скандал с профессором Богишичем.—Увольнение из университета.

Желябов поступил на юридический факультет одесского университета и с головой ушел в студенческую жизнь и ее интересы.

Гимназические годы он провел не бесследно. Хотя более подробных сведений о них мы не имеем, тем не менее одно то обстоятельство, что он в 1866 году уже приветствовал выстрел Каракозова, ясно указывает, что студентом он не мог быть равнодушным к вопросам, волновавшим уже всю, как тогда говорили, «мыслящую Россию».

Конечно, нищим пришел Желябов в университет и вел жизнь, как большинство разночинцев того времени, весьма бедственную. «Коротенький и узенький сюртучек с греческого базара с коротенькими рукавами и способностью лопаться под мышками чуть не на третий день после покупки, такие же коротенькие с вытянувшимися коленками панталоны, порыжевшее и сильно потертое пальтишко, войлочная студенческая шляпа петушком—вот неизменный наряд Андрея». Питался он в студенческой кухмистерской едва-ли не одним супом. Уроков тогда, кажется, не имел никаких. Крайне деликатный по отношению к другим, не знавший меры своим услугам и одолжениям для тех, кто в них нуждался, каждую минуту готовый броситься в огонь и воду за товарища и друга, неистощимо терпимый к маленьким слабостям своих знакомых, он мгновенно преображался и вспыхивал зловещим огнем, когда слышал обидную насмешку или грубость нахала. Откуда бралась и желчь и остро-язвительный сарказм и грозные жесты! Остроумный вообще в шутке, в этих случаях он был чрезвычайно и метко язвительным. Невольно сказывалась суровая и резкая натура кацапа. Раз возникшее чувство, был-ли то гнев или симпатия, не скоро проходило, особенно чувство дружбы и благодарности: нужен был целый ряд жестоких ударов, чтобы разрушить их.

В студенчестве того времени только-только начинались вспышки новых движений, и тесно было жить тогда Желябову в среде молодежи. Но как человек неукротимой воли и энергии, Желябов и в дело кухмистерской, кассы, библиотеки, студенческого суда вносил свою страстность, неумолимость настойчивости, быстроту и подвижность. Эти черты характера всем бросались в глаза.

«Таким порывистым и нервно подвижным был Андрей Иванович не только в особенных случаях, но и в самых обыкновенных делах. Качается-ли он с тобой на качелях в саду у знакомых, уж тут держись: все силы положит на то, чтобы раскачать так, что вот-вот кажется перелетишь через поперечную балку, а запросишь пардону—перестанет. Танцует-ли на импровизированной студенческой пирушке, страшно становится за участь дамы и неловкой пары, которая столкнулась бы по дороге. Поет-ли, обыкновенно несколько приподнявши правую ногу и руку, вместе с другими непризнанными певцами свои любимые песни: «Хата моя рубленая», «Тыхо Дунай воду несе», «Виют витри ще й буйнесеньки», можно было наперед сказать, что если в такте и тоне наделает непозволительные промахи, за то уж усердием превзойдет весь хор».

До 1870 г. он хотя и увлекался еще студенческими делами, но не мог, однако, не заметить под конец, что это уж очень мелко, тем более, что значительная часть студенчества не принимала в них никакого участия или только пассивно мирилась с ними. А для Андрея необходимы были, как вода для рыбы, сильное движение, кипучая борьба, широкая перспектива самоотверженной гражданской деятельности, благородный риск. Кропотливая и полезная работа трудолюбивого муравья была совершенно не в его натуре. Когда, бывало, перевезет кто-нибудь из Петербурга или вышлет из за границы опасную кладь, которая вдобавок, по верным известиям, выслежена и зорко оберегается шпионами, все отказываются идти получать ее по накладной или от контрабандиста, один Андрей рискует собою и, благодаря своей «счастливой звезде», о которой он часто вспоминал в шутку, как то умеет доставить посылку по назначению. Затевалось-ли освобождение арестанта из тюрьмы, препровождение беглеца за границу или другое какое-либо опасное дело,—всегда во главе его и на самом рискованном посту стоял Андрей. Рядовым он никогда не мог стать, если бы и пожелал,—всем складом натуры своей он был герой, предводитель.

«В 1870 г. возникло Нечаевское дело. Социальное и политическое переустройство России; близость народной революции; революционные кружки молодежи, густою и таинственною сетью покрывшие всю Русь и подготовляющие близкую уже катастрофу; жизнь и смерть для народа и за народ; университетская молодежь в передовых рядах движения,—вот какая исполинская ширь открывалась вдруг с этим делом перед глазами Андрея, уже начинавшего тосковать среди дрязг домашних, студенческих интересов и дел. Стоит-ли напоминать, что с этой минуты Андрей

всецело примкнул душой к русской революции. Нечаевское дело не создало из Ан. революционера, потому что он был уже им и до этого дела всеми своими симпатиями и натурой; оно только практически оформировало существующее, сконцентрировало силы и направило бурный поток, разбегавшийся ручьями, по одному руслу. Никаких следов революционной организации в то время в Одессе еще не было. Что ж оставалось делать? Взбудоражить студенчество каким нибудь общим делом, наэлектризовать какою-нибудь одною гуманною идеею, доступною пониманию и сочувствию даже последнего олуха, и создать таким образом деятельный протестантский дух, поддерживаемый рядом более или менее победоносных сражений со всякого рода начальством. Наметить и сформировать после этого кадр партии действия было-бы не трудно: в поводах для таких опытов недостатка не могло быть».

В числе профессоров юридического факультета по кафедре славянского законодательства находился тогда Балтазар Власьевич Богишич, уроженец Далмации, окончивший венский университет. Он пользовался репутацией солидного ученого, но лектором оказался плохим, так как почти не владел русским языком (говорили, что ему писали лекции по-русски латинскими буквами). Он был очень педантичен и придирчив на экзаменах и груб в обращении со студентами, которых он третировал, как школьников.

Осенью 1871 года он грубо оскорбил одного из студентов. Хотя этот студент обиды не почувствовал, кружок молодежи, живший в студенческой кухмистерской и об'единенный Желябовым,—программа кружка была неопределенно-пропагаторской,—решил использовать происшедшее для привлечения общестуденческого внимания к его корпоративным интересам. Желябов. полагал, что историю с Богишичем нужно утилизировать для «крещения новороссийского студенчества» и приобщения его к духу и интересам студенчества других университетов, и в этих видах он полагал, что следует ценою чего бы то ни было добиться удовлетворения со стороны Богишича.

«Богишич испугался и даже намерен был выйти в отставку. Но высшая администрация ради «престижа власти» потребовала от профессора, чтобы он продолжал чтение лекций. В результате в университете вспыхнули волнения, пошли сходки за сходками, как в аудиториях, так и вне университета. И разыгрался скандал. В сборном зале раздались при входе Богишича оглушительные свистки и, конечно, на самом видном месте красовался Желябов и свистал, как извощик. Вечером в тот же день состоя-

лась бурная сходка, под председательством Ан., а на следующий—юридическая аудитория, где должен был читать Бог., была переполнена возбужденными студентами всех факультетов и, при входе проректора-миротворца, раздался потрясающий крик: «Долой Богишича». И здесь Ан., очень неблагоразумно, с точки зрения намеченного заранее плана, выдавался вперед, вскакивал на кафедру, чуть не столкнувши оттуда проректора, затевал ожесточенный спор с набегавшим повременам в аудиторию разным начальством, протестовал от имени всего студенчества и, вообще, вел себя так, что для всякого младенца ясно становилось, что автор и душа истории—он. Такова же была его роль на всех последовавших затем сходках, где он оставался бессменным председателем; так же вел он себя после закрытия университета и на университетском суде, где говорил, как строгий судья, а не как оправдывающийся обвиняемый. Удивление и симпатии к нему после этого стали общими, даже судьи громко хвалили честную и открытую душу Жел., но главное-то дело, в сущности, было уже проиграно. Слишком цельна была его натура, чтобы выдержать до конца двойственную роль, и слишком велик был боевой пыл, чтобы можно было в пору унять его».

Университет был закрыт и начался суд над «зачинщиками» и «главарями» беспорядков. К ним был отнесен прежде всего Желябов, а вместе с ним и другой студент—Белкин. Их исключили из университета, а администрация, отобрав их документы, решила выслать виновных студентов на родину.

Проводить пострадавших студентов собралась масса учащейся молодежи. Пароход из-за бури не мог отойти в назначенный день, но когда вследствие этого полиция пыталась отправить Желябова в часть, толпа зашумела, запротестовала и заставила полицию отдать Желябова на поруки. Всю ночь шла сходка. Желябов говорил непрерывно возбуждающие речи и среди слушателей его был и Тригони, впоследствии тоже знаменитый народоволец. На другой день состоялись шумные проводы и под крики «ура» Желябов отправился в Крым.

В одесских газетах было запрещено писать об этой демонстрации, и весь город поэтому говорил о ней, как о весьма крупном политическом событии.

ГЛАВА VI.

Первые революционные шаги.—Кружок Волховского.—Пропагандисты.

Вернувшись через год в Одессу, Желябов в университет принят не был, и вскоре поэтому вновь уехал, взяв урок в семье

Яхненко, на дочери которого он впоследствии женился. Через год он снова вернулся в Одессу, несколько умиротворенный и даже готовый признать необходимость и пользу самого близкого участия в земской деятельности, которая должна принести громадную пользу народу. В Одессе в 1873 году сложился уже кружок Феликса Волховского, участника Нечаевского процесса, по которому он просидел около двух лет. Необычайно обаятельный, Волховский имел неотразимое влияние на молодежь, которая его обожала. Кружок этот в конце концов принял тот яркий народнический характер, которым явно выделялся к этому времени окончательно сформировавшийся в Петербурге кружок «чайковцев», вступивший в тесную связь с одесским кружком и состоявший в постоянной переписке с ним по различным практическим вопросам.

Кружок Волховского сразу же отмежевался от анархических идей, которые тогда были в большом ходу под влиянием Бакунина, взгляды которого широко распространились и в столицах, и на юге, в особенности в Киеве. Пропаганда социалистических начал в народе, подготовка его к восстанию в будущем, социалистически-революционный идеал, как единственный светоч, которым надлежит руководствоваться всем верящим в народ, таково было знамя кружка, но вместе с тем особая широта взглядов и воззрений накладывала и свою печать на одесский кружок.

Тем не менее он стоял на той же общей для всего движения точке зрения о необходимости прежде всего социального переворота. Политика отходила на задний план, и у сторонников крайних течений считалась величайшей ересью. Сторонники этих течений, находясь под влиянием Бакунина, считали, что политические формы не должны иметь для истинных друзей народа существенного значения и что монархически-самодержавный, на демократической основе, строй предпочтительнее республиканского образа правления, опирающегося на буржуазию и плутократию. Но и в одесском кружке радикальной молодежи замечалось довольно равнодушное, почти безразличное отношение к вопросам политического характера.

В этот то кружок и вошел Желябов. Ввел его студент Чудновский, давнишний товарищ Желябова по университету и комбаттант по истории Богишича и всяким иным боевым выступлениям радикальной молодежи того времени. Чудновский рассказывает («Наша Страна», № 1, 1907 г.) чрезвычайно интересно, как привлек он Желябова в кружок Волховского.

Желябов, повидимому, тогда переживал период колебаний. Он приехал из деревни, находясь под влиянием либерально-

прогрессивных семейств Яхненко и Семиренко, и говорил о земской деятельности, как о красивом призвании общественных деятелей. Как впечатлительная натура, он не мог не поддаться жизненным фактам, а тогдашний расцвет земской деятельности мог остановить внимание не одного Желябова.

Впоследствии неоднократно нам придется убеждаться, что Желябов никогда не отличался узостью, непримиримостью, сектантской нетерпимостью и шорностью своих взглядов. Он вечно думал, размышлял, работал над собой, сопоставлял и любил считаться с доводами другой стороны. Он обнаруживал чрезвычайную широту своих воззрений, будучи окончательно сложившимся, совершенно зрелым политическим и революционным борцом. И черты эти проявлялись естественно и в молодом студенте, который работал над собой и не давал легко подчинить себя теории.

Чудновский нарисовал пред Желябовым картину положения России и предложил ему вступить в кружок.

— «Все время я внимательно следил за чрезвычайно подвижной физиономией Желябова,—рассказывает Чудновский,—и от меня не могло ускользнуть то необычайное волнение, которое все сильнее и сильнее охватывало его, по мере развития мною сделанного ему предложения. Когда я кончил, Желябов поставил мне категорический вопрос: «как я бы поступил, если бы на моих руках находилась нежно-любимая семья: отец, мать, братья и сестры, благосостояние которых всецело зависело бы от меня, и мне, при этих условиях, было бы предложено примкнуть к такой организации, принадлежность к которой сопряжена была бы с серьезным риском и могла бы во всяком случае лишить меня возможности быть полезным любимой семье».

Я решительно и без колебаний ответил Желябову приблизительно следующее: конечно, чувства любви к родителям и родным—святые и дорогие чувства; конечно, каждый из нас безусловно обязан заботиться о своих близких, обязан помогать им по мере сил и возможности. Но есть чувство и долг более повелительные, чем эти: это—чувство любви к родине, это—долг по отношению к этой родине и к своему народу, и если бы мне пришлось выбирать между долгом к семье и долгом к родине, я, конечно (как бы это мучительно для моих личных чувств ни было), выбрал бы последний, тем более, прибавил я, что пока мы еще переживаем такое время, когда конфликт между этими двумя долгами не неизбежен и возможно еще вполне совместить один с другим.

В глубоком волнении Желябов с четверть часа энергически прошагал по моей комнате. Затем обратившись ко мне, он заявил мне, что берет себе на размышление три дня—и распростился со мною.

Через три дня, Желябов, заметно осунувшийся, явился ко мне и проникновенным голосом об'явил мне, что Рубикон им перейден, корабли сожжены, и он окончательно и бесповоротно решил примкнуть к нашему кружку. Я ознакомил тогда его с составом кружка и предложил ему принять на себя пропаганду в среде интеллигентного общества. Желябов очень охотно принял на себя эту миссию, заявив, что он предоставляет себя всецело в распоряжение кружка».

Трудно сомневаться в правдивости этого рассказа, хотя он противоречит высокой радикальной настроенности Желябова, не допускавшей, казалось бы, колебаний в вопросе, уже давным давно решенном Желябовым. Нужно предположить, что Желябов был в это время не столько во власти земских идей, его охвативших, сколько во власти идей земного счастья. Ведь он только что вернулся из Киевской губернии из той семьи, в которой он полюбил девушку. Семейное счастье могло столкнуться с общественным долгом. Желябов решил глубоко продумать новое свое положение, прежде чем дать ответ товарищу.

Желябов начал энергично работать в кружке. И на первых порах чутко прислушивался к тому, что там говорилось и делалось:

«Интересно было видеть, рассказывает Тихомиров, с какою скромностью и благоговением слушал Желябов речи Волховского и других старших по времени вступления в кружок членов его. Огонек, потухавший в Желябове в то время, когда он находился в составе кружка, тотчас же вспыхивал за пределами. Хотя Желябов и был исключен из университета, но он продолжал принимать участие в студенческих делах, и на происходивших по поводу их собраниях резко обрывал признанных студенчеством авторитетов, если не разделял их взглядов».

Одесский кружок сослужил хорошую службу Желябову, дав ему первую политическую школу. В этом отношении одесский кружок отличался своими достоинствами, которые мы уже отметили выше. Кроме того одесский кружок славился весьма хорошей для того времени организацией.

«Так, например, в кружке введено было строгое разделение труда и предположено вести агитацию не в одном рабочем классе и между студентами, как, напр., было у чайковцев, а вообще во всех народных и общественных сферах. Эти порядки заводил

разумеется, не молодой Желябов, а Волховский, но ясно, что Желябов сразу же попал в лучшую политическую школу, чем большинство революционеров того времени. Петербургские делегаты, возвращаясь из Одессы, не могли нахвалиться тамошними порядками и во многом ставили их себе образцом.

Кружок просуществовал не долго и исчез в погромах и движении 1874 г., растворившись в беспорядочных толпах крестоносцев, двинувшихся в народ. Но Желябов, разделяя общее увлечение, да и всегда по принципу признававший огромную важность деятельности в массах, тем не менее во многом обнаружил далеко незаурядную систему действий.

Политический агитатор рано сказался в нем. Так, напр., он принимал деятельное участие в организации помощи славянам, рассчитывая, как рассказывал впоследствии, на деле возрождения славян помочь политическому воспитанию самого русского общества. Вообще надо сказать,—заявляет Л. Тихомиров,— что этот мужик, по своему происхождению, никогда не отвертывался от «общества», как делало большинство отправлявшихся в народ. Русская революция представлялась ему не исключительно в виде освобождения крестьянского или даже рабочего сословия, а в виде политического возрождения всего русского народа вообще. Его взгляды в этом случае значительно расходились со взглядами большинства современной ему революционной среды. Но нужно прибавить к этому замечанию Тихомирова, что такие взгляды у Желябова окончательно сформировались значительно позже.

Желябов признавал, что крестьянская реформа была великим благом для народа. Правда, она ничего не дала и даже многое отняла у крестьян в экономическом отношении. Экономически она не освободила их, но нравственно, несомненно, возвысила: гражданский уровень поднялся, а это очень важно. Тем не менее Желябов страшно ненавидел принцип царизма. Власть неограниченная, бесконтрольная была ему противна. Царя-патриарха, отца мужиков, он не понимал и глубоко убежден был, что такой царь непременно будет деспотом вроде помещика. Добрых намерений за правительством, освободившим крестьян, он никогда не признавал: «им нужно было увеличить свои доходы, им было выгоднее эксплоатировать крестьян самим и подорвать сравнительно сильный класс дворян»—вот в его глазах мотивы освобождения, и—никакой тени благодарности правительству.

В кружок Волховского вошли следующие лица: сам Волховский, Чудновский, Андрей Франжоли, Ланганс, впоследствии видный народоволец, Дическул, Макаревич, Глушков, С. Жебу-

нев, Жолтановский, О. Разумовская, Костюрин, Голиков и др. Почти все они вскоре были арестованы и привлечены к большому делу 193-х пропагандистов.

Конечно, у нас слишком мало данных, чтобы воспроизводить в подробностях работу этого кружка. Но как и все народнические кружки того времени, ставившие себе задачей мирную социалистическую пропаганду в народе, с социалистической революцией в будущем, члены кружка вели агитацию в деревнях Херсонской и Екатеринославской губерний, устраивали мастерския в городах, широко распространяли нелегальную литературу и т. д. И из этой работы Желябов вынес много поучительных и горьких уроков, которые повлияли значительно на дальнейший его политический рост и сдвиг в сторону левого народничества, пошедшего затем определенно террористическим путем. Об этих переживаниях Желябова мы скажем впоследствии.

ГЛАВА VII.

Желябов в доме предварительного заключения и в процессе 193-х.

Из печатаемых в приложении документов (они извлечены из предварительного следствия по делу 193-х, хранящегося в архиве сената; здесь они публикуются впервые) видно, что, собственно говоря, против Желябова по делу о преступной пропаганде никаких улик не было. Совершенно отрицая существование революционного кружка, отрицая даже знакомство свое с его членами, Желябов дает вполне удовлетворительное об'яснение тому шифрованному письму, которое было единственной против него уликой.

Желябов был арестован 20 сентября 1874 г. по постановлению начальника одесского жандармского управления. 24 сентября у него был произведен обыск, но, как гласит протокол, «ничего подозрительного не найдено». В тот же день Желябов был освобожден от стражи и с него была взята подписка о невыезде. Интересно отметить, что освобождение мотивировано было начальником одесского жандармского управления тем, что свидетельница Солянникова не признала в Желябове, ей пред'явленном, того лица, которое посещало революционный кружок Макаревича. Между тем в обвинительном акте ссылка на Солянникову является самой «тяжкой» уликой против Желябова.

Вскоре Желябов был вновь арестован. В ноябре 1874 г. судебные власти предполагали выпустить его под залог в 2 тыс. р.,

но по телеграфу из Петербурга было предписано Желябова отнюдь на свободу не выпускать. В марте следующего 1875 г. он был выпущен на поруки с залогом в 3 тыс. р. А затем был снова арестован пред процессом.

«Летом 1877 года он был привезен из Крыма в СПБ. в качестве обвиняемого по делу 193-х. Он прибыл в дом предварительного заключения как раз после Боголюбовской истории, через несколько дней, когда вся тюрьма находилась под подавляющим впечатлением этого возмутительного насилия, совершенного Треповым чуть ли не на глазах 150 политических арестантов. Бессильная злоба доводила людей до желтухи. Многие твердо решались убить, задушить или хоть исколотить Трепова, если удастся его встретить в своей камере или где бы то ни было*). Разумеется, злосчастные прогулки, из за которых вышла вся история, были совершенно оставлены. Арестанты об'явили, что они не пойдут гулять иначе, как все вместе и не в «загоны» (как назывались клетки, выстроенные во дворе д. п. з. для одиночных прогулок; клетки эти в 10 шагов длины и от 1—4 шагов ширины); с начальством все считали обязательным обходиться грубо и дерзко, не пропуская без резкого отпора даже самого справедливого его требования; добрая половина была в таком состоянии, что ежеминутно из-за какого нибудь пустяка могла раскроить голову каждому, начиная от надзирателя и кончая управляющим.

Понимая это, начальство имело такт оставить арестантов в покое, предоставляя им перегореть, переболеть эту страшную историю. Тюрьма смотрела мрачно. Песни, веселая болтовня через окна смолкли, и раздавались только порой страстные речи о том, что уже после такой истории никакое примирение с правительством палачей невозможно. В такую то атмосферу попал Желябов прямо от своего семейства, от своих полей и коней, от всех радостей трудовой сельской жизни...

На другой день по прибытии Желябова, надзиратель пришел узнать, пойдет ли он гулять. Ничего не зная, Желябов заметил: «Странный вопрос»—и отправился в «загон». Увидевши гуляющего, его спрашивают из окна: «Вы кто»?—«Желябов».—«Политический»?—«Да, по процессу».—«Зачем же вы гуляете? мы не ходим гулять»... Удивленный Желябов, тем не менее, приказал отвести себя обратно в камеру и тут только, вышедши к окну, узнал все истории. Как они на него подей-

*) Генерал, однако же, не показывался больше не только в камеры, но и вообще в д. пр. закл.

ствовали, предоставляю судить каждому, кто знал эту страстную и гордую натуру. В среде тюремной Желябов сразу стал товарищем, вошел во все интересы тюрьмы, хотя, разумеется, не мог играть большой роли. Когда наступил процесс, тюремные вожаки, в роде покойного Муравского, подняли агитацию в пользу отказа от признания компетенции особого присутствия».

Но мнения разделились. Многие считали более выгодным, напротив, говорить на суде, чтобы сделать гласными и свои убеждения, и все возмутительные репрессалии, которым правительство давало место, подавляя пропагаторское движение. Желябов, против которого не было никаких обвинений, стоял, однако, за «протест».

Как известно, особое присутствие сената решило этот вопрос очень скоро. Не пустивши в залу заседаний публики, искажая первые же отчеты о судебных заседаниях, оно, во-первых, окончательно взорвало подсудимых, во-вторых, убедило их в том, что самые прекрасные речи и самые правдивые разоблачения не выйдут на свет божий из темных стен судебной залы. Разделение подсудимых на группы было чистой насмешкой даже над своим собственным правосудием, оно окончательно показало, что судьи—не только сами явились пешками, не стыдящимися даже признаваться в том, но что они еще воображают превратить в таких же пешек и подсудимых...

«Протест» раздался громкий, небывалый.

В массе 120 «протестантов» находился и Желябов. По суду он был, однако, все таки оправдан, и в январе 1878 г. выпущен, просидевши всего около 7 месяцев. Тюрьма сильно расстроила его здоровье, и, немедленно по выпуске на волю, он уехал домой [1]).

ГЛАВА VIII.

Результаты первых политических опытов.—Пропаганда среди крестьян и рабочих.—Семейная жизнь Желябова.

Выпущенный на поруки Желябов уезжает на юг и проводит время до процесса преимущественно у себя в деревне Николаевке (Таврической губернии) вместе со своей женой. Все переживания за время работы в кружке Волховского, затем арест, тюрьма, допросы, опять свобода в деревне, затем процесс и снова вольная жизнь в Одессе,—все эти этапы жизни

[1]) «А. И. Желябов» Л. Тихомирова. Лондон, 1882 г.

прошли, оставляя в душе Желябова глубокий и значительный по содержанию своему след.

Подводились итоги, выяснялся баланс и намечались дальнейшие и важнейшие фазы работы.

Что же вынес из своего опыта Желябов в конечном счете?

Авторы воспоминаний о Желябове дают для этого некоторый материал, бросающий свет на душевные эволюции Желябова.

Что дал ему опыт пропагандиста и агитатора в деревне, которую он и до того хорошо знал, видно из его признаний своему товарищу Семенюте в 1878 году («Былое», IV, 1906).

Желябов рассказал ему «трагикомическую» историю своего народничества. Он пошел в деревню, хотел просвещать ее, бросить лучшие семена в крестьянскую душу, а чтобы сблизиться с нею, принялся за тяжелый крестьянский труд. Он работал по 16 часов в поле, а, возвращаясь, чувствовал одну потребность—растянуться, расправить уставшие руки, ноги, спину и ничего больше; ни одна мысль не шла в его голову. Он чувствовал, что обращается в животное, в автомата. И понял, наконец, так называемый консерватизм деревни: пока крестьянину приходится так истощаться, переутомляться ради приобретения куска хлеба и средств, необходимых для скромного удовлетворения первейших нужд,—до тех пор нечего ждать от него чего либо другого, кроме зоологических инстинктов и погони за их насыщением. Подозрительный, недоверчивый, крестьянин смотрит искоса на каждого являющегося в деревню со стороны начальства для более тяжкого обложения этой самой деревни. Об искренности и доверии нечего и думать. Насильно милым не будешь.

Почти в таком же положении и фабрика. Здесь тоже непомерный труд и железный закон вознаграждения держат рабочих в положении полуголодного волка. Союз, артель могли бы придать рабочим больше силы. Но тут и там натыкаешься на полицию; ей невыгодно такое положение: легче и удобнее давить в розницу.—«Ты был прав,—окончил Желябов, смеясь,—история движется ужасно тихо, надо ее подталкивать. Иначе вырождение нации наступит раньше, чем опомнятся либералы и возьмутся за дело».

Хотя Желябову в кружке Волховского была отведена роль пропагатора среди интеллигенции, тем не менее Желябов далеко не удовлетворялся этой ролью, шумной, публичной, в которой, естественно, бывает мало сосредоточения и самоуглубления. Из студенческой столовки или частных сборищ он охотно ухо-

дил в рабочие кварталы и здесь выполнял свою работу: среди рабочих одесских заводов Желябов сделался очень популярен. Но, ведя проповедь преимущественно на экономической почве, проповедуя взгляды Лассаля, Желябов, не только в силу своей нетерпеливости и страстного желания своей натуры поскорее видеть плоды своей работы, но и в силу других причин, был до крайности огорчен всеми результатами своей деятельности. Привычки и несокрушимые взгляды тогдашней рабочей среды вставали пред ними каменной стеной и Желябова выводил из себя консерватизм рабочей массы.

Напрасно заставлял себя Желябов жить в сырых, грязных квартирах, напрасно увлекался чтением и толкованием рабочим разных книжек, организацией маленьких рабочих общин с кассами, библиотеками и т. п. После продолжительных занятий в одной рабочей артели, когда Желябов уже мог надеяться, что воспитал несколько социалистов, пришлось ему однажды спросить одного из них, лучшего:

— Ну, что, брат, если бы теперь тебе кто нибудь дал 500 р., что бы ты сделал?

— Я?—отвечал рабочий,—я бы пошел в свою деревню и снял бы лавочку...

Таких холодных душей жизни Желябов испытал не мало. Можно сказать, что весь пропагаторский и агитаторский опыт в деревне и в рабочей среде дал ему материал, омрачавший все теории, все возможности, все упования революционного сердца. Началась работа головы, упорная и настойчивая...

До самого большого процесса Желябов жил преимущественно в деревне, наезжая в Одессу. В своей деревне он жил, повидимому, уже в обстановке чисто домашней и просто хозяйничал, тем более, что, будучи под надзором, он был в политическом отношении стеснен на каждом шагу. В деревне он отдыхал.

Здесь он находился, разумеется, совершенно в своей среде, между родных, знакомых, как свой человек. Хозяйство он любил чрезвычайно и был способен погрузиться в него до макушки. Он и впоследствии не мог равнодушно говорить о своих конях, которых сам выхаживал, о своих полях, о том, как шло его хозяйство. В это время Желябов сложился в здорового, крепкого мужика, с которым очень немногие могли помериться силами. Работник он был отличный, хозяин, говорят, очень хороший. Жена с ребенком жила при нем же, отчасти помогая мужу своими заработками, как акушерка.

Здесь мы подходим к эпизоду в жизни Желябова, чрезвычайно существенному и важному. Семейная жизнь сложилась

у Желябова в ту пору так, как она обычно складывалась в громадном количестве русских интеллигентных семейств.

Женился Желябов на дочери видного одесского общественного деятеля Яхненко—Ольге Семеновне. Желябов давал уроки в его доме—отсюда и самый обыкновенный человеческий роман. Но, как и всегда, не долго длились молодые иллюзии и расцветали над влюбленными алые цветы счастья. Боевая, огненная, кипучая натура Желябова, требовавшая общественно-политической действенности, непрестанного борения, яркого противодействия жизни, не могла ни на минуту примириться с мещанским счастьем, с уютной тихенькой детской и чистенькой кухонкой.

Ольга Семеновна была обыкновенным человеком. Она была большой музыкантшей и хорошо играла на фортепиано и пела; еще лучше голос был у ее сестры Таси. Обе они иногда выступали в концертах, что выводило Желябова из себя. Он не мог допустить, чтобы его жена «услаждала, как он говорил, слух аристократов и плутократов».

Мнения его,—рассказывает П. Семенюта,—более и более демократизировались под влиянием усиленного чтения, жизненного опыта и постоянного размышления на социальные темы. Он жил в Одессе на краю города в обстановке бедной и чрезвычайно скромной. Два-три стула, расшатанный стол, еле-еле державшаяся, расхлябанная кровать с тюфяком, как блин. А жена любила общество, между которым хотела блистать, искала славы, аплодисментов, ждала хвалебных рецензий. Она любила мужа по-своему и хотела бы видеть его не то что в богатстве и славе, но все-ж таки с хорошим положением, среди семьи, в своем доме, обеспеченным. И в самом деле, развитой, умный, образованный, да еще при связях Яхненко, Желябов мог составить себе, что называется, хорошую карьеру, весьма шумную, если хотите, блестящую, которой позавидовал бы любой из воспитанников училища правоведения или Александровского лицея. Но он не гнался за этим, и, вместо карьеры, перешел на нелегальное положение, со всеми его тягостями, недостатками и ужасами.

И в то же время Желябов требовал и от жены сближения с народом. А она, проживая с мужем в Николаеве и работая здесь в огороде, частенько плакала, лежа на меже и «вспоминая о рояли».

Естественно, что несогласия между мужем и женой росли. Желябов поступал совершенно корректно и предлагал жене развод. Но она упорно не соглашалась. Супруги фактически

разошлись в 1878 году, но Ольга Семеновна все же надеялась, что муж вернется на лоно семейного счастья, и попрежнему отказывалась от формального развода...

Чтобы закончить эту страницу жизни Желябова, отметим, забегая вперед, что арест и привлечение Желябова к суду, как цареубийцы, произвели в его семье потрясающее впечатление и имели для нее роковые последствия.

Тесть его скоропостижно скончался, а власти обрушились на его семью и в результате разорили ее. После первомартовского процесса, окруженная приживалками, провинциальными салопницами, гоголевскими Коробочками, обезумевшая Ольга Семеновна просила об изменении ее фамилии...

15-ю годами раньше родные Каракозова проделали то же самое и тем не менее даже в учебниках истории занесены фамилии как одного, так и другого. История забыла фамилии их судей, следователей, обвинителей, сыщиков, жандармов, тюремщика, задерживавших, судивших и сохранявших для виселицы их тела. Но фамилии их самих занесла на свои скрижали. Их не вырубишь никаким топором.

Развод и разлучение Желябовых были фатальны, необходимы, обусловливались их натурами. Он пошел налево и дошел до виселицы, она—направо и была доведена чуть ли не до сумы: приходилось едва ли не побираться Христовым именем...

ГЛАВА IX.

Кризис народничества.—Политическая обстановка.—Настроение общества.—Начало террора.

После своего оправдания по «большому» процессу 193-х Желябов уехал на юг и провел лето в Подольской губернии в качестве бахчевода - пропагандиста. Очевидно, это была его последняя попытка пойти старыми путями. Процесс 193-х еще не научил многому, жизнь еще готовила новые сюрпризы. Во всяком случае в Петербурге Желябов еще возмущался землевольцами, которые склонялись к методам насильственных действий, не предчувствуя того перелома, который стоял уже над ним.

Революционная партия «Земля и Воля», получившая свое наименование от журнала такого названия, начавшего выходить только в 1878 году, с 1876 года собрала вокруг себя все народнические силы, весь цвет интеллигенции, поставившей своей задачей борьбу за социалистические идеалы. Это было большое

русло, в которое собирались отдельные кружки, группы и личности. Но пока складывалась эта организация, пытавшаяся придать движению в народ строго организованный характер и вместо отдельных путешествий с пропагаторско-агитаторской целью внедрить в крестьянской массе прочные, постоянные ячейки революционеров—постоянные «поселения»,—жизнь шла вперед.

И уход этой жизни далеко вперед сказался прежде всего в самом центре партии «Земли и Воли». В сильном ядре его складывалась группа, которая начинала признавать террор неизбежно необходимым, но верным и надежным методом борьбы с правительственною властью. В недрах самой «Земли и Воли» сложился кружок, называвший себя «Свобода или Смерть», чисто террористического характера. Был и «дезорганизаторский отдел», состоявший из нескольких лиц террористического устремления. С марта 1879 года при «Земле и Воле» стал издаваться «Листок Земли и Воли» ярко террористического направления, так как его редактор Николай Морозов (впоследствии шлиссельбуржец) был яростным сторонником действий «по методу Вильгельма Телля».

Такое разложение партии, признавшей основным своим догматом аполитизм, свидетельствовало о большом кризисе не только внутри ее, но и в жизни.

Дело в том, что пропагандисты и бунтари до 1878 г. имели в виду решить две задачи одновременно, т. е. подготовить или вызвать путем заговора передовой интеллигенции народное социальное восстание крестьянства,—как класса, по предположению наиболее доступного социалистической пропаганде и единственно сохранившего нечто в роде организации,—восстание, которое должно было одновременно снести и самодержавие императора и экономическое господство высших классов. В пять лет опыта оказалось, что пропаганда могла захватить лишь отдельные единицы из народа; что она положила лишь весьма незначительное основание социально-революционной организации городских рабочих в южных промышленных городах, а затем в Петербурге; что в крестьянстве не удалось ни создать революционной организации, ни вызвать более крупного бунта, чем те, которые издавна происходили от времени до времени в разных местах империи; что, наконец, административная организация империи является более значительною, чем предполагалось, помехой и пропаганде социальных идей, и организации народных сил. Поэтому элемент борьбы с правительством—прямое наследие декабристов и единственная задача русских якобин-

цев—с этой минуты все более выступает на первый план, все более привлекает к себе самых энергичных личностей, и революционная партия, при своей дальнейшей организации и деятельности, все более склоняется к новой постановке революционной задачи для России: сперва разделаться с самодержавием, а затем осуществить социальный переворот в той форме, в которой захочет его осуществить народ...

«В первое время, по уходе в город из деревни социалисты еще не теряли некоторой надежды вернуться опять в деревню и строили, по словам Фроленки («Былое», I, 1907), новые планы, составляли проекты, но скоро все это было оставлено. Началась чисто городская деятельность. Шпионы, предатели, освобождения товарищей, устройство типографий поглощали время и, все более и более расширяясь, окончательно прикрепляли людей к городу, увлекая их к террористическим поступкам. Этому не мало поспособствовали такие громкие дела, как дело Веры Засулич (выстрел в Трепова) и дело Кравчинского (убийство Мезенцова).

Молодая барышня идет открыто в берлогу врага и мстит за надругательство над товарищами. Все общество отнеслось вполне сочувственно к такому поступку. Само правительство смутилось и назначило обычный суд с присяжными. Даже газеты заговорили о наступлении новой эры, заговорили о том, что и им, наконец, стало легче дышаться. Словом, под'ем радужных надежд и чаяний охватил как то всех, и вдруг, можно сказать на другой же день, все были окачены холодной водой. Общество убедилось в этом, когда оправданную судом Веру Засулич жандармы хотели снова упрятать в тюрьму, и только благодаря вмешательству толпы, удалось ей избавиться от их когтей, и притом не даром, а ценою крови, побоев своих избавителей.

Начинаются аресты, отыскивание нитей. Из-за одного факта, из-за одного какого-нибудь поступка загорается сыр-бор, принимаются чрезвычайные меры. Хотят с корнем вырвать зародыши какого-то смутного протеста и обрушиваются как раз не на тех, на кого надо, а на людей, часто стоящих совершенно в стороне или только сочувствующих.

В обществе появляется недовольство, и оно очень радо, оно совершенно оправдывает такое дело, как дело Мезенцова. Оно считает его ответом на казнь Ковальского в Одессе и находит это в порядке вещей. Притом же, совершив его, террористы выказали свою силу, свою мощь, так как тут произошло замечательное совпадение.

2-го августа 78 года в Одессе казнили Ковальского, а 4-го августа в Петербурге был заколот на улице Мезенцов. Публика не знала, что тут произошло случайное совпадение, что Мезенцов убит за другое. Широкая публика радикальных газет не читала, не знала потому и настоящих мотивов убийства. В ее об'яснении сказалось сочувствие и оправдание таким фактам, с указанием, что следует делать, как надо отвечать на правительственные репрессии.

За первыми делами поэтому открывается целая серия новых фактов: убийство жандармского капитана Гейкинга, нападение на тов. прокурора Котляревского, освобождение Стефановича, Дейча и Бохановского в Киеве, нападение на конвой, везший в централку Войнаральского, убийство Крапоткина в Харькове (Гольденбергом) и друг.

Правительство приходит в ужас, учреждает генерал-губернаторов, вводит военные положения, но обрушивается опять-таки на обычную больше публику, вызывая в ней глухой ропот, жалобу, что так жить нельзя, требование положить конец такому тяжелому положению.

Этот ропот и эти требования достигают Соловьева, и он решает принести себя в жертву, расчитывая одним ударом—цареубийством—положить конец ненормальному состоянию вещей. 2 апреля 1878 г. происходит всем известное покушение на жизнь Александра II. Соловьев гибнет, но положение вещей не только не делается лучше, но еще более ухудшается.

Правительство окончательно теряет голову и отдает всю почти Россию на полный произвол вновь учрежденных генерал-губернаторов. На юге наступает нечто неописуемое. Высылки, казни, аресты, и кого?! Людей часто виновных лишь в том, что у них переночевал нелегальный человек и оставил пачку прокламаций. Так был казнен Розовский в Киеве, отказавшийся сказать, кто у него ночевал и оставил пакет. Так казнили в Одессе Дробязгина, Давиденку, виновных—первый лишь в том, что он, обязанный подпиской о невыезде из Николаева, уехал и был в группе киевских бунтарей, где за ним не было открыто никаких дел, а второй—за попытку устроить типографию.

В Одессе,—а здесь в это время жил Желябов,—уже с процесса Ковальского получилось довольно напряженное состояние. Войска, стрелявшие в толпу около суда, убившие одного гимназиста, желавшего лишь перейти с одной стороны улицы на другую далеко впереди войска, сделали то, что страшно возмутили всех против себя и против прибегших к силе оружия. Возмущение еще более поддерживалось сознанием своего бессилия,

невозможностью борьбы с голыми руками; не находя себе исхода, возмущение продолжало бурлить и кипеть, создавая то напряженное состояние, о котором сказано выше.

В воздухе стало явно носиться требование ответа, мести за подобные дела. В такой то момент учреждается здесь генерал-губернаторство, вводится военное положение, и Тотлебен начинает арестовывать, ссылать, казнить. Над городом точно нависает мрачная туча. Это чувствуется всеми, на всех наваливается тяжелый кошмар. Крик, теперь уже не тихий, а громкий, настойчивый, что «так жить нельзя, что надо найти выход», раздается и слышится всюду.

Люди, раньше едва, едва слыхавшие и мало интересовавшиеся революционным движением, теперь сами шли, разыскивали радикалов, указывали им на выход, предлагали себя в исполнители, выставляя цареубийство, как наилучший, единственный способ положить конец такому удушью. У многих это, конечно, был временный, невольный порыв—всякий это понимал, и от таких лиц старались отделаться под тем или другим предлогом, но, живя в такой атмосфере, дыша воздухом, пропитанным ожиданием чего-то особенного, и слыша постоянно крики и требование избавления, трудно, даже невозможно было продолжать думать о деревне, о медленной там работе.

Выход требовалось найти сейчас, в данную минуту, указание на средство носилось в воздухе, и потому станет вполне понятно, почему народники должны были перейти к политической борьбе».

Таковы были факты жизни, служившие теоретическими и практическими аргументами, которыми обменивались спорящие стороны в кружках вплоть до осени 1879 года. Но если бросить беглый взгляд на события, начиная с января 1878 года, то будет ясно, что вопрос уже был решен самой жизнью.

В январе 1878 года Вера Засулич стреляла в генерала Трепова за то, что тот распорядился выпороть студента Боголюбова, не снявшего пред ним шапки при посещении дома предварительного заключения [1]). 1 февраля в Ростове-на-Дону был убит рабочий Никонов—предатель. 22 февраля было совершено в Киеве покушение на товарища прокурора Котляревского.

---

[1]) Замечательно, что мысль убить Трепова, как оскорбителя Боголюбова, а в его лице всей революционной молодежи и всего революционного движения, возникла на юге совершенно самостоятельно от севера. Киевский революционер Попко, давно склонявшийся к террору, вместе с другим революционером приехал с целью убить Трепова в Петербург, снял для этого квартиру и начал следить за Треповым. Все это оказалось, конечно, излишним.

В ночь с 24 на 25 мая в Киеве же убит жандармский капитан барон Гейкинг. 4 августа убит шеф жандармов генерал Мезенцов.

8 февраля 1879 года в Харькове убит губернатор князь Крапоткин. 22 февраля убит в Москве шпион Рейнштейн. 13 марта Мирский совершает покушение на шефа жандармов Дрентельна. 2 апреля А. Соловьев покушается на жизнь Александра II.

Все это были совершенно самостоятельные, не партийные выступления отдельных лиц. Единственная тогда партия «Земля и Воля» не признавала и не могла признать террора.

Вопрос, стало быть, был решен жизнью в положительном смысле. На ряду с этим понадобилось пересмотреть и программу партии вообще.

ГЛАВА X.

Липецкий с'езд.—Приглашение на него Желябова.—Согласие на цареубийство.—Роль Желябова в Липецке.—Воронежский с'езд.—Взгляды Желябова на конституцию.

С этою целью революционерами и был созван Липецкий и Воронежский с'езды, которые в конечном результате разложили партию «Земли и Воли» на две группы, из которых одна, оставшаяся при старой вере под именем «Черного Передела», быстро умерла, а другая, принявшая наименование «Народной Воли», в короткое время своего существования заставила задрожать императорскую Россию и выполнила в короткий срок необычайные политические задания.

Липецко-Воронежский с'езд сыграл, таким образом, громадную роль в истории русской революции. Для нас эти с'езды тем интереснее, что в них впервые в крупной и определенной роли выступал Андрей Иванович Желябов.

На Липецкий с'езд приглашались те землевольцы, которые склонны были к террору. Для усиления своих кадров сторонники террора привлекали и лиц, стоявших вне партии, но известных своим направлением и политической физиономией.

Крупный революционер М. Фроленко, часто бывавший на юге и хорошо знавший Желябова, рекомендовал пригласить его на с'езд. Вот как живописно рассказывает Фроленко («Былое», I, 1907) историю этого приглашения, а затем рисует и последующую роль Желябова (эту роль в своих воспоминаниях значительно умаляет, а иногда и умалчивает о ней Н. Морозов, почему-то относящийся, повидимому, к Желябову более чем сдержанно).

Когда М. Фроленко упомянул инициаторам с'езда имя Желябова, посыпались возражения.

— Да, ведь, он же завзятый народник,—возразил кто-то. Их целая компания после Большого процесса (проц. 193-х) решила поселиться в деревнях, и он первый отправился к себе на родину, в деревню,—продолжал тот же.

— Все это так, Желябов, действительно, жил прошлое лето в деревне, но зиму он провел в Одессе и сейчас не слышно, чтобы он собирался снова туда,—ответил я, и при этом рассказал, что заставляет меня предлагать Желябова, и почему в нем и его согласии нельзя и сомневаться.

Когда существовала группа киевских бунтарей или «вспышкопускателей», как их иронически называли на юге, я принадлежал к ее членам. Желябов и его компания относились весьма отрицательно ко многим членам этой группы, перенося такое отношение и на ее программу. Однако, это не мешало его личному знакомству с некоторыми членами нашего кружка. Мне с некоторыми другими бунтарями приходилось не раз бывать у него на квартире, когда он жил в Одессе, и вести с ним мирные беседы. Программных споров мы избегали, и разговор велся на обычные темы.

Желябов, как человек живой, разговорчивый, любил попеть особенно в компании, любил и порассказать. Мне, в особенности, хорошо запомнились его рассказы про его студенческие похождения, где он вел постоянную войну и вступал в схватки то с полицией, то с уличными забияками, то, наконец, в бытность уже в деревне, с быком, которого все боялись и который никому не давал спуску. Желябов с вилами в руках пошел один на этого быка и обратил его в бегство к удивлению всей деревни.

«Да он больше бунтарь, чем мы»,—невольно навертывалось на мысль, слушая его повествование, и я не раз высказывал это вслух, когда мы уходили от него. Но приглашать его к нам в то время было уже поздно. Наша компания рушилась,— и Желябов таким образом остался неиспользованным.

А между тем нужно было только раз увидать и услыхать, с каким жаром и увлечением он рассказывает о своих похождениях, сопровождая слова жестами, чтобы сразу признать в нем чисто бунтарскую натуру.

Когда я рассказал все это петербургским товарищам, то мне поручено было поговорить с ним, и если он из'явит согласие на принятие участия в покушениях против Александра II, то пригласить его в Липецк.

В Одессе Желябов при первом же свидании выразил полную готовность принять участие в предприятиях против Александра II, но тут же в нем заговорил и народник. Когда я дальше в разговоре стал подробнее излагать ему цель Липецкого с'езда, планы и намерения питерцев сорганизовать при возможности более постоянную боевую группу и повести дело террора более систематически, не ограничиваясь уже единичным фактом, Желябов, увидав, что за первым фактом могут явиться и другие, на которые его пошлют, сей же час, как бы спохватившись, заявил, что он дал слово на единичный лишь факт и останется, пока этот факт не будет выполнен. По совершении же его, он будет считать себя свободным от всяких дальнейших обязательств; он потребовал даже, чтоб ему дано было слово, что он тогда волен будет выйти из организации или остаться в ней, обязуясь, конечно, сохранять тайну.

Слово ему, разумеется, было дано, хотя и без того никогда не практиковалось насильно удерживать человека. Желябов отлично сам это знал, но ему, мне кажется, необходимо было успокоить совесть своего народничества, он и оговорился, чтоб иметь право сказать, что «народничество-то я все таки не бросаю, хотя и согласился на единичный террористический факт».

Вскоре в Одессу приехал Александр Михайлов. Я познакомил его с Желябовым.

Встретился я с Желябовым уже в Липецке и диву дался: Желябов, еще недавно оговорившийся и бравший слово, что его не станут удерживать и заставлять участвовать в новых делах, теперь уже сам развивал целую стройную программу боевой организации. Отдельный факт уходил на второй план,— на первом ставилась целая серия фактов, которые, ширясь, могли бы закончиться или переворотом, захватом радикалами власти, или, по крайней мере, хоть принуждением правительства пойти на уступки и дать конституцию. Говоря о захвате власти, Желябов всегда оговаривался, что захватывать власть можно лишь с тем, чтоб передать ее в руки народа.

Как же могла произойти с Желябовым так быстро подобная метаморфоза? С ним самим об этом мне не пришлось говорить, но, полагаю, что об'яснить это можно не одной, а многими причинами.

Прежде всего это была подвижная, деятельная натура, ищущая, где бы ей приложить свою силу, энергию, а между тем правительственный террор отнимал всякую возможность какой либо деятельности и угрожал каждую минуту высылкой, тюрьмой иногда за здорово живешь. Чем погибать из-за пустя-

ков и мелочей, лучше совершить что либо побольше, что, быть может, очистит атмосферу, разгонит нависшие надо всеми тучи. Так думали в то время многие, так, вероятно, думал и Желябов. Отсюда быстрое согласие на предложение питерцев. Сказалась боевая натура.

Желябов умел логически мыслить и доводить мысль до конца. Приняв участие в единичном факте и размышляя, как его совершить, он пришел сначала к необходимости лучше обставить этот факт, но, начав с организации его, скоро дошел до необходимости создать организацию и для больших фактов, продолжать террор до логического конца. Его мышлению помогло, конечно, не мало и то, что, после моего от'езда, Тихомиров и Александр Михайлов в Петербурге составили проект программы боевой организации для Липецкого с'езда и познакомили, конечно, с ним в Одессе и Желябова и вместе с ним этот проект обсуждали.

Затем не мало повлияло вообще и то, что к этому времени лучше выяснились как наличный, количественный и качественный состав активных деятелей, так и возможность добывать более или менее значительные материальные средства. Дело можно было поставить на более широкую ногу.

Этим и увлекся Желябов, а к увлечению он был сильно склонен, рисуя себе и другим серую действительность часто в более светлых, радужных красках, чем это было на самом деле. Зато, слушая его, незаметно и сам начинал верить, что то, что казалось тебе малым, незначительным, серым на деле— и больше, и важней, и светлей.

На первых порах в Липецке [1]) началась было обычная история: неуменье русских вести собрание. Всяк спешил, не слушая другого, высказать свое мнение и не соглашался на изменения, на поправки. Желябов, однако, быстро помог делу. Очень скоро выяснилось, что он отлично умеет схватывать

---

[1]) В Липецке Желябов показал нам свою силу и не мало удивил ею даже извозчиков. Дорогой он с кем то поспорил, что подымет пролетку с седоком за заднюю ось. Проехав по лесу не более версты, мы начали останавливаться, увидав впереди какие то постройки. Предположили, что это, вероятно, какой нибудь ресторан или что нибудь в этом роде, где кутят липецкие купцы. Желябов сошел со своей пролетки. Вдруг бросается он еще к новому под'езжавшему экипажу, схватывает его за заднюю железную ось и, подняв пролетку с седоком, останавливает даже лошадь, бежавшую тихой рысью. «Ну, и сильный», вырвалось невольно у одного извозчика. Мы все тем более были поражены, что с виду Желябов вовсе не производил впечатление силача-атлета. У него же от напряжения только лопнула немного кожа на пальце и выступила кровь.

сущность чужой мысли и формулировать ее так, что с ней легче другим соглашаться. Мало этого, несколько однородных речей он соединял в одну, сглаживая, соглашая все их детальные различия, которые часто мешают соглашению больше, чем основные.

Его сей же час выбрали в секретари, и дело пошло быстро. Поднимались вопросы, высказывались мнения. Желябов их формулировал; делали небольшие поправки, заменяя одно слово, одну фразу другими, и ставили на баллотировку. Вопрос проходил, и шли дальше.

При таком деятельном участии Желябова на Липецком с'езде прошла новая программа Исполнительного Комитета, которая освящала и признавала террор, как систему политической борьбы. На с'езде же был окончательно решен вопрос и об участи Александра II.

На третьем и последнем заседании, посвященном обсуждению будущих предприятий общества, Александр Михайлов произнес длинный обвинительный акт против императора Александра II. Это была одна из самых сильных речей, хотя Михайлов по природе и не был оратором.

В ней он припомнил и ярко очертил сначала хорошие стороны деятельности императора: его сочувствие к крестьянской и судебной реформам, а затем приступил к изложению его реакционных преобразований, к которым, прежде всего, относил замену живой науки мертвыми языками в средних учебных заведениях и ряд других мероприятий назначенных им министров. «Император уничтожил во второй половине царствования,—говорил Михайлов,—почти все то добро, которое он позволил сделать передовым деятелям шестидесятых годов под впечатлением Севастопольского погрома».

Яркий очерк политических гонений последних лет заканчивал эту замечательную речь, в которой перед нашим воображением проходили длинные вереницы молодежи, гонимой в сибирские тундры за любовь к своей родине, исхудалые лица заключенных в тюрьмах и неведомые могилы борцов за освобождение. «Должно ли ему простить за два хорошие дела в начале его жизни все то зло, которое он сделал затем и еще сделает в будущем?», спрашивал Михайлов в заключение,—все присутствующие ответили: «нет».

С этого момента вся последующая деятельность большинства определилась в том самом смысле, в каком она стала теперь достоянием истории: ряд покушений на жизнь императора Александра II и их финал 1 марта 1881 г.».

Другой участник с'ездов Лев Тихомиров, близко знавший Желябова, так рисует его роль в Липецке и Воронеже и в таких терминах характеризует его политические взгляды.

«Роль Желябова в Липецке была очень видная. Он неутомимо совещался и в частных разговорах и в общих собраниях старался ознакомиться с людьми, сговаривался, проводил собственные взгляды и т. д. Что касается этих взглядов, то их можно срезюмировать следующим образом: Социально-революционная партия не имеет своей задачей политических реформ. Это дело должно бы всецело лежать на тех людях, которые называют себя либералами. Но эти люди у нас совершенно бессильны и, по каким бы то ни было причинам, оказываются неспособными дать России свободные учреждения и гарантии личных прав. А между тем эти учреждения настолько необходимы, что, при их отсутствии, никакая деятельность невозможна. Поэтому русская социально-революционная партия принуждена взять на себя обязанность сломить деспотизм и дать России те политические формы, при которых возможна станет «идейная борьба». В виду этого мы должны остановиться, как на ближайшей цели, на чем нибудь таком, достижение чего давало бы прочное основание политической свободе и стремление к чему могло бы об'единить все элементы, сколько нибудь способные к политической активности.

Таким основанием несколько позднее, как известно, явилось «Учредительное Собрание» и принцип «Народной Воли».

Порешивши утвердительно—хотя в довольно неопределенной форме—этот вопрос, с'езд перешел к обсуждению того, как социально-революционная партия должна отнестись к тем казням, которые, по всеобщим слухам, готовились в виде отместки за 2 апреля [1]). В этом отношении мнения Желябова были еще более определенны. Он доказывал, что если партия хоть сколько нибудь считает своею целью обеспечение прав личности, а деспотизм признает вредным, если она, наконец, верит, что только смелой борьбой народ может достигнуть своего освобождения, то тогда для партии просто немыслимо безучастно относиться к таким крайним проявлениям тирании, как Тотлебенские и Чертковские расправы, инициатива которых принадлежит царю. Партия должна сделать все, что может: если у ней есть силы низвергнуть деспота посредством восстания, она должна это

[1]) Важно отметить, что Липецкий с'езд происходил под впечатлением казни Валериана Осинского (14 мая 1879 г.) Его предсмертное прощальное письмо было прочитано на с'езде и произвело глубокое впечатление; это письмо опубликовано в № 6 «Земли и Воли» от 14 июля 1879 г.

сделать, если у нее хватает силы только наказать его лично— она должна это сделать, если бы у нее не хватило силы и на это, она обязана хоть громко протестовать... Но сил хватит, без сомнения, и силы будут расти тем скорее, чем решительнее мы станем действовать.

В таком духе говорил Желябов, и особенных возражений этому на с'езде не было. Этот вопрос был для всех ясен до очевидности, и дебаты только формулировали те чувства, которые все более накипали в это время на душе каждого порядочного человека.

Третий вопрос, подлежавший обсуждению, был вопрос о типе организации. Желябов не был в это время особенно ярым централистом, хотя признавал необходимость дисциплины и известной степени подчинения. Он только впоследствии вполне проникся организационными началами, выставленными вскоре «Народной Волей». Поэтому его роль на с'езде по данному вопросу не была яркой. Под влянием доказательств некоторых других лиц, с'езд порешил, однако, организационный вопрос в смысле строгой централизации, дисциплины и тайны.

Что касается задач практических, то мимоходом замечу, что в число их не входила организация мести тирану. Относительно средств, которыми могла бы располагать партия в этом случае, велись, между прочим, частные разговоры, но и только. Самое решение организационного вопроса с'ездом было таково, что практическое осуществление подобного дела возлагалось прямо на организацию. Сверх того, вопрос зависел от поведения правительства. Вообще, главным делом участников с'езда было распространение и укрепление новой партии, вследствие чего они торопились раз'ехаться. Некоторые лица, в том числе и Желябов, должны были остаться по приглашению землевольцев в Липецке до тех пор, пока участники Воронежского с'езда не вызовут их туда (если окажется возможным).

В Воронеже в это время собралось уже много народа. Липецкие землевольцы заставили себя ждать дня четыре, и некоторые из с'ехавшихся в Воронеж уехали обратно. Явившись, наконец, в Воронеж, «террористы» первым вопросом с'езда поставили принятие новых членов (все больше из бывших в Липецке), участие которых было необходимо для того, чтобы компания содержала в себе более разносторонние элементы. С'езд, вообще, согласился,—некоторых принял, в том числе был Желябов, который, таким образом, явился в Воронеж.

Воронежский с'езд, вообще говоря, был очень бессодержателен. Нужно отдать справедливость его участникам: громадней-

шее большинство их вполне добросовестно старались уяснить себе задачи времени. Но состав с'езда был такого рода, что решение, во всяком случае, могло быть только компромиссом. Вся деревенская часть с'езда, составлявшая большинство, во первых, слишком сильно сохранила старое отвращение к политике, некоторые же оказались даже вовсе не революционерами и проводили мысль, что задача партии—это селиться в народе, знакомиться с ним и затем вести в его среде медленную культурную работу поднятия его умственного и нравственного развития. С этими людьми, разумеется, невозможно было столковаться, как бы они ни были хороши сами по себе. Желябов страшно злился. «Хороши ваши землевольцы», говорил он,—«и эти люди воображают себя революционерами». Желябов, как и некоторые другие, был такого мнения, что разрыв неизбежен и что не стоит даже оттягивать его. Он прямо, без малейших уступок, развил перед с'ездом свою систему, свои взгляды, чем вызвал немалое изумление. «Да ведь он чистый конституционалист», говорили правоверные социалисты...

Желябов относительно конституции, действительно, держался такого мнения, что она была бы очень полезна, что она облегчила бы возможность действовать, если не для «официальных социалистов», то для людей вообще, и тем помогла бы народу выдвинуть своих деятелей, которые не хуже нас сумели бы определить нужды народа и осуществить их. «Я знаю—говорил Желябов—много очень умных, энергичных общественных мужиков, которые теперь сторонятся от мирских дел, потому что крупного общественного дела они себе не выработали, не имеют, а делаться мучениками из-за мелочей—не желают: они люди рабочие, здоровые, прелесть жизни понимают и вовсе не хотят из-за пустяков лишиться всего, что имеют. Конституция дала бы им возможность действовать по этим мелочам, не делаясь мучениками, и они энергично взялись бы за дело. А потом, выработавши себе крупный общественный идеал, не туманный, как теперь, а ясный, осязательный, и создавши великое дело,— эти люди уже ни перед чем не остановятся, станут теми героями, каких нам показывает иногда сектантство. Народная партия образуется именно таким путем».

Большая часть с'езда, однако, боялась разрыва. Особенно он страшным казался для еще не оперившихся «народовольцев» (т. е. будущих). Поэтому товарищи убеждали Желябова не ставить вопроса слишком резко. Он согласился, но вместе с тем вообще замолчал на собраниях и занялся исключительно частными беседами, стараясь склонить на свою сторону отдельных

лиц. Особенно хлопотал он около Софии Перовской, с которой, хотя и был знаком, но еще далеко не близок. Но С. Перовская крепко стояла за свои взгляды, и не раз Желябов говорил, пожимая по обыкновению плечами: «Нет, с этой бабой ничего невозможно сделать».

С'езд кончился компромиссом. Было решено, что программа «Земли и Воли» остается неизменной, но что активная борьба с правительством должна быть усилена, и что—в случае казней—«Земля и Воля» должна принять самое деятельное участие в наказании тирана.

Понятно, все эти решения совсем не удовлетворяли новаторов. Теперь—энергическая деятельность становилась невозможной ни в одну сторону. Единственная выгода, которую они приобретали—некоторые материальные средства, которые можно было пустить на живое дело. Все ясно понимали неизбежность разрыва, если положение дел не изменится».

Осенью этот разрыв окончательно произошел: «Земля и Воля» прекратила свое существование. Новаторы-террористы основали «Народную Волю». Первый номер журнала под таким именем вышел в Петербурге 1 октября 1879 года. Программа Исполнительного Комитета была напечатана в 3 № «Народной Воли» от 1 января 1880 года.

ГЛАВА XI.

„Борьба с народнической совестью".—Идея цареубийства у землевольцев.—Метаморфоза с Желябовым.

Решительное согласие Желябова примкнуть к террористам и принять участие в убийстве Александра II, что решено было левою группою землевольцев еще до Липецкого с'езда, вызвало, как отмечено выше, некоторое недоумение в среде его товарищей. Казалось непонятной его непоследовательность. То он ярый народник, признающий только пути социалистической пропаганды и веривший исключительно в социальную революцию, производимую крестьянскими массами, то вдруг убежденнейший террорист, который завладевает даже чарами террористического влияния на с'езде в Липецке.

К возможности привлечения Желябова в ряды террористов в Петрограде относятся скептически, и Фроленке приходится живописать личность Желябова самыми воинственными чертами, не лишенными романтических красок, чтобы повлиять на своих товарищей и рассеять их скептицизм. Сам Фроленко недоуме-

вает быстроте перемены, происшедшей в Желябове. В Одессе ему приходится убеждать Желябова и тот соглашается на цареубийство с весьма существенной оговоркой. Он дает слово на один акт. Он не желает ничем себя связывать. В этом Фроленко видит следы тех уз, какие наложило на Желябова народничество: «народничество я все таки не бросаю, хотя и согласился на единичный террористический акт». Так, мол, думал Желябов для успокоения своей народнической совести.

Но здесь кроется большое непонимание сложной и богатой гранями души Желябова.

Нужно, прежде всего, припомнить всю обстановку, среди которой происходило приглашение Желябова, получив которое он должен был дать согласие на террористический акт.

Несомненно, народническое течение, воспринятое Желябовым со всем жаром пламенной души, не принадлежало к числу таких членов символа революционной веры, которые легко можно было отбросить от себя при первом соприкосновении с критической работой мысли. Народничеству отдал Желябов всю свою душу. Но о него же Желябов свою душу и изранил. Чтобы переступить чрез веру, сжечь ее, нужно много дум, много внутренних страданий, много, наконец, ответственности. Естественно, что вопрос Фроленки потребовал от Желябова чрезвычайного напряжения всех его духовных сил.

Припомните рассказ Чудновского о том, какое волнение возбудило в Желябове предложение войти в революционный кружок Волховского. Желябов был слишком цельной натурой и чужд легкомыслия. Он потребовал себе три дня на размышление, прежде чем дал согласие Чудновскому, хотя, в сущности, Желябов идейно был совсем близок делу кружка Волховского... Понятно, что предложение Фроленко должно было возбудить в нем внутренний пожар, который или сжег бы старые корабли без возврата, или отбросил бы Желябова от дела революции.

Желябов был сыном своего времени, сыном чутким и восприимчивым. Идея цареубийства только что родилась и притом родилась на юге.

И не только мысль, но сделаны были и приготовления к ее осуществлению посредством динамитного взрыва в Николаеве под дорогой, по которой 18 августа 1878 года должен был проезжать Александр II. Во время ареста 16 августа, т. е. за два дня до предполагавшегося покушения революционера Виттенберга, у него была найдена гальваническая баттарея, предназначенная для покушения. Заготовленный для этого взрыва динамит был увезен после того из Николаева в Одессу и по-

мещен на квартире революционера Давиденко, а после ареста его на улице, динамит успели вывезти и из его квартиры отправить в Киев и поместить в квартире Федорова-Гобста, где он и был захвачен полицией. Вместе с Виттенбергом серьезную роль в предполагавшемся покушении играл матрос Лаговенко. К этому же делу был прикосновенен и один из руководителей одесских террористов Чубаров.

Горячий юг в вопросе о терроре вообще шел впереди севера, и несомненно Желябов поддавался этим токам высокого напряжения, пропитывавшим южный воздух. На севере идея цареубийства встречала сначала резкий отпор.

Когда в Петербург явился Соловьев и заявил обществу «Земли и Воли» чрез Александра Михайлова о своем намерении сделать покушение на жизнь Александра II, раздор между двумя нашими партиями достиг крайней степени. Александр Михайлов, доложив на собрании о готовившемся покушении, просил предоставить в распоряжение Соловьева (фамилию которого он не счел возможным сообщить на общем собрании) лошадь для бегства после покушения и кого нибудь из членов общества, чтобы исполнять обязанности кучера.

Произошла бурная сцена, при которой «народники», как называли себя будущие члены общества «Черный Передел», с криками требовали, чтобы не только не было оказано никакого содействия приехавшему на цареубийство, но чтобы сам он был схвачен, связан и вывезен вон из Петербурга, как сумасшедший.

Но большинство оказалось другого мнения и об'явило, что хотя и не будет помогать Соловьеву от имени всего общества, в виду обнаружившихся разногласий, но ни в каком случае не запретит отдельным членам оказать ему посильную помощь. «Народники» об'явили, что они сами в таком случае помешают исполнению проекта, и один из них даже воскликнул среди общего шума и смятения, что он убьет «губителя народнического дела, если ничего другого с ним нельзя сделать».

Биограф М. Р. Попова, бывшего на этом совещании и при том противника идеи цареубийства, Сватиков, с его слов, рассказывает эту сцену так:

«Возмущенный анархическим заявлением неизвестного (оказавшегося потом Соловьевым), не желавшего считаться с требованиями партийной дисциплины в таком высоко-важном вопросе, Попов заявил:

— Господа, если среди нас возможны Каракозовы, то поручитесь-ли вы, что завтра из вашей среды не явятся и Комисса-

ровы со своим намерением помешать этому поступку, не стесняясь тем, как отнесется к его намерению наша организация?

На это Квятковский с неменьшей запальчивостью ответил по адресу Попова:

— Если Комиссаровым будешь ты, то я и тебя застрелю».

Николай Морозов («Былое,» X, 1907) прибавляет к этому, что его воспоминания рисуют эту сцену в несравненно более резкой форме. На слова Александра Михайлова, что покушение это делается по личной инициативе известного ему лица и что общество «Земли и Воли» может только или помочь ему или устраниться от этого дела, один из членов, ушедших потом в «Черный Передел»—Игнатоев, воскликнул:

— Надо донести!

А Попов прибавил более резкую фразу, очевидно ту, которая приведена тем же Морозовым выше: «убью губителя народнического дела»...

Такие страсти возбуждал вопрос о цареубийстве, потому что не приспело еще время созревания этой идеи и не пришли для него настоящие люди, которые могли бы смело перешагнуть через прошлое и его традиции.

Желябов, таким образом, находился среди двух огней времени: юг уже пылал пожаром цареубийства, север упорно сопротивлялся; тем не менее выставил первого исполнителя замысла. Народничество все, всем своим существом, всем своим идейным содержанием, всей верой и всеми богами своими противилось этой ереси, увлекавшей народническое течение в русло политики, которая отрицалась.

Понятно, что все эти треволнения не могли не переживаться Желябовым,—к тому же, как основательно замечает и сам Фроленко, он ведь не знал степени серьезности и обоснованности плана, не ведал и людей, с которыми ему придется действовать, как исполнителю.

Беседы с Александром Михайловым были, повидимому, тем моментом, который вывел Желябова из состояния неустойчивого равновесия. Нужно припомнить ту оценку, которую давал Желябов Александру Дмитриевичу Михайлову, чтобы установить с несомненностью, что в данном случае беседа с Михайловым имела громадное влияние на Желябова, на его окончательную решимость и на быстрое затем проникновение планами террора.

В примечаниях к «Автобиографическим заметкам» А. Михайлова, изданным в серии книг «На родине», приводится, пови-

димому, тем же Львом Тихомировым, такой отзыв Желябова о Михайлове:

«Михайлова многие считают человеком холодным, с умом математическим, с душою, чуждою всего, что не касается принципа. Это совершенно неверно. Я теперь хорошо узнал Михайлова. Это—поэт, положительно поэт в душе. Он любит людей и природу одинаково конкретно, и для него весь мир проникнут какою то чисто человеческою, личною прелестью. Он даже формалистом в организации сделался именно, как поэт: организация для него—это такая же личность, такой же дорогой для него «человек»,делающий при том великое дело. Он заботился о ней с такой же страстной, внимательной до мелочей преданностью, с какой другие заботятся о счастьи «любимой женщины»...

А сам Желябов разве был чужд этой самой склонности к поэзии? Несомненно, в этом увлекающемся, загорающемся быстро всеми огнями жизни человеке было много от поэзии, от вдохновения, что так отражалось в его речах. «Чисто человеческая личная прелесть» увлекала и Желябова. Схватив мысль, он разворачивал ее во всей полноте ее «личной человеческой прелести», во всем охвате ее ради человеческого счастья.

И мы думаем, что Желябов соглашался на единичный террористический акт не потому, что уж очень был порабощен народнической совестью, а потому,что его мозг требовал серьезной предварительной работы, большой и сложной, прежде чем отдаться новой идее целиком, а иначе отдаваться идеям Желябов не мог и не умел. Такую работу Желябов и выполнил после от'езда Фроленки под влиянием бесед с А. Михайловым. И как человек решительный, не тяжкодум, не медлительный копун, он быстро усвоил, переварил, претворил и на-ново начал воссоздавать ту идею, которую ему преподнес в сыром виде Фроленко.

Все знавшие Желябова по Одессе (Семенюта, Белоконский) тоже заметили в Желябове разительную перемену в 1879 году. Но они же отмечают, что еще с 1876 года Желябов левел и демократизировался с каждым часом. Он все глубже уходил в изучение книг по социальным вопросам, вдумывался и делался решительнее и активнее.

Таким образом никакого слишком странного, близкого, в некотором роде, оборотничества у Желябова не было. Цельная, сильная, страстная натура поэта всякую идею, которой он поверил и которой поклонился в духе и истине, медленно воспринимала, но воспринятое быстро претворяла и строила на нем уже новое, свое, личное, индивидуальное...

Переходя в ряды «Народной Воли», Желябов был только последователен. Старые знамена он бережно сложил в сердце своем. И пошел вперед,—заранее подчеркнем,—никогда не веруя вслепую, всегда критически следя за собой и оставаясь об'ективным в самые горячие минуты борьбы.

ГЛАВА XII.

Террористические акты „Народной Воли".—Покушение под Александровском.—Взрыв в Зимнем Дворце.—Мины под Каменным мостом.—Убийство Александра II,—Арест Желябова.

Отныне начинается самый важный и самый решительный в жизни и деятельности Желябова период. После Липецкого с'езда Желябов со всей присущей ему страстью развил самую невероятную по кипучести своей деятельность. Он на первых порах проводит время между своим югом и Петербургом. В последнем осенью происходит ряд весьма важных совещаний, как старых землевольцев вместе с новаторами-террористами, так и самих новаторов. В одном из собраний молодого учреждения, Исполнительного Комитета «Народной Воли», происходившем под Петербургом в Лесном 26 августа 1879 года, был поставлен вопрос: следует ли продолжать намеченные предприятия против генерал-губернаторов или же сосредоточить все силы на одном лице государя? Решено было все удары направить на последнего.

На это постановление от 26 августа 1879 года ссылаются обычно, как на самую важную дату. Исполнительный Комитет «Народной Воли», в заявлении своем о покушении на Александра II под Александровском и о подготовлявшемся покушении в Одессе, ссылается именно на это постановление. На то же постановление ссылается Исполнительный Комитет в первой прокламации после убийства Александра II. На него делает ссылку Желябов в первомартовском процессе и, наконец, о нем упоминает в своем письме-завещании осужденный по процессу 20-ти народовольцев Александр Михайлов: «завещаю вам, братья, издать постановления Исполнительного Комитета от приговора А. (Александру II), то есть от 26 августа 1879 года до марта 82 года».

После петербургских совещаний Желябов уехал на юг—в Киев, Харьков и Одессу, где вербовал сторонников, искал новые силы, подготовлял возможности для покушений на Александра II.

К этому периоду, но только несколько раньше, относятся весьма интересные воспоминания Семенюты об одесской жизни Желябова. Еще весной 1879 года Желябов вдруг вздумал заниматься физикой. Но математических способностей никаких у Желябова не оказалось и занятия шли крайне плохо. В конце концов Желябов их бросил, признавшись, однако, что собственно ему нужно было лишь практическое электричество. К сожалению, нет никаких материалов для того, чтобы судить, какие деловые обстоятельства заставляли Желябова прибѣгнуть к изучению специальной отрасли знания. В то время Желябов не состоял еще в террористической группе, хотя возможно, что у него и были какие-либо связи и даже начинания и в этом направлении.

Но вернувшись осенью после Липецка и Петербурга в Одессу, Желябов завел обширные знакомства с профессорами артиллерийской академии, разными техниками, офицерами разных специальностей. В Одессе на рейде в то время стояли всегда военные суда, миноноски и проч. Он видел действие мин и торпед на воде, присутствовал при разных опытах со взрывчатыми веществами. Эти же офицеры давали ему уроки. Оплачивались они дорого, очень дорого, что то в роде 25 рублей за час. Вообще Желябов подготовлял себя чуть чуть что не к службе монтера. Он входил во все детали и как то по неосторожности на каком то опыте был ранен.

Покойный лейтенант Рождественский (не надо смешивать с цусимским героем) раза два брал его на свой миноносец, на котором делал разные экскурсии по Черному морю. А другой офицер П. постоянно говорил на артиллерийские темы.

В гавани почти ежедневно матросы занимались рыболовством, что служило хорошим подспорьем к матросскому пайку. Обыкновенно на паровом катере Желябов и матросы ездили верст за 10—12 от города к Большому Фонтану и, заметя стаю рыб, бросали в нее шашкой пироксилина на проволоке, замыкая в то же время ток. Взрыв,—и масса оглушенной рыбы всплывала на поверхность. Эффект каждый раз превосходил ожидания Андрея Ивановича. У него раздувались ноздри и глаза готовы были выскочить из орбит, весь он дрожал от удовольствия. В одну из таких поездок он был ушиблен в плечо.

В ноябре месяце 1879 года Желябов получил первое боевое крещение: он организовал покушение на убийство Александра II под Александровском, Екатеринославской губернии.

В Харькове состоялось совещание террористов, на котором были распределены роли в виду того, что одновременно

должно было быть подготовлено и убийство Александра II под Одессой.

Вместе с тем уже велись и работы под Москвой тоже для взрыва царского поезда.

Покушение под Александровском, руководителем которого был Желябов, было одно из самых дерзновеннейших, по общему признанию.

С фальшивым паспортом на имя купца Черемисова Желябов явился в городскую управу города Александровска и подал заявление о своем желании устроить в этом городе кожевенный завод. Ему был отведен участок земли.

Под именем жены Черемисова поселилась в Александровске Анна Якимова. Привлек Желябов и двух своих лично знакомых рабочих к этому предприятию—Тихонова и Окладского [1]). Желябов купил лошадей и телегу, постоянно говорил с обывателями о постройке кожевенного завода, но, конечно, к этой последней не приступал.

В своей роли купца-заводчика Желябов был неподражаем. Он, впрочем, и сам очень увлекался новыми согражданами. Эти потомки запорожцев, среди которых ему попадались фамилии славных казацких воителей, заинтересовали его. Он от души дружился, пил и ел с ними, занимаясь в то же время своим делом. Он не раз потом удивлялся, как это его с товарищами никогда не взорвало: они перевозили динамит по самой тряской дороге, сидя на нем в простой телеге, и еще гнали при том лошадей во весь дух. «А в книжках то чего не понаписано, будто он от сотрясения взрывает», смеялись они.

План был дерзок: мины закладывались под носом сторожей, без всякого прикрытия кроме часовых. Но зато и успех казался несомненным, так как малейший толчок должен был

---

[1]) Иван Окладский, с большой гордостью ведший себя на процессе 16-ти народовольцев (в октябре 1880 г.) и заявивший, что он не просит снисхождения, которое было бы для него оскорблением, оказался весьма злостным предателем. В 1881 году он подал прошение о помиловании, которое ему было даровано за услуги, оказанные полиции. В 1880 году он содействовал открытию двух конспиративных квартир, а в 1881 году помогал полиции выяснять личности первомартовцев. Высланный на Кавказ, Окладский и здесь служил делу полиции и кроме того получал весьма важные командировки. В 1889 г. он был вызван в Петербург, где «работал» по открытию революционного кружка Истоминой. Окладскому было пожаловано звание потомственного почетного гражданина. До февральской революции 1917 г. Окладский получал пенсию в 150 рублей в месяц и состоял на государственной службе. Таким образом он служил секретным сотрудником 37 лет! («Былое», № 10—11, 1918 г.).

сбросить поезд в пропасть. Неудача произошла лишь от случайно перерезанной проволоки, или от дурного качества запалов, и, во всяком случае, была совершенно неожиданна.

Обвинительный акт по делу 20 народовольцев рассказывает так про это покушение, оставшееся совершенно неизвестным властям. Они о нем узнали позже из предательских показаний Гольденберга, арестованного в Елисаветграде в тот момент, когда он вез из Одессы непонадобившийся там динамит в Москву.

Обвинительный акт гласит:

«Во исполнение преступного дела под полотном железной дороги на 4-ой версте произведена была закладка мины из двух цилиндров с магнезиальным динамитом, а по получении 16 ноября от Преснякова, приехавшего из Севастополя, сведений о предстоящем 18 ноября проезде государя императора, Желябов, Тихонов, Окладский и Пресняков, в означенный день, отправились в телеге, в которой помещалась гальваническая батарея, к месту, где была заложена мина; здесь Окладский, вынув из земли спрятанные концы проводников, идущих от заряда, передал их Желябову, как только императорский поезд стал проходить над миною. По сигналу Окладского:

— Жарь! —

Желябов сомкнул' цепь. По неизвестной причине взрыва, однако же, не произошло, и императорский поезд благополучно проследовал мимо злоумышленников, которые вскоре после этого раз'ехались из Александровска.

5 февраля 1880 года произошел взрыв в Зимнем Дворце в Петербурге.

В этот день, в седьмом часу вечера, во дворце должен был состояться семейный обед, по случаю приезда в Петербург принца Александра Гессенского. Стол был накрыт в покоях, расположенных над помещением главного караула. Едва Александр II вышел навстречу своему гостю в малый фельдмаршальский зал, как из подвального этажа произошел взрыв, разрушивший помещение главного караула и смежные с ним здания, а также повредивший пол в тех комнатах, в которых предполагался обед. При взрыве было убито 10 нижних чинов лейб-гвардии Финляндского полка. Кроме того 33 человека из нижних чинов и служителей дворца получили тяжкие поранения.

Взрыв произвел рабочий Халтурин, ловкий, находчивый и осторожный революционер, проникший во дворец в качестве рабочего и, не внушая к себе подозрений, спокойно работавший там по подготовке взрыва. Руководил операцией Исполнитель-

ного Комитета сначала Квятковский, а затем, после ареста его, Желябов. Любопытно, что при аресте Квятковского у него был найден план Зимнего Дворца с отмеченной столовой, под которую был заложен динамит. Был произведен обыск, не давший никаких результатов, и Халтурин остался вне подозрений.

Когда Квятковского сменил Желябов, Халтурин настаивал на том, чтобы ему было предоставлено возможно большее количество динамита, дабы взрыв был наверняка. Но Желябов не хотел лишних жертв. Три пуда динамита были сложены в простой деревянный сундучок, который и послужил миной. В начале февраля месяца 1880 года Желябов и Халтурин встречались ежедневно, но всякий раз, проходя мимо Желябова и не здороваясь с ним, Халтурин ронял слова: «нельзя было», «ничего не вышло», и проходил мимо. Встретившись 5-го февраля, он сказал ему «готово»...

Очень скоро страшный грохот подтвердил его слова. Желябов увел Халтурина на конспиративную квартиру. Когда Халтурин узнал, что взрыв не достиг своей цели (мало динамиту), он не простил того, что называл ошибкой Желябова.

В следующем очередном деле—в приготовлении к покушению в Одессе весною 1880 года Желябов прямого участия не принимал: в Одессу для этого поехали члены Исполнительного Комитета Саблин и Перовская, которая в этом году сделалась фактической женой Желябова. Но, конечно, как член Исполнительного Комитета, Желябов был в центре выработки всех планов и руководил ими. Он умел быть атаманом, оставаясь товарищем: сотрудников никогда не превращал в простые пешки, а, напротив, возбуждал их инициативу и давал ход каждой хорошей мысли. Сверх того он умел и сам подчиняться. Поэтому он никогда не затруднялся в наборе людей на порученное ему дело.

Следующим мероприятием Исполнительного Комитета, относящимся к лету 1880 года, явилась организация покушения на Александра II в самом Петербурге в путях проезда государя от царскосельского вокзала до Зимнего дворца путем закладки мины под Каменным мостом.

Мины закладывали Желябов, Пресняков и Тетерка. Они связали два гуттаперчевых мешка, наполненных динамитом, веревками и погрузили мешки в воду под мостом, прикрепив конец веревки и проволоки проводников к находившемуся близ моста, выше по течению, плоту, на котором устроена прачешная.

По состоявшемуся между участниками соглашению, взрыв должен был произвести Желябов при содействии Тетерки при проезде государя императора через мост. В назначенный день и час Тетерка, имея при себе корзину с картофелем, должен был сойтись с Желябовым у Чернышева моста и отправиться вместе с ним на плот, к которому были прикреплены проводники, где под видом перемывки картофеля, соединить провода с батареей, которую взялся привезти Желябов. В назначенный день и час Тетерка не явился к назначенному месту за неимением часов, и государь проехал благополучно на вокзал. Через несколько дней те же лица поехали извлекать мешки из воды, но не могли этого сделать, так как имевшиеся у них кошки не достигали опущенных в воду мешков. Они были уже впоследствии извлечены из воды полицией.

Наконец, 1 марта 1881 года в 1 ч. 45 м. дня был убит император Александр II, возвращавшийся из манежа Инженерного замка, на набережной Екатерининского канала, не доезжая Конюшенного моста. 29 марта был вынесен приговор особого присутствия правительствующего сената, приговорившего к смертной казни через повешение шесть арестованных по этому делу лиц: Николая Рысакова, Андрея Желябова, Тимофея Михайлова, Николая Кибальчича, Софью Перовскую и Гесю Гельфман. Кроме последней, все пятеро были повешены 3 апреля в 9 ч. 50 м. утра.

Так умер Желябов. Он довел почти до конца порученное ему дело, оставаясь на свободе до 27 февраля, когда был арестован вместе с Тригони...

Непосредственным исполнителем он не был. Но был зато всею душою заговора. Из его поведения и речей на суде мы узнаем, как вел себя и держался Желябов и как говорил он о своей роли в этом деле. Несомненно, что только железная воля Желябова, настойчивость, неукротимая энергия, неутомимость и стальная решимость во что бы то ни стало довести до конца постановление Исполнительного Комитета от 26 августа 1879 года сделали возможным акт 1-го марта.

Желябов и сам не отказывался быть непосредственным исполнителем приговора Исполнительного Комитета. Он сам предполагал, что, при неудаче взрыва на Малой Садовой улице, он бросится лично с кинжалом открыто на Александра II и постарается поразить его. И Желябов был на это способен, быть может, из всех революционеров один Желябов...

Обстановка, в которой погиб Александр, хорошо, конечно, известна всем. Первым бросил метательный снаряд Рысаков.

Второй—Гриневицкий, который был убит вместе с царем. Тимофей Михайлов, который должен был бросить снаряд первым, струсил в последнюю минуту, очереди перепутались, и поэтому Рысаков, который был взят для того, чтобы «понюхать пороху», выступил все же первым метальщиком. Емельянов, который тоже был метальщиком, держа непонадобившуюся уже после второго взрыва бомбу в одной руке, другой помогал перенести Александра II, и благополучно после этого ушел с места взрыва. Сигнальщицей была Софья Перовская, стоявшая по другую сторону канала.

А знаменитый Кобозев—Юрий Богданович—поджидал в этот день проезда государя по Малой Садовой. Если бы государь поехал по этой улице, то последовал бы взрыв тщательно и хорошо заготовленной мины.

Обоими этими предприятиями, тесно между собой связанными и являющимися, в сущности, единым предприятием, руководил Желябов. Деятельной его помощницей была Софья Перовская, которая во многом дополняла Желябова, внося еще большую непреклонность и суровость в требование исполнения долга. Это было время, когда оба они совершенно ушли с головой в предприятие и отдавали ему все свое время. Оба торопились. Оба желали во что бы то ни стало заключить цикл своих действий, не думая о личной судьбе и зная, что жизнь уже, в сущности, отдана вся без остатка. Недаром при встрече нового 1881 года кружок народовольцев веселился исключительно задушевно. Все готовились к решительному бою и, как обреченные, в последний раз улыбались жизни. Знали, что с ними не поцеремонятся, что их не пощадят и что никакая сила не спасет их от виселицы.

Перечислим теперь всех участников акта 1-го марта.

Члены Исполнительного Комитета: Желябов, Перовская, Тригони, Фроленко, Суханов, Богданович, Якимова, Лебедева, Фигнер, Исаев, Тихомиров, Тихомирова, Саблин, Корба, Грачевский, М. Оловенникова, С. Златопольский, Ланганс, Теллалов, Франжоли и Завадская. В подкопе на Малой Садовой, кроме некоторых членов Исполнительного Комитета, участвовали Меркулов и Дегаев. Метальщиками были Рысаков, Гриневицкий, Т. Михайлов и Емельянов. Техником—Кибальчич. Хозяйка конспиративной квартиры Геся Гельфман. Наблюдательный отряд, который следил за выездами Александра II, состоял из Тыркова, Тычинина, Елизаветы Оловенниковой и еще одного студента, оставшегося неоткрытым [1]).

---

[1]) Этот деятель жив до сих пор.

Итого 31 человек...

Всех террористических актов, направленных «Народной Волей» против Александра II, было семь. Восьмым явилось 1 марта 1881 года.

ГЛАВА XIII.

Работа Желябова.—Кипучесть и многосторонность его деятельности.—Взгляды Желябова.—Письмо к М. П. Драгоманову.—Желябов—„не аскет, а мирянин“.

Мы перечислили в хронологической последовательности все главнейшие террористические предприятия Исполнительного Комитета «Народной Воли». Но эти предприятия являлись, так сказать, заключительными моментами громадной, колоссальной работы, которая предшествовала самим моментам. Каждое из этих предприятий требовало хорошей предварительной организации, тщательного подбора людей, обширной технической и материальной подготовленности, терпеливого выжидания, соединенного с изучением всей будущей обстановки «преступления», дабы выполнить его надлежащим образом. Живя на вулкане, неся непрерывно потери от арестов и провалов, находясь ежеминутно в опасности погибнуть от взрыва, во время подготовительных технических работ, революционеры-террористы выполняли героически неимоверную работу, требовавшую нечеловеческих усилий от людей.

Но, конечно, партийная работа не замыкалась только в эту чисто техническую сторону дела. Программа партии требовала подготовки переворота путем заговора и захвата власти, Необходимо было, поэтому, организовывать везде и всюду силы и средства, привлекать людей и общественные симпатии, собирать средства, вести самую широкую пропаганду во всех слоях населения.

При той ограниченности сил, которую мы отметили выше, ясно, что на долю каждого члена Исполнительного Комитета приходилось чрезвычайно много интенсивнейшей работы.

По показаниям всех, писавших о Желябове, именно он больше всех отдавал себя партийной работе. Это был изумительно разносторонний человек, действовавший по всем возможным направлениям: многогранность его поразительна. Не было ни одного дела, затеи, предприятия, большого или малого, чтобы Желябов в них не участвовал. Он, так сказать, окрасил собой всю «Народную Волю», придал ей свой индивидуальный

характер, внес в нее свою пылкость, свою пламеннность и свою железную настойчивость и придал террору необычайную силу.

Лев Тихомиров, работавший вместе с Желябовым, так рисует его в петербургский период его жизни.

«После 19 ноября Желябов явился в Петербург и принялся работать во все тяжкие. Времена были нехороши: много народу погибло, много средств и связей пропало; измена Гольденберга заставила перестраивать множество планов, перетасовывать множество людей.

В этой организационной работе Желябов действовал от имени Исп. Ком., как «агент» его, и для очень многих служил посредником в их сношениях с Исп. Ком. Дела, к которым Желябов был прикосновенен в продолжение этих 2 лет, очень разнообразны. Он наблюдал, напр., за устройством динамитных мастерских, хотя особенных сведений в этой части у него не было, но в общих чертах он изучил производство и мог, во всяком случае, отличить здесь практичное от непрактичного, мог оценить новую мысль. Оффициально его роль при мастерских была, впрочем, служебная, т. е. он доставлял туда все необходимое для дела.

Затем Желябов в разное время фигурировал в качестве организатора во всевозможных слоях общества, народа и партии. Как человек боевой—он был отважен, иногда даже любил поиграть опасностью, он был хладнокровен, владел нервами и т. п. Но, во всяком случае, немало было людей, немало их и есть, которые сравнятся и даже превзойдут Желябова-террориста. Но как организатора выше его едва ли можно поставить кого либо из известных мне людей.

Он умел сойтись с человеком, умел и во-время уступить, и во время показать характер, понимал, насколько можно доводить свою требовательность, не рискуя изломать человека или довести его до бунта. Он во всяком деле мог показать другим личный пример, все, хоть понемножку, мог сделать. Он умел определить цену человека и уловить во всякой массе ту личность, которая составляла ее душу. Он, наконец, никогда не падал духом, и ни при каких обстоятельствах не терял веры в победу своего дела и в свои собственные силы...

Желябов был очень самолюбив, цену себе он знал хорошо. Тем не менее нужно сказать, что его самолюбие редко вредило ему, как организатору. Оно большею частью проявлялось в форме благородной гордости, которая не позволяет наступать себе на ногу, чем в виде мелочного тщеславия. Первое свойство Желябов и не считал позором и всегда говорил, что так и должно

быть, что ни один порядочный человек не должен позволять заседлывать себя. Но мелочные проявления самолюбия—это был вечный враг Желябова, с которым он боролся до мстительности, как святые с чертом. А между тем, на самом деле, едва ли это самолюбие было так велико, как ему казалось.

Видя, как Желябов при нужде обуздывал себя, заставляя себя не обращать внимания на обиду, видя как он от всей души поступался собственной мыслью или планом в пользу другого, видя, наконец, как он сближался и искренно дружился с людьми, которые были с ним в ссоре, но потом оказывались хорошими деятелями, нельзя не сказать, что, во всяком случае, такое самолюбие не опасно.

Впрочем, эта внутренняя борьба скорее осталась отпечатком юношеских лет, когда каждый человек отыскивает в себе какое нибудь чудище.

За последнее время своей жизни Желябов был так погружен в свое дело, так хладнокровен даже к действительным обидам, что, надеюсь, и сам перестал сражаться с собою.

Добрый, способный войти в положение каждого, способный другим прощать бесконечно больше, чем самому себе—он невольно возбуждал к себе симпатии. Недаром его любило такое множество людей. По природе Желябов был крайне нервная, впечатлительная, увлекающаяся натура. Он привязывался со страстью ко всякому делу, за которое брался. Он редко мог говорить без нервного возбуждения и даже не мог усидеть спокойно на одном месте, а все бегал и жестикулировал. Но в эту кипящую душу был опущен чрезвычайно трезвый рассудок и огромная воля. Он принуждал себя быть строго рассудительным, и странно было видеть, как он страстно, лихорадочно перебирал в рассуждении все pro и contra, чтобы никак ничего не упустить. Вывод получался большею частью такой же основательный, как при самом хладнокровном мышлении. Но Желябов всетаки не доверял себе и всегда самым добросовестным образом выслушивал и обсуждал всякое чужое мнение и без малейшего колебания принимал его, если оно оказывалось верным. В этом отношении у него не было никакого лицеприятия.

Работал он по необходимости страшно много, потому что нужно было работать. У него по целым месяцам не бывало буквально свободной минуты. За последнее время жизни он до того уже надорвал себя, что не раз падал в обмороки, тщательно скрывая этот упадок сил, не мог спать, несмотря ни на какую усталость, и целые ночи проводил в каком то фантастическом забытье, с грезами, с разговорами, утомляясь за ночь

так, что дневная работа потом казалась ему отдыхом. Не нужно забывать, что это происходило с здоровяком и силачем, каких мало. Близким друзьям он сознавался, что ему необходим отдых, иначе он не выдержит еще и полугода и с нетерпением ожидал, когда, наконец, исполнится его последняя обязанность (ему, как известно, было поручено дело 1 марта) и он уедет куданибудь в деревню отдышаться [1]).

Понятно, что лучшего образчика никто из организуемых не мог себе представить. Все подтягивались, все старались напрягать последние свои силы, видя перед собой такого вожака, и около Желябова сами собой вырастали люди, готовые на все. Этих «птенцов гнезда Петрова» вышло не мало, не мало их уже и погибло.

Организации рабочих, и специально рабочих террористических дружин, посвящено было много сил Желябова. Им же основана и отчасти ведена «Рабочая Газета». Писал Желябов довольно плохо, хотя рассказывал превосходно. Он не мог сладить с мыслью, которая бежала гораздо шибче, чем перо. Но по нужде мог всетаки писать и писал. Рабочим делом он занимался чрезвычайно внимательно: «я, говаривал он, рожден демагогом. Мое настоящее место—на улице, в толпе рабочих».

Несмотря на такое мнение о себе, Желябов с неменьшим успехом действовал между молодежью и в разных общественных сферах. Он исполнял также некоторые дипломатические миссии. Его участие в деле 1 марта слишком известно, для того, чтобы о нем еще упоминать.

В личной жизни Желябова за то время следует отметить один факт. Он близко сошелся с С. Перовской и около году жил с нею, как с женой. Желябов вообще нравился женщинам и в старые годы имел не мало «приключений». Но С. Перовская была для него действительно «женой» и в его смысле, а я уже говорил, как серьезно он смотрел на это дело. Он очень уважал ум и характер С.Перовской и в делах смотрел на нее, как на одного из лучших товарищей. Собственно говоря в таком положении, в каком находились оба они, довольно смешно говорить о супружеском счастьи. Вечное беспокойство не за себя, а за другого, отравляет жизнь, бесчисленные дела и делишки, превышающие в общей сложности силы человеческие, не дают подчас и слова сказать, особенно со своим человеком, с которым не «нужно» говорить (с чужим говорится хоть по обязанности, а свой и так обойдется). Серьезное чувство едва ли спо-

---

[1]) Все это относится только к последним 2—3 месяцам его жизни. Понятно, что такой атлетический организм подался лишь очень не скоро.

собно при таких условиях дать что нибудь, кроме горя. Но на Желябова с женой иногда всетаки было приятно взглянуть, в те минуты, когда «дела» идут хорошо, когда особенно охотно забываются все неприятности. Особенно—она: ее чувство было безгранично глубоко, и только такая натура, как у С. Перовской, способна вынести его, не утративши других гражданских чувств.

Заваленный работой, Желябов любил, однако, повеселиться. Он вообще понимал прелесть жизни. Это была натура поэтическая, чуткая к прекрасному, всецело отдающаяся жизни. Раз, напр., он с одним товарищем был на крайне важной сходке, далеко от Петербурга. Проговоривши несколько часов, измоpенный и усталый, Желябов отправился в Петербург, поздно ночью. На утро явился и его товарищ, думавший застать Желябова крепко спящим. Каково же было его изумление, когда он застал Желябова глубоко погруженным в чтение «Тараса Бульбы». Оказалось, что, легши в постель, он снял машинально книгу с полки—и зачитался до самого дня. Да и потом, оторванный от книги, он еще целый час не мог говорить ни о чем, кроме Тараса... Природа для него была полна чарующей прелести, и он каждую свободную минуту готов был забраться куда нибудь на Неву, на взморье, на широкий безграничный простор. Музыку Желябов любил до страсти. Любил развернуться и просто в весельи, в добром, товарищеском кружке. Редко выпадали такие случаи. Но когда выпадали—Желябов был душой общества. Он именно имел право сказать:

Когда в делах—я от веселья прячусь
Когда дурачиться—дурачусь...

Редки были эти минуты. Казни—страшным кошмаром давили каждого. Такие близкие, часто такие дорогие люди, погибают один за другим, а все попытки отомщения остаются каждый раз неудачны. Словно какая то невидимая рука спасает тирана от всех усилий. Чего только не перепробовано, и все напрасно. Чувство бессильной злобы словно десятипудовая гиря давит вас, вы начинаете терять веру в справедливость, теряете всякую привязанность к жизни, где беззаконие повидимому составляет основной закон. Тут уже не до веселья, когда на свет божий становится противно глядеть.

Однако же, выпадали и беззаботные минуты. За весь год, предшествовавший 1 марту, я помню только один вечер такого беззаботного веселья. Это было под Новый Год (1881). В это

время уже стало известно, что предпринят новый поход против Александра II, и—на этот раз—всеми силами. Подробности, даже в общих чертах, были известны лишь немногим участникам, и мы не знали доже, кто эти участники. Но потребность отвести душу была так сильна, что как то само собою верилось в успех... Не знаю, кто задумал этот вечер, но Желябов был там главный распорядитель.

Желябов превзошел себя. Он появлялся во всех комнатах, поддерживал разговор, не допускал оставаться задумчивой ни одной физиономии, угощал, затевал песни, танцы, заставлял каждого развертывать свои таланты»...

С. Иванов, вернувшийся в начале января 1881 года из ссылки и приехавший в Петербург, познакомился вскоре на квартире Оловенниковой с Желябовым («Былое», IV, 1906). После первых общих фраз разговор перешел к деятельности Красного Креста (революционного), в которой Иванов стал принимать участие тотчас же по приезде в Петербург.

— Дело это само по себе, конечно, хорошее,—заметил Желябов,—но не им бы следовало заниматься уже вполне сложившимся революционерам и особенно в настоящее горячее время.

«Я возразил,—рассказывает Иванов,—что Красный Крест является до известной степени учреждением партии, которую он и обслуживает, принимая на себя заботы об ее арестованных членах, что он имеет даже специальный отдел для организации побегов с места ссылки тех, кто желает примкнуть к революционной организации. Желябов, однако, продолжал развивать свою мысль, доказывая, что хотя это дело и заслуживает всякого сочувствия, но, в конце концов, оно все же сводится на девять десятых к революционной филантропии, для которой всегда найдется достаточно людей, не способных к активной революционной работе или не имеющих почему либо возможности примкнуть к ней.

Я спросил его, для чего понадобилось в таком случае присутствие в Красном Кресте представиля партии. Этим представителем была в нем тогда Геся Гельфман.

— Но ведь я не против самого учреждения говорю,—возразил Желябов.—Красный Крест имеет и революционное значение, в качестве подготовительной школы, где возможна группировка людей для совместной организованной работы, приучающей их к тому же к конспирации, столь необходимой при революционной работе. Между прочим здесь удобно намечать людей способных идти далее, но для этого достаточно присутствие одного, двух человек партии. Наполнять его революционерами—зна-

чит отвлекать их от другой, более нужной работы. Никогда не нужно переоценивать вещи и гораздо лучше называть всякое дело соответствующим именем. Филантропия, хотя бы революционная, пусть и называется филантропией, а борьба— борьбой.

Заговорили о чернопередельцах и о взаимных отношениях их и народовольцев. О моем знакомстве с чернопередельцами Желябов очевидно знал от Е. Н. Оловенниковой. Отзывался он о них иронически и желчно, в особенности указывал он на несоответствие программы и практической постановки дела. Пропагандируя идею о деятельности среди крестьянства, об организации его, они сидят в больших городах, где и облика крестьянского не увидишь. Получается таким образом не простое доктринерство, а одна болтовня под народническим флагом, что и служит показателем разложения партии, которая при таком положении теряет всякий raison d'être своего существования, принимая особенно во внимание то, что принципиальные разногласия ее с Народной Волей (вопрос о терроре и о значении политической свободы) уже значительно сгладились.

На другой день речь зашла о политике Лорис-Меликова, на котором сосредоточивалось тогда, как в фокусе, внимание русского общества. Отношение Желябова к нему было безусловно отрицательное. Он указывал на то, что Лорис-Меликов, под прикрытием либеральных фраз, ведет деятельную борьбу с революцией, что она ведется им не хуже всякого другого на его месте, даже лучше пожалуй, потому что удары направляются им с выбором и расчетом, а не бьют, как это бывало часто прежде, по пустому месту. Амнистируя административных ссыльных, да и то не всех, он и не подумал коснуться осужденных по процессам, стараясь таким образом купить возможно дешевле общественное сочувствие и благодарность. Во всей своей внутренней политике умиротворения и преобразования он ограничивается туманною либеральною фразеологией, способной, тем не менее, вводить в заблуждение доверчивых людей. И в конце концов все сведется к нулю или чему нибудь очень мизерному; далее жалких заплат он не пойдет, а не ими зачинить русское дырявое рубище.

И поэтому революционерам остается только одно: продолжать начатую борьбу, продолжать во что бы то не стало, потому что только она одна может дать какие нибудь результаты, будить общественную совесть и выводить общество из инертности.

Встретился я с ним вскоре после университетского акта (8 февраля), ознаменованного известным инцидентом с министром народного просвещения Сабуровым (студент университета Подбельский дал ему пощечину). Дело это было организовано с ведома центрального университетского кружка, находившегося в непосредственных отношениях с народовольческой организацией. Инциденту этому я не сочувствовал, и мне было интересно узнать мнение об этом такого видного члена партии Народной Воли, как Желябов, но, он, видимо, уклонился от этого разговора, ограничившись замечанием, что это дело чисто университетское и студенты сами лучше других могут разобраться в нем. Для меня так и осталось невыясненным, произошел ли этот инцидент с ведома и одобрения организации или же всецело по инициативе Центрального университетского кружка [1].

Каждый раз при свидании разговор касался так или иначе вопроса о террористической деятельности партии, и Желябов всегда являлся горячим защитником политического террора.

«Это средство исключительное, героическое,—говорил он,— но за то и самое действительное, лишь бы только борьба эта велась последовательно, без перерывов. Партизанские эпизоды, растягиваемые на продолжительное время, действуют лишь на воображение публики, но не устрашают правительство. Все значение этого орудия борьбы и все шансы на успех заключаются именно в последовательности и непрерывности действий, направлять которые необходимо на определенный намеченный пункт. Под ударами систематического террора самодержавие дает уже трещины. У правительства вне его самого нет опоры; долго выдерживать подобное напряженное состояние оно не в силах, и пойдет на действительные, а не на призрачные уступки, лишь бы только борьба велась неуклонно. Замедление для нас гибельно, мы должны идти форсированным маршем, напрягая все силы; а за нами пусть идут другие по проторенному и испытанному уже пути, и они возьмут свое»...

При последнем свидании с Желябовым—это было приблизительно в середине февраля,—он сказал мне, что, в виду предстоящей ему спешной работы, наши встречи на время прекратятся.

В этот раз мы вышли вместе. Вообще Желябов избегал этого, считая это неконспиративным. Был вечер и мы шли по

---

[1]) А. Тырков («Былое», V, 1906) удостоверяет, что Желябов принимал участие в делах Центрального университетского кружка и даже помогая составлению самой прокламации, брошенной Бернштейном. Тырков случайно присутствовал, как посторонний человек, при составлении этой прокламации.

пустынной улице Петербургской стороны. Разговор коснулся специализации и разделения труда при революционной работе, при чем Желябов доказывал крайнюю необходимость такой специализации. Я выразил при этом удивление, каким образом поспевает он всюду и везде, и спросил, почему сам он так разбрасывается, уделяя время на такие в сущности мелочи, какими являются наши свидания.

Желябов рассмеялся.

— Далеко не все мелочи, что порою кажется мелочами,— сказал он.—Из них-то часто и комбинируется то, что потом оказывается крупным. Право, добрая половина нашей работы складывается из таких якобы мелочей. А разбрасываться приходится поневоле. Бывают моменты, когда необходимо мобилизовать не только все наличные силы партии, но и силы каждого отдельного человека. Впрочем и натура моя такая: меня тянет всюду и везде и я более всего полагаюсь на свои собственные впечатления. Поживете и увидите, добавил он, может быть вам и на собственном опыте придется испытать все это».

Это был медовый период в жизни и деятельности Желябова. Он во всей полноте ухватил, осознал, переработал и перевоплотил в себе идею террора и видел в ней высшее революционное торжество. Как бодро чувствовал себя тогда Желябов! Каким оптимизмом, например, дышит его письмо к проф. М. П. Драгоманову, писанное в мае месяце 1880 года (см. Приложения).

Для Желябова все ясно и просто. Политический клубок событий не смущает его. Ему кажется, что весь мир должен видеть выход там, где видит его он, Желябов. Выход этот в терроре. И Желябов уверенно пишет Драгоманову, что только «трусость, своекорыстие и неспособность к солидарному действию одних и расхождение в понимании ближайших задач между другими удерживает правительство от падения». Нужно поэтому «два-три толчка, при общей поддержке», и «правительство рухнет».

Эти толчки должна была дать «Народная Воля». В силу этих толчков Желябов верил давно. Он кратко и метко говорил в Одессе Семенюте в 1879 году, что теперь больше надежд возлагается на «подталкивание истории». Подталкивание при помощи террора, конечно...

Но разносторонний, кипучий и энергичный Желябов находит время, чтобы в обстоятельном письме просить Драгоманова о целом ряде дел в интересах партии «Народной Воли». Он просит и о критике программы ее, и о защите «Народной Воли» пред европейским общественным мнением, и о личной работе Драгоманова в пользу партии.

Желябова смущает автономистическая тенденция украинофилов и он высказывает интересное мнение об Учредительном Собрании, вера в которое у народовольцев была весьма крепкой. Винить народовольцев в централизме из-за идеи Учредительного Собрания невозможно,—утверждает Желябов,—оно ведь в глазах партии является лишь «ликвидационной комиссией». Какой ликвидационной комиссией—Желябов, к сожалению, в письме не поясняет. Идет-ли речь о ликвидации политического строя или и социального также? В том и в другом случае Учредительное Собрание никоим образом не может быть названо только ликвидационной комиссией.

Но как бы то ни было Желябов стоит на почве практически-деловой, когда об'ясняет Драгоманову невозможность включить в программу «Народной Воли» вопрос об автономии Украйны; нельзя «вносить в ближайшие требования такие, за которыми нет реальной поддержки, а есть исступленные враги». Желябов не желает быть «аскетом-хранителем общеизвестного идеала»,—он предпочитает быть «мирянином»...

Таким «мирянином» Желябов и пытался быть всегда. Не его вина, если волна революционного движения оказалась выше головы Желябова и покрывала его. Он, правда, эту волну вызывал, но движение дальше шло по стихийному руслу.

Трогательная заботливость Желябова в письме к Драгоманову об архиве «Народной Воли» дополняет облик крупного революционера еще одной чертой, свидетельствующей о величайшем разнообразии задач, практическое осуществление которых брал на себя Желябов...

ГЛАВА XIV.

Военные организации партии „Народной Воли".—Сила влияния Желябова.—План освобождения первомартовцев.

Желябов на партийные задания смотрел издавна очень широко. Считая, что дело революции есть общенациональное дело всего народа, он к террору относился вполне об'ективно, отнюдь не преувеличивая его значение. Он понимал всю опасность одностороннего пользования таким методом борьбы. В разговоре с Оловенниковой он определенно признавал пагубную сторону террора, «затягивающего против воли людей». «Мы проживаем капитал»,—с грустью говорил Желябов Л. Тихомирову.

Сознавая отчетливо такое положение и правильно расценивая террор, как опасное обоюдоострое средство борьбы, Желя-

бов всеми силами своей души рвался к тому, чтобы вывести партию с узкой колеи и поставить ее на возможно более широкую дорогу разносторонней революционной деятельности.

У «Народной Воли» были, однако, весьма ограничены ресурсы, прежде всего, людские. Сил у них было чрезмерно мало, и только нравственное их давление на правительство было так велико, что всем казалось, что борется с гигантом самодержавия такой же подпольный гигант.

Желябов бросался во все стороны, как мы видели выше. Студенческая и рабочая среда его волновала так же, как и военная. И в военной среде он достиг относительно больших результатов. Военная организация «Народной Воли»—детище именно Желябова. Он ее задумал, понимая, что без опоры в армии все революционные замыслы рискуют повиснуть в воздухе. И по его инициативе, партия начала работать прежде всего среди офицерства.

Центр военно-революционной организации находился в Петербурге. Основана она была Желябовым осенью 1880 года и первыми участниками ее с военной стороны были: Николай Суханов, барон Штромберг и Рогачев (все трое были впоследствии казнены). Военная группа находилась в обязательных отношениях к Исполнительному Комитету и должна была сноситься с ним через делегатов Комитета. Такими на первых же порах явились Желябов и Колодкевич. Был выработан устав военно-центрального кружка, первый и второй пункт которого гласили: «центральный военный кружок, имея своей целью полное политическое и экономическое освобождение народа, вполне разделяет программу партии «Народной Воли»; составляя разветвление существующей военной организации, кружок, как специально военный, ставит себе задачу: а) организовать в войске силу для активной борьбы с правительством и б) парализовать остальную часть войска, почему либо неспособную к активной борьбе».

Кроме одиночек-революционеров военных, рассеянных по разным городам, группы военных были основаны в Петербурге с Кронштадтом, Одессе, Николаеве и Тифлисе. Самыми крупными организациями были тифлисская и одесско-николаевская. В Петербурге существовали, кроме центрального кружка, еще кружок слушателей артиллерийской академии и сборный кружок, состоявший из военных одиночек; в Кронштадте были кружки морской и артиллерийский. Шла пропаганда и среди матросов, среди которых насчитывалось уже в 1879 году около 100 революционеров. Из военной среды Николай Суханов,

моряк, входил в состав Исполнительного Комитета «Народной Воли».

Какую роль играл в военной среде Желябов и как магически действовал он на военную молодежь, видно из интересных воспоминаний лейтенанта Серебрякова («Былое», IV, 1906), вошедшего в организацию на первых же порах ее возникновения.

«Н. Суханов,—рассказывает Серебряков,—у своей сестры Зотовой встретился с товарищем ее мужа Желябовым, а через него познакомился и с другими выдающимися членами партии «Народной Воли», заинтересовался ее программой, проникся к ней сочувствием, мало-по-малу стал ей содействовать и в конце концов сделался членом «Исполнительного Комитета» этой партии».

Однажды Серебряков, вместе с некоторыми приятелями, пошел к Суханову.

«У него мы застали большую компанию офицеров и двух статских, которых Николай Евгеньевич представил нам, назвав одного Андреем (Желябов), другого Глебом (Колоткевич).

Сначала разговор шел об общих предметах, мало интересных. В разговоре я не принимал почти никакого участия, а все свое внимание сосредоточил на присутствовавших статских, желая разгадать, кто из них интересующий меня член Исполнительного Комитета. Назвавшийся Андреем (Желябов) был замечательно красив; высокого роста, с темнорусыми бородою и волосами; серые глаза его, казавшиеся темными, были замечательно живы и выразительны. Другой—невысокого роста, с лицом, почти совсем закрытым густой, черной бородой, с проницательными черными, как уголь, глазами.

Разговор продолжался недолго. Немного времени спустя после нашего прихода Суханов прервал разговор и, обратившись к присутствующим, сказал:

— Господа, эта комната имеет две капитальные стены; две другие ведут в мою же квартиру; мой вестовой—татарин, почти ни слова не понимающий по-русски; а потому нескромных ушей нам бояться нечего, и мы можем приступить к делу.—Потом, повернувшись к высокому статскому, прибавил:

— Ну, Андрей, начинай.

Тогда статский, назвавшийся Андреем, встал и, обращаясь к офицерам, произнес с большим энтузиазмом длинную, горячую речь.

— Так как Николай Евгеньевич передал мне, начал он, что вы, господа, интересуетесь программой и деятельностью нашей партии, борющейся с правительством, то я постараюсь

познакомить вас с тою и другою, как умею:—мы, террористы-революционеры, требуем следующего....

Я не могу точно передать его речи, но суть ее заключалась в обзоре положения дел в России, в самой резкой критике правительства и его действий, в доказательствах неизбежности революции, в изложении и об'яснении программы партии и, в соответствии, необходимости центрального террора.

Трудно передать впечатление, произведенное на присутствующую публику этой речью. Все бывшие в этот вечер у Николая Евгеньевича, за исключением нас, не были подготовлены услышать подобную смелую речь. Все они привыкли говорить о правительстве, особенно же о революционных партиях, только в своих тесных кружках, и то в известной форме. Никому из них Николай Евгеньевич не сказал, кто у него будет; и они даже не подозревали, с кем имеют дело. Суханов всех, кто ему нравился, приглашал к себе по одному и тому же способу: «приходите ко мне тогда-то, у меня хороший человек будет»—говорил он и больше никаких об'яснений не давал.

Когда Андрей (Желябов) произнес слова: «мы, террористы-революционеры», все как бы вздрогнули и в недоумении посмотрели друг на друга. Но потом, под влиянием увлекательного красноречия оратора, начали слушать с напряженным вниманием. Интересно было видеть перемену, происшедшую в настроении всего общества. Беззаботная, довольно веселая компания офицеров, как бы по мановению волшебного жезла, стала похожа на группу заговорщиков. Лица понемногу бледнели, глаза разгорались, все как бы притаили дыхание, и среди мертвой тишины раздавался звучный, приятный голос оратора, призывавший окружавших его офицеров на борьбу с правительством. Кто знал Желябова, тот, вероятно, помнит, как увлекательно он говорил. Эта же речь была одною из самых удачных, по его же собственному признанию.

Андрей кончил... Под влиянием его речи начались оживленные разговоры, строились всевозможные планы самого революционного характера. И если бы в это время вошел посторонний человек, он был бы уверен, что попал на сходку самых горячих заговорщиков-революционеров. Он не поверил бы, что за час до этого все эти люди частью почти совсем не думали о политике, частью даже относились отрицательно к революционерам. Ему и в голову не пришло бы, что завтра же большая часть из этих революционеров будет с ужасом вспоминать об этом вечере.

Первый раз мне пришлось увидеть, что может сделать талантливый оратор с своими слушателями. Позови в этот вечер Желябов все присутствовавшее офицерство на какое угодно предприятие— все пошли бы. Между тем действительно сочувствующих было ничтожное меньшинство: всех же офицеров было более двадцати, и большинство из них продолжает, вероятно, и теперь быть благополучными россиянами.

Но на некоторых из офицеров, в том числе на моих товарищей и на меня, этот вечер произвел неизгладимое впечатление. Мы и ранее были более чем оппозиционно настроены, и многое из того, что говорил оратор, отвечало нашему настроению и было известно нам. На нас произвела особенно сильное впечатление личность говорившего, его вера и убежденность, а главным образом ясное, точное понимание и последовательное, логическое изложение плана и способа борьбы с господствовавшим в России режимом и их возможность и осуществимость. Ранее, как я уже упоминал, у нас было недоверие к революционным партиям и революционной борьбе, главным образом потому, что мы не верили в силу партий, будучи убеждены, что они не имеют ясных, определенных программ и состоят главным образом из зеленой молодежи и энтузиастов. В этом убеждении поддерживало нас и то обстоятельство, что, сталкиваясь последние годы с революционерами, мы встречали лиц, которые не могли нам ясно показать, чего они хотят и каким образом могут добиться своей цели. После же встречи с Желябовым и Колоткевичем наше мнение о революционерах резко изменилось. В них мы встретили не только умных, но сильных людей с ясным политическим пониманием. Такой же переворот в наших взглядах произвела программа партии «Народной Воли». В ней вопросы учредительного собрания и национализации земли были поставлены ясно и точно, что вполне соответствовало нашему мировоззрению, и не будь в программе террора, мы немедленно бы примкнули.

Во время этих споров об организации выяснилась разница между Сухановым,—для которого дело организации было ново и который, под влиянием охвативших его чувств, стремился как можно скорее привлечь симпатичных ему людей на самую боевую деятельность в партии, а потому на самом деле несколько отпугивал их,—и Желябовым, опытным организатором, понимавшим, что не следует побуждать людей брать на себя большие обязательства, чем они в настоящий момент вполне расположены на себя взять, что вообще обещания в заговорщическом деле играют ничтожную, формальную роль. В действительности важны не большие или маленькие обязательства, а люди, их

давшие,—что каждый вступивший в партию выполнит свою роль соответственно своим свойствам, а не обязательствам, им данным».

Насколько велико было обаяние Желябова, видно было из того, что военная группа немедленно же из'явила свое согласие участвовать в плане освобождения пяти первомартовцев, когда их повезут на казнь. План этот, вероятно, возник у Перовской.

«Предполагалось собрать человек триста петербургских рабочих, разделить их на три группы: две—человек по пятидесяти, а одну—в двести. Во главе этих групп должны были находиться все петербургские и кронштадтские офицеры. Группы предполагалось распределить на трех, выходящих на Литейный проспект параллельных улицах: на крайних—малые группы, на средней—большую. И вот, когда процессия проходила бы среднюю группу, все три группы, по сигналу, должны были броситься вперед, увлекая в своем порыве толпу, и одновременно прорвать шпалеры войск, боковые группы произвели бы замешательство, а средняя окружила бы колесницы, вскочив на которые офицеры обрезали бы веревки на осужденных и увлекли бы их в толпу, где должны были ожидать две кареты с платьем и всем нужным для переодевания.

Не знаю, кем был выработан этот план, но когда нас о нем извещали, то вместе с тем сообщили, что инициатива освобождения принадлежит рабочим, распропагандированным Рысаковым, что нужное число рабочих уже есть. Мы тоже были согласны. Но почему этот план не состоялся и насколько серьезно им занимались, я не знаю».

ГЛАВА XV.

Работа среди пролетариата.—Программа рабочих членов партии „Народной Воли".—„Рабочая Газета".—Передовая статья Желябова.—Работа среди студенчества.

Желябов отлично понимал значение рабочего класса и пытался и в этой области развить кипучую, по обыкновению, деятельность. Опять-таки отсутствие сил, простых человеческих сил, в связи с неправильным учетом значения рабочего класса всей партией, в целом, вообще не привели и в этой области к существенным результатам.

«В России стачка есть факт политический»,—говорил совершенно правильно Желябов, но в стачечном движении партия не принимала никакого активного, непосредственного участия. Желябов тем не менее работал над созданием рабочей группы

«Народной Воли». Вместе со студентом Каковским, рано погибшим от чахотки, он составил программу рабочих членов партии «Народной Воли» (см. Приложения). В конце этого же года решено было основать специальную газету для рабочих. И редактором ее опять является все тот же неутомимый, на все руки мастер Желябов. Первый номер «Рабочей Газеты» датирован 9 декабря 1880 года, и передовая статья в нем написана тем же Желябовым (текст этой передовой статьи см. в Приложениях).

Затем, опять тот же всюду поспевающий Желябов организует рабочую группу, сам становится главным руководителем ее, и его помощниками являются: Перовская, Рысаков и Гриневицкий. Все эти имена указывают ясно, какую громадную работу взял на себя Исполнительный Комитет, буквально разрываясь на части.

В этот кружок было привлечено 19 рабочих. Однако, и здесь террор дал знать себя своей опасной стороной, о которой говорил сам же Желябов: и в рабочем кружке более всего проводились террористические тенденции... И понятно затруднение Перовской, когда рабочие, ею руководимые, обратились к ней после 1 марта с заявлением: «веди нас, куда хочешь». Перовской нечего было ответить. Время для рабочего движения в настоящей его постановке тогда не приспело. Народовольчество органически не было способно отдаться этому движению, в котором менее всего применимы и возможны принципы заговорщичества.

То же наблюдалось и среди учащейся молодежи. И опять-таки неутомимый Желябов и здесь является инициатором центрального студенческого кружка. Этот кружок организовал выступление против министра народного просвещения Сабурова (студент Подбельский дал ему пощечину; речь произнес и прокламации разбрасывал студент Коган-Бернштайн), но это выступление в широких кругах общества и в самом студенчестве никакого успеха не имело. Этим, вероятно, и об'ясняется тот кислый тон, каким Желябов говорил с С. Ивановым университетском инциденте.

ГЛАВА XVI.

Сношения с Нечаевым.—План восстания, захвата и убийства царя.—План освобождения заключенных в Петропавловской крепости.

Выполняя самые разнообразные работы и поручения, об'единяя их системой своей и своим планом, Желябов не отказывался в особенности от таких дел, где чаялась широта размаха, полет

мысли и фантазии, прикрепленной, впрочем, к земле и ее условиям. И он отдался поэтому с особой охотой порученным ему сношениям с знаменитым Нечаевым, сидевшим в Петропавловской крепости.

Этот неугомонный революционер, фантаст и заговорщик, ультра-конспиратор и неутомимый созидатель самых рискованных планов с'умел войти в доверие к страже крепости и привлечь на свою сторону солдат, подчинив их своему неотразимому влиянию.

В ноябре 1880 года в крепость был посажен Ширяев (по процессу 16-ти народовольцев), а к этому времени Нечаев выработал новый план, который должен был пойти навстречу заданиям «Народной Воли».

Помимо личного бегства своего из крепости, Нечаев, изучив тщательно ее, состав ее войск, личности начальствующих и т. д. и рассчитывая, что с течением времени ему удастся спропагандировать достаточное число вполне преданных ему людей, задумал овладеть крепостью в тот день, когда вся царская фамилия будет присутствовать в Петропавловском соборе, арестовать царя, заключить его в тюрьму и провозгласить царем наследника.

Ширяев не одобрял этого плана, но зато предоставил Нечаеву возможность непосредственных сношений с Исполнительным Комитетом «Народной Воли». И эти сношения, главным образом, вел Желябов; кроме него были в сношениях: Перовская, Франжоли, Арончик и др. Сношения велись через солдат, служивших в равелине, и через других лиц. «Вестник Народной Воли» утверждает даже, что Желябов видел Нечаева и имел с ним беседу.

Исполнительный Комитет признал, что план овладения крепостью и царской фамилией совершенно невозможен; гораздо осуществимее представлялось освобождение заключенных из равелина. Нечаев получил главное, чего ему до сих пор не доставало,—деньги, и мог поэтому гораздо успешнее подготовлять свое дело. К несчастью для него, новое покушение на жизнь царя сталкивалось с этим освобождением. Очевидно было, что освобождение, может быть, даже вооруженной рукой, из такого государственного тайника, как Алексеевский равелин, должно было возбудить в правительстве панику и сделать надолго невозможным нападение на царя.

Нечаеву и Ширяеву было предоставлено самим решить, какое из двух предприятий ставить в первую очередь, и они подали голос за 1 марта. Отказываясь от свободы, Нечаев в своих

письмах доказывал, что дело их, заключенных, ничего не проиграет от отсрочки, хотя сам Желябов был уверен в противном, и нет сомнения, что такой ловкий человек, как Нечаев, должен был прекрасно понимать всю справедливость опасений Желябова.

В это время Нечаев поддерживал оживленную переписку с Исполнительным Комитетом и вообще очень симпатизировал народовольчеству и был в большой радости, узнавши о существовании организации Исполнительного Комитета и ее средствах.

Впрочем, делая вообще упреки Комитету, Нечаев все-таки очень ценил его и нередко хвалил его агентов за ловкость в исполнении тех или других планов, иногда ему сообщаемых. Особенно высоко ценил он Желябова и, говоря однажды о необходимости учредить революционную диктатуру в среде организации, указывал на Желябова, как на человека, способного к этой роли. Одновременно с 1-м марта Исполнительный Комитет на всякий случай делал приготовления и к освобождению. Оказалось, однако, что благодаря арестам начать его было очень трудно, а самое главное, в крепости начались строгости. Убийство царя сразу поставило крепость на военную ногу, хотя, впрочем, сношения продолжались».

ГЛАВА XVII.

Физический и моральный кризис Желябова.—Показания М. Н. Оловенниковой.—Внутренний крах.—Заявление прокурору палаты.—Гипотеза С. Перовской.—Выход из тупика, равносильный самоубийству.

В общем итоге и подсчете мы видим, что Желябов играл роль вездесущего агента Исполнительного Комитета и его члена, бравшего на себя решительно все задачи, какие выдвигала жизнь. Ему пришлось разбрасываться во все стороны, мельчить себя в работе, не стоившей его талантов организатора, вдохновителя и инициатора. Но пришлось исполнять эту Сизифову работу, нести на своих плечах бремя невыносимо тяжелое. И только могучий организм позволял выносить такое напряжение. Желябов мечтал об отдыхе, Желябов думал дать передышку себе, как только окончит свое непосредственное задание относительно Александра II. Силы его явно падали, как он ни скрывал этого. Быть может, близился кризис. И не только потому, что физические силы уже оставляли и давали о своем падении знать довольно тревожными симптомами.

Вероятно, близился и моральный кризис. Целый ряд неудачных покушений на Александра II страшно нервировал всех членов Исполнительного Комитета. Настроение у всех было более чем напряженное.

М. Н. Оловенникова, член Исполнительного Комитета, рассказывает об его заседаниях перед 1 марта («Былое», VI, 1907):

«Перед 1 марта заседания носили характер лихорадочный; чувствовалось страшное напряжение нервов, некоторая усталость и развинченность. Все внимание поглощалось террором, да еще военными и их участием в ближайшем предприятии (освобождение Нечаева, от которого нам, особенно Желябову, не хотелось отказаться, несмотря на письмо Нечаева, умолявшего не заботиться о нем...). На этих последних общих заседаниях до 1-го марта все разговоры вертелись на этих ближайших планах. Говорили также о пополнении Комитета и развитии местных групп. Наш отчет с Теллаловым о московской группе (единственной серьезной поддержке в случае провала стариков) возбудил даже преувеличенные надежды, но в общем был выслушан вяло. Только Желябов, после заседания, хотел узнать все подробности и особенно характеристики лиц, могущих быть кандидатами в члены Комитета.

Он чувствовал, что большинство выбудет из строя, и, говоря со мною в этот раз, признавал, как и раньше, пагубную сторону террора, затягивающего помимо их воли людей. Я хорошо помню этот разговор потому, что он продолжался и на второй день.

Что будет после покушения, удачного или неудачного? Ни на какие серьезные перемены в политическом строе Желябов не рассчитывал. Максимум, чего он, да и другие ждали, это, что нам будет легче продолжать свою деятельность: укрепить организацию и раскинуть ее сети во всех сферах общества. Но и это при условии, что уцелеет хоть часть людей, способных и привыкших вести дело общей организации. Желябов боялся, что и этого может не быть. Поэтому то он и придавал такое значение Москве, думая что там кроется та ячейка, из которой выработается новый Комитет в случае погибели старого.

Что касается всех остальных, то мало кто заботился о будущем, все способности казались поглощены одним: удачным выполнением покушения. Впрочем, на одном из собраний помню Суханова, развивавшего свои планы бомбардирования Петербурга Кронштадтским флотом; он, казалось, сильно верил в осуществимость своих планов и на чье то скептическое

замечание отвечал: «дайте еще годик-другой—увидите». Почему то меня поразила в тот раз фигура Исаева. Это был человек очень не глупый и на которого раньше возлагались большие надежды. Теперь оказалось, что он ни о чем не мог говорить, кроме динамита и бомб. От его наклонности теоретизировать не осталось и следа, и он даже не жаловался, как Желябов, на невозможность «почитать книжку».

Вообще я уехала из Петербурга в очень тяжелом настроении. Фраза Желябова: «Помни, если твоя Москва не выручит, будет плохо» показывала ясно, насколько положение шатко»...

Эти необычайно ценные показания члена Исполнительного Комитета М. Н. Оловенниковой приподымают тяжелый занавес над, быть может, большой внутренней драмой Желябова. Эта зловещая безнадежность, какой окрашены все думы и мысли Желябова, дает нам основание предполагать, что внутренние переживания его достигли к этому моменту такого этапа, когда требуется какой либо героический выход. Желябов ясно чувствовал, что он в тупике. Он и раньше верно расценивал относительную роль террора. Но события завлекали его в террор, как в омут. Против воли он должен был итти по течению, потому что, во-первых, связан был моральным обязательством выполнить приговор от 26 августа 1879 года над Александром II. Во-вторых, он пользовался слишком сильным влиянием среди окружающих, чтобы приостановиться хотя бы на минуту. Эта минута была бы минутой слабости для всех. А когда вождь слабеет, армия его слабеет в тысячу раз быстрее и опаснее.

И вот физический упадок и моральный кризис сразу заволокли душу Желябова. Он уже не верит в ослепительное значение того акта, на выполнение которого он отдал все свои силы. Он думает, что если даже и удастся покушение, то от этого ничего особенно существенного не произойдет, разве для партии будут лучшие условия организации, если уцелеет хоть часть революционеров, на что тоже он не надеялся. И только.

Весь заговор, таким образом, рушится. Мечты о захвате власти становятся явно несбыточными. И с ними приходится расстаться. Та широта политической деятельности во всех слоях России, о которой так здраво всегда рассуждал Желябов, исчезает из поля зрения: нет для этого сил, приходится вариться в собственном соку, вертеться, как белка в колесе, среди своих же членов Исполнительного Комитета и не видеть извне никакого притока сил. Революция—всенародное дело, а сосредоточилось оно в руках небольшого кружка, который не имеет ниоткуда надлежащей помощи. Не убаюкивать же

себя ребяческими надеждами Суханова на бомбардировку Петербурга...

Не здесь ли, не у этих ли психологических истоков должны мы искать одной, по крайней мере, из причин того необычайного заявления, с каким обратился после убийства Александра II Желябов к прокурору петербургской судебной палаты («Былое», № 10—11, 1918 г.)?

Вот это заявление:

Если новый государь, получив скипетр из рук революции, намерен держаться в отношении цареубийц старой системы; если Рысакова намерены казнить, было бы вопиющей несправедливостью сохранять жизнь мне, многократно покушавшемуся на жизнь Александра II и не принявшему физического участия в умерщвлении его лишь по глупой случайности. Я требую приобщения себя к делу 1-го марта и, если нужно, сделаю уличающие меня разоблачения. Прошу дать ход моему заявлению. Андрей Желябов.

2 марта 1881 г. Д. пр. закл.

P. S. *Меня беспокоит опасение, что правительство поставит внешнюю законность выше внутренней справедливости, украся корону нового монарха трупом юного героя лишь по недостатку формальных улик против меня ветерана революции. Я протестую против такого исхода всеми силами души моей и требую для себя справедливости. Только трусостью правительства можно было бы об'яснить одну виселицу, а не две. Андрей Желябов.*

Это красивое, мужественное и эффектное заявление произвело настолько потрясающее впечатление на высокие сферы, что правительство не решилось целиком воспроизвести его в обвинительном акте, в котором оно изложено бледным и суконным языком.

Что побудило Желябова подать такое заявление? По ходу дела с точки зрения революционной тактики итти самому в пасть льва не представлялось никакой необходимости. Арестованный 27 февраля Желябов не мог знать всех реальных подробностей 1-го марта; не мог знать затем, какие произведены аресты, кто уцелел, кто погиб. В Рысакова, как видно из текста заявления прокурору палаты, он еще верил. Он не знал, каким отвратительным предателем оказался его ученик, павший вскоре до последней степени низости. Желябов еще больше верил осталь-

ным участникам дела и знал, поэтому, что с их стороны уж никто его не предаст.

Следовательно Желябов мог совершенно спокойно думать, что против него никаких особенных улик, в особенности по 1-му марта, быть не может.

С другой стороны, как опытный революционер, Желябов не мог не понимать, что всякое признание, во первых, приятно властям, не только потому, что дает им в руки новую жертву, да при том еще такую крупную, как Желябов, но и потому, что каждый новый привлеченный, к тому же еще признающийся в таком преступлении, как цареубийство, дает нить, да не одну, а массу нитей к другим виновникам, облегчает сыск, создает новые материалы для дальнейших розыскных операций политической полиции и вообще усиливает опасность не только для самого признающегося, но и для всех его сотоварищей и соучастников.

Желябов не мог не сознавать всех этих элементарных для него соображений и тем не менее он сделал свой решительный шаг.

Когда Софья Перовская узнала об этом заявлении, то на недоуменные по этому поводу вопросы она ответила:

— Иначе нельзя было. Процесс против одного Рысакова вышел бы слишком бледным.

Софья Перовская, влюбленная в Желябова самозабвенно, глубоко и цельно, истинной, редко встречающейся любовью, естественно искала самых простых об'яснений поступка своего мужа. Она знала, что Желябов был поэтом партии, что достоинство партии, хотя бы внешнее, было весьма дорого для него, что он романтик, ценит внешние эффекты. Для нее каждый акт мужа—факт для преклонения.

Но все же это не об'яснение.

Несомненно, что Желябов, как поэт и романтик, высоко ценил авторитет партии и всемерно готов был поддержать его любым средством. У него была одна черта, не особенно положительная, но всеми наблюдавшими его подмеченная. Желябов любил театральные эффекты. Для него поза бывала часто весьма важным аргументом в его собственной оценке. Жесты, манеры, ораторские приемы его,—все это было пропитано некоторой, рассчитанной на впечатление, картинностью...

Для него, как для оратора прирожденного, не для аудитории, зала или салона, а для улицы, площади и тысячного митинга, эти свойства были естественны. И склонность к эффекту ради поддержания престижа и авторитета партии, вероятно, играла

свою роль в момент, когда Желябов писал свое знаменитое заявление.

Пойти навстречу врагу, шагнуть смело в пасть льву, гордо признаться в том, что он творил страшное для противника дело, как цареубийство, и тем самым доказать, что царизма, всесильной монархии, всесокрушающего деспотизма ни он, Желябов, ни представляемая им партия не боятся. Признаваясь, Желябов тем самым свидетельствовал, что партия, стоящая за ним, сильна, ибо она может приносить в жертву даже своих вождей, не опасаясь будущего, потому что таких вождей у нее еще много... С открытым забралом выступает Желябов и бросает гордый вызов своей безумной смелостью, стоя одной ногой на эшафоте...

Таковы, быть может, были мысли и по существу и из опасения, что процесс с одним Рысаковым выйдет слишком бледным...

Но опять таки Желябов был слишком умный человек для того, чтобы не расценить надлежащей ценой всю дешевизну такого внешнего фейерверочного эффекта. «В эту кипящую душу,—говорит Л. Тихомиров,—был опущен чрезвычайно трезвый рассудок и огромная воля». А если это так, то трезвый рассудок легко мог учесть значение эффекта, а громадная воля так же легко удержать руку от подписи под заявлением...

Нет-ли других причин более, быть может, скрытых, лежащих в той области, в которой мы можем делать только наши предположения, но тем не менее удовлетворительнее разрешающих загадку этого красивого шага Желябова, только красивого...

Если свести в одно все признания Желябова относительно террора, сделанные им интимно в тесном кругу, если сопоставить их с об'ективными данными, нами приведенными и свидетельствующими о том, что насколько внешне был эффектен весь ряд выступлений партии, настолько внутренне он был беден и убог (даже студенческую молодежь не смогла партия расшевелить,—а это ли не легко-взрывчатое вещество—наша молодежь?), если принять во внимание полное разочарование Желябова в возможных результатах покушения на царя и в возможности дальнейшей организационной работы, за отсутствием людей, и, быть может, при смутно сознаваемом отсутствии сочувствия широких общественных кругов, то не имеем-ли мы достаточных оснований для того, чтобы признать заявление Желябова прокурору палаты актом самоубийства, замаскированного последним эффектом в честь и во славу партии?

Нужно было найти героический выход из тупика. Для сильных натур выход не может быть компромиссным. Желябов не мог бы вернуться в буржуазную жизнь, обратиться в аркад-

ского пастушка и в ласках жены и сына забыть свое горькое прошлое. Выход должен был бы быть сильным, мощным, потрясающим настолько, насколько потрясающе его глодал внутренний кризис неудовлетворенности.

Самоубийство? Простое самоубийство? Стало быть, петля на полотенце или перерез артерии или горла каким-нибудь кусочком отточенного металла? Но разве поэты так умирают? Разве романтики представляют себя в петле с высунутым синим языком и безумно вытаращенными глазами? Или на арестантской серой постели в грязной луже крови? Даже револьвера нет под рукой, чтобы боевику умереть по боевому...

И вот «опущенный в кипящую душу трезвый рассудок» сходит с своей обычной дороги об'ективного взвешивания жизненных данных и идет в пасть ко льву, маскируясь во внешний эффект, надевая мантию гордого презрения к смерти. А не смерти-ли именно и алкала надломанная, усталая, разбитая во всех своих верованиях душа Желябова?

И не писал-ли сознательно предсмертную записку Желябов, когда, отрицая за возведенным революцией на престол монархом право украсить свою корону только одним трупом, Желябов жаждал и второго—себя. А вместе с тем и вечного покоя, права сомкнуть глаза без дум о завтрашнем дне, без тоски, новых революционных желаний и нового чувства полнейшего краха...

Не ближе-ли мы к истине своей гипотезой, чем Перовская?

ГЛАВА XVIII.

Показания Желябова.—Центральное положение Желябова среди первомартовцев.—Требование суда присяжных.

Если относительно С. Перовской политическая полиция была более или менее осведомлена, и уже в марте 1880 года был издан циркуляр об ее розыске, то на следы Желябова, несмотря на предательские показания Гольденберга, полиция напала только при выслеживании Тригони, разыскивавшегося одесской полицией и приехавшего в Петербург.

Желябов был арестован случайно на квартире Тригони 27 февраля 1881 года, почти накануне убийства Александра II.

Об этих важных обстоятелствах гр. Лорис-Меликов счел долгом доложить 28 февраля царю [1]).

[1]) Этот и последующие документы впервые опубликованы в «Былом», № 10—11, 1918 г.

«Всеподданнейшим долгом считаю довести до сведения вашего императорскаго величества, что вчерашнего числа вечером арестованы: Тригони (он же Милорд) и сопровождавшее его и не желающее до настоящего времени назвать себя—другое лицо; при сем последнем найден в кармане заряженный, большого калибра, револьвер; хотя, по всем приметам, в личности этой можно предполагать Желябова, но, до окончательного выяснения не беру на себя смелость утверждать это.

«Как Тригони, так, в особенности, предполагаемый Желябов категорически отказались, на первых порах, от дачи всяких показаний, при чем предполагаемый Желябов наотрез отказывается указать свою квартиру. К полудню надеюсь раз'яснить его личность чрез Окладского, которого я приказал снова доставить ко мне из крепости.

«Во всяком случае могу заранее доложить, что как Тригони, так и его спутник занимают весьма серьезное положение в революционной среде».

Желябов и не думал, однако, скрывать своей фамилии и в тот же день уже дал свое первое показание, которое Лорис-Меликов тоже счел нужным представить царю в подлиннике.

«1881 года, февраля 27 дня, я, отдельного корпуса жандармов подполковник Никольский, на основании закона 19 мая 1871 года, в присутствии товарища прокурора с.-петербургской судебной палаты А. Ф. Добржинского, расспрашивал нижепоименованного, который показал:

«Зовут меня Андрей Иванович Желябов, от роду—30 лет, вероисповедания. . . [1]), крестьянин Таврической губ., Феодосийского уезда, села Николаевки; служу для освобождения родины; из родных имею отца, мать, сестер, брата (Александру, Марию, Ольгу, Михаила); все живут в том же Феодосийском уезде; женат, имею сына; где находится семейство, не знаю; полагаю, у тестя моего, Яхненко, в Тираспольском уезде, Херсонской губ. Был судим по процессу 193 и оправдан. Жил на средства из фонда для освобождения народа. Жил под многими именами; называть их считаю неуместным. Признаю свою принадлежность к партии Народной Воли. Признаю, что организовал александровское покушение и смыкал баттарею, т. е. покушение взорвать императорский поезд 17 ноября 1879 года под г. Александровском, где жил тогда под фамилией Черемисова. Настоящей квартиры моей в Петербурге, а равно и знакомых, назвать не желаю. При задержании меня взят при мне заряженный

---

[1]) **Этого пробела Желябов не заполнил.**

револьвер системы Смит и Вессона и несколько патронов, а также в запечатанном конверте два листа, написанных шрифтом, открыть который, понятно, не желаю. Всему зачеркнутому прошу верить. Взят также ключ. Андрей Желябов. Отдельного корпуса жандармов подполковник Никольский, товарищ прокурора судебной палаты Добржинский».

Со 2-го марта к делу о цареубийстве теснейшим образом прикрепляется Желябов. В рапорте генерала Комарова от 3-го марта находятся чрезвычайно ценные и любопытные подробности первой очной ставки Желябова и Рысакова и заявления Желябова, дополняющие тот протокол допроса Желябова, который читатель найдет ниже.

«Рысаков и Желябов были пред'явлены друг другу, при чем они встретились, как близкие знакомые, пожав друг другу руку. На вопрос Желябову, под какою фамилиею ему известен был пред'явленный человек, он отвечал, что нелегальная его фамилия Глазов, а легальная Рысаков.

«Затем Желябов обратился к прокурору палаты с просьбою об'яснить ему, что такое случилось, что его разбудили в 2 часа ночи; и когда ему об'явлено было, что сделано покушение на священную жизнь в Бозе почившего государя императора, тогда Желябов с большою радостью сказал, что теперь на стороне революционной партии большой праздник и что совершилось величайшее благодеяние для освобождения народа, цель партии осуществилась, что со времени казни Квятковского и Преснякова дни покойного императора были сочтены, за ним следили даже и тогда, когда он ездил по институтам, и ежели он не принял действительного участия в бывшем покушении, так только потому, что был лишен свободы, а нравственно он вполне сочувствует удавшемуся злодейству.

«На предложенный ему вопрос выяснить как форму, так и состав того метательного снаряда, который был употреблен для злодейского умысла против государя, он отвечал, что форм их несколько: есть овальные и четырехугольные формы; состав же определить не может, так как он не техник, а для этого в партии существует специальный технический комитет. Об'ектом всех террористических действий партии был в Бозе почивший государь император, как главный виновник погибели многих лучших ее членов и как составлявший главную помеху их действий, затем ежели с восшествием на престол е. и. в. государя императора Александра Александровича ожидания партии не исполнят и она встретит такое же противодействие, то не остановится и в будущем прибегать к таким же покушениям и против него.

Для исполнения террористических целей партии у них есть организация боевой дружины, состоящая из добровольцев. К дружине этой принадлежит и Желябов. В воскресенье, 1 марта, в 1 час дня, гуляя в доме предварительного заключения, он прислушивался, не произойдет ли какого движения, так как по воскресным дням легче было прослеживать его поездки, зная привычку в известный час отправляться на развод».

Центральное значение личности Желябова и его заявления были оценены и прокурором с.-петербургской судебной палаты В. К. Плеве. Им была составлена помещаемая ниже записка, предназначавшаяся для графа Лорис-Меликова и для нового монарха. Это—первая в ряду записок по делу 1-го марта, обративших внимание Александра III на их автора и создавших ему карьеру. Действительно, записки или доклады Плеве отличаются яркой сжатостью и выпуклостью, уменьем схватить все самое существенное и отбросить все лишние детали. Теперь они кажутся нам простыми, но в то время разобраться в груде фактов, донесений, агентурных сведений и стать на правильный путь—было делом не легким.

Первая записка составлена В. К. Плеве утром, 3 марта, после обнаружения конспиративной квартиры на Тележной улице, самоубийства неизвестного, оказавшегося впоследствии Н. А. Саблиным, и ареста Геси Гельфман, но до ареста пришедшего в 11 часов утра на эту квартиру Тимофея Михайлова. Записку эту граф Лорис-Меликов лично прочел Александру III при докладе 3 марта, а на другой день препроводил ее царю.

«При исследовании злодейского преступления 1-го сего марта было обращено внимание на то, что событие это, являясь осуществлением программы террористической фракции русской социально-революционной партии, следовало непосредственно за арестом некоего Андрея Желябова, участника не только ноябрьских покушений 1879 г., но и всех совещаний, происходивших в последнее время в среде общества по поводу замышляемого возобновления террористических мероприятий по отношению к священной особе в Бозе почившего государя императора.

«Поэтому возникло предположение, что арестованный вечером 27 минувшего февраля Желябов участвовал в обсуждении и окончательном установлении плана последнего преступления, совершенного через 40 часов после его задержания. Такое предположение нашло себе подтверждение в об'яснениях арестованного Рысакова, который указал на Желябова как на лицо, уговорившее его участвовать в преступлении.

«Призванный к допросу, Желябов показал следующее: признавая нравственную солидарность с лицами, посягнувшими на покойного государя императора, он причисляет себя к участникам преступления, так как решение народовольцев возобновить посягательство на жизнь в Бозе почившего государя, хотя и не успело вылиться ко времени ареста его, Желябова, в окончательный план преступления, тем не менее было вполне подготовлено, ибо для нового покушения на священную особу государя уже была сформирована группа революционеров, которая под руководством нескольких лиц, в том числе и его, Желябова, была вечером 27 февраля настолько близка к совершению задуманного им злодейства, что он, Желябов, находясь под стражей и не зная о дне, избранном для приведения преступного замысла в исполнение, в воскресенье, гуляя по двору тюрьмы, ожидал грозного события.

«При весьма продолжительных об'яснениях с поименованным Желябовым было им заявлено, что деятельность сообщества, упорно стремящегося к совершению государственного переворота, хотя и стоит вне того или другого настроения общества по отношению к правительству, изменяющегося под влиянием тех или других мероприятий власти, тем не менее сообразуется поневоле с направлением сих мероприятий. При этом на предлагавшиеся ему вопросы по поводу продолжительного перерыва в террористических преступлениях отвечал: «до казни Квятковского и Преснякова партия считала себя связанною в свободе действия, а потому и казнь этих лиц, несмотря на то, что смертью их вырывались, так сказать, нервы партии, была приветствована с восторгом, напротив—помилование раскисшего Адриана Михайлова было встречено с «нескрываемым чувством досады».

«Вполне согласно с рассказом Желябова о приготовлениях к преступлению, Рысаков об'яснил, что предварительные сходки происходили, во-первых, на Симбирской улице, в квартире смертельно раненого на месте происшествия молодого человека, по прозвищу «Котика» (личность, бросившая второй снаряд и умершая через 8 часов по доставлении в больницу); во-вторых, на Тележной улице, в доме № 5, откуда в воскресенье утром и были получены метательные снаряды.

«Обыск в этой квартире,—при чем хозяин ее, отстреливаясь от прибывших на место товарища прокурора палаты Добржинского и сопровождавших его должностных лиц, застрелился и сам,—привел к обнаружению двух метательных снарядов, повидимому, тождественных с употребленными в

дело 1 марта, и прокламации, при сем прилагаемой. В квартире, кроме того, арестована молодая женщина, жившая по подложному паспорту. Настоящая ее фамилия Гессе».

Желябов, таким образом, с первого же дня решил придерживаться тактики гордых признаний во всем, что касалось лично его, умалчивая, конечно, о товарищах. Такой тактики держались многие революционеры того времени.

В дальнейшем мы даем извлечения из протоколов показаний Желябова, приводя лишь наиболее существенные из них и наиболее характерные для вождя народовольцев. 1 марта Желябов показывал судебному следователю:

«В показаниях своих от 27 февраля я признал себя членом партии «Народной Воли», программа которой рекомендует, как одну из форм активной борьбы, уничтожение правителей. Согласно этой программе и в силу распоряжения Исполнительного Комитета я принимал известное участие в покушении под г. Александровском. Этим убеждениям я останусь верен и буду служить им до последнего моего издыхания. Для таковых предприятий у меня имелся динамит в коробках, найденных у меня на квартире при осмотре. (Протокола обыска я не читал и сужу о вещах, им обнаруженных, по словесной передаче г. прокурора). Но употреблен-ли хранившийся у меня динамит на предприятие, результатом коего были сегодняшние события,—не знаю, так как арестован раньше. Могу только заявить, что предприятие это в духе программы партии и в этом смысле я разделяю его вполне.

Время цареубийства не было намечено заранее с точностью, так как обусловливалось образом жизни об'екта нападения. Что касается зависимости времени совершения от общественного настроения и других политических условий, то партия имеет на этот счет руки развязанными давно: нападение требовалось всеми сочувствующими освобождению страны, и упреки приходилось выслушивать лишь за промедление. Место действия находится еще в большой зависимости от привычек об'екта; о нем (месте) в пятницу вечером (27 февраля) я мог бы сказать лишь одно—по пути его следования. Участниками предприятия могли быть лишь члены боевых дружин Исполнительного Комитета; но кто именно участвовал в сегодняшнем деле, я не знаю, за исключением пред'явленного мне Рысакова, известного мне за в высшей степени преданного революционному делу деятеля. Лично мое участие физическое не было лишь по причине ареста; нравственное участие полное. О метательных

снарядах в идее знаю давно; с системами их также знаком; но какая система была пущена сегодня в дело, не знаю: это решение совета техников Исполнительного Комитета, состоявшееся после моего ареста».

Вслед затем последовало приведенное уже выше заявление прокурору палаты от 2 марта. В тот же день Желябов на допросе показывал:

«По поводу отношений своих к Рысакову заявляю, что согласен с его показаниями, т. е. познакомился с ним вследствие выраженного Рысаковым желания приступить к занятиям с рабочими; сблизившись с ним на этом деле, я повел с Рысаковым разговор о том, что рабочее дело станет прочно, лишь будучи охраняемо от шпионов чрез устранение последних. Оказалось, что Рысаков самостоятельно дошел до взглядов партии на этот предмет; признавая, что для таких дел нужна специальная боевая организация, оставалось предложить ему вступление в боевую рабочую дружину, что и было принято Рысаковым. Первое знакомство наше, если не ошибаюсь, относится к осени прошлого года. В декабре Рысаков был членом рабочей организации, а также «боевой рабочей дружины». Данная дружина, входя в состав боевых сил Исполнительного Комитета, имела целью: 1) устранение шпионов, действующих в рабочей среде; 2) привлечение лучших рабочих к участию в подобных делах; 3) собирание определившихся лиц в группы для самостоятельного исполнения террористических предприятий, намеченных рабочей организацией; 4) группы эти должны быть готовы принять на себя инициативу инсуррекционного движения, которую партия считает почти неизбежной переходной ступенью в деятельности подготовительной ко всеобщей революции; 5) наконец, боевая дружина служит школой для выработки из себя характеров, способных к самопожертвованию в интересах общего дела. Рысаков заявил себя с первых шагов прекрасным агитатором среди рабочих. На мой взгляд, в нем были большие задатки спокойного, мужественного террориста. Все это, вместе взятое, выдвигало его, как редкую нравственную силу. Когда нападение на Александра II было поставлено Исполнительным Комитетом ближайшей практической задачей приблизительно в конце января, был сделан вызов добровольцев из боевых комитетских дружин. В числе прочих рвался на это дело и Рысаков. Я, будучи ближайшим агентом Исполнительного Комитета и в то же время членом дружины рабочей, рекомендовал Исполнительному Комитету Рысакова с наилучшей стороны. Рысаков был зачислен в группу по данному предприятию. Мне было поручено Исполни-

тельным Комитетом действовать вместе с группой. Последовал ряд собраний для обсуждения плана нападения: места, времени, средств нападения, распределения сил и т. д. Вызванные из разных дружин, члены данной группы должны были ознакомиться между собой, сблизиться, возыметь доверие друг к другу. На это, впрочем, требовалось немного времени; больше времени уходило на ознакомление группы со средствами нападения, в частности, с метательными снарядами. С этой целью на собрания являлся техник; он подробно разбирал разные системы снарядов; указывал все за и против каждой системы; знакомил с условиями пользования ими. На некоторых из таковых собраний был я; но на последнем не был; посему не знаю, на какой системе остановились в конце концов. Арест оторвал меня от этого дела. Таким образом окончательный план (время, место, снаряды) и его исполнители были определены после меня и мне неизвестны. Остальных членов группы по данному предприятию я, само собою разумеется, не назову.

Последнее собрание группы, на котором присутствовал я, было, насколько помню, во вторник; на нем не был поставлен определенный план действий.

По вопросу об организации. Организация партии «Народной Воли» состоит из целой сети тайных кружков, группирующихся на начале централизации групп младшего порядка вокруг группы порядка высшего. Каждая группа высшего порядка пополняется лучшими силами групп порядка младшего. Вся организация стягивается к единому центру—Исполнительному Комитету. Все группы связаны между собой единством программы и плана практических действий, общностью сил и средств. Сношения между групп ведутся через агента высшей группы, входящего в состав младшей группы, как ее сочлен. Интересы центра для каждого члена стоят выше интересов его группы. Поэтому центр вправе отзывать членов подгрупп на известные ему нужды, не мотивируя отозвания перед группой. Каждая группа в ведении своих дел самостоятельна и имеет свой бюджет. Все вопросы программные, а также вопросы партийной политики центр отдает на обсуждение всей организации. Решение по этим вопросам постановляет с'езд представителей местных центральных групп вместе с уполномоченными от Исполнительного Комитета. Исполнительный Комитет следит за точным исполнением предначертаний с'езда и направляет сообразно им все силы организации. Взаимные отношения местных центральных групп между собою и к Исполнительному Комитету, их круг ведения определяется особыми договорами. Такова организация по месту.

В больших центрах она дробится по предметам ведения; такова: рабочая организация, военная, молодежи и т. д. на том же начале автономности кружков и централизации».

4 марта Желябов дает свое знаменитое показание о 47 добровольцах, вызвавшихся на цареубийство.

«В прошлый раз я говорил о задачах «рабочей боевой дружины», к которой принадлежал вместе с Рысаковым. Теперь, следуя приглашению г. прокурора, заявляю, что у Исполнительного Комитета таких групп много; одни из них находятся в провинции, другие здесь, в столице; некоторые характера боевого общереволюционного, другие боевые специальные, подобно рабочей дружине, но приспособленные к иной среде. От сообщений подробностей уклоняюсь. Исполнительный Комитет, поставив известное нападение ближайшей практической задачей, сделал, кажется, в январе месяце, вызов добровольцев из всех боевых дружин. Идти на самопожертвование вызвалось, в итоге, 47 человек. Мне было поручено сорганизовать предприятие (разумею, нападение с метательными снарядами). Я предложил участие определенному числу добровольцев, между прочим Рысакову, руководствуясь личным знанием их, а также некоторыми другими соображениями. Отсюда видно, что, выпади честь—сорганизовать нападение не мне, а на долю иного агента Исполнительного Комитета, личный состав дружины по данному предприятию был бы несомненно другой. Следуя тому же приглашению г. прокурора, поясняю, что агент 3-й ст., каковым я состою, есть ближайший агент Исполнительного Комитета, лицо, пользующееся его полным доверием. Об агентах 1-й и 2-й ст. говорилось в процессе 16-ти».

6 марта, давая следующее показание, Желябов продолжает еще петь дифирамбы Рысакову, который в это время выдавал всех народовольцев самым позорным образом.

«По поводу двух прочитанных мне 4 марта показаний Рысакова, зявляю, что (поскольку я их припоминаю) показания эти в большей части своей согласны с действительностью. Он познакомился со мной, как с лицом, именующимся Захаром Тимофеевичем, ведущим дело с рабочими. О сближении нашем рассказано мною в показании 1 марта, в существенном согласно с показаниями Рысакова. На цареубийство шел он сознательно и добровольно по моему приглашению. В январе и феврале я не раз вел с ним разговор о роли царей в судьбах русского народа и, в связи с этим, о необходимости их уничтожения вообще, если русские цари пожелают остаться при старой системе управления. Рысакову виднее, было ли в моих рассуждениях что-

либо новое, самим Рысаковым не надуманное, и в какой мере это новое повлияло на него. Пусть же об этом говорит сам Рысаков. В деле 1 марта я отводил Рысакову лишь место пособника для выправки из него самостоятельного бойца на последующее время, хотя, конечно, своих предположений ему не высказывал, а заставлял переживать самые серьезные ожидания в интересах того же закала характера; истинная роль его в событии зависела уже не от меня, тогда арестованного, исполнил ее Рысаков, поскольку мне известно и в чем я вперед был уверен, с честью. Припоминаю неверность с действительностью в показаниях Рысакова относительно роли Тимофея. Тут Рысаков видимо перепутал лично для него желательное с предположенным мною для Тимофея, и Тимофей вышел у него предполагавшимся участником нападения, что совершенно неверно. Не имея пред собою показаний Рысакова и не желая возражать против собственных недоразумений, прекращаю об'яснения свои по поводу его показаний».

В последних словах Желябова уже как будто бы звучит некоторая нота сомнения.

Желябов затем допрашивался вторично того же 6 марта, а потом 14. Это было последнее его показание. Оба они несущественны и касаются деталей.

Кроме этих показаний Желябов делал еще два заявления судебным властям. В первом он просит о вызове свидетелей— Кошурникова, Колодкевича и Тригони, а во втором подымает принципиальный вопрос о подсудности:

«Принимая во внимание:

во-первых, что действия наши, отданные царским указом на рассмотрение особого присутствия сената, направлены исключительно против правительства и лишь ему одному в ущерб; что правительство, как сторона пострадавшая, должна быть признана заинтересованной в этом деле стороной и не может быть судьей в своем собственном деле; что особое присутствие, как состоящее из правительственных чиновников, обязано действовать в интересах своего правительства, руководясь при этом не указаниями совести, а правительственными распоряжениями, произвольно именуемыми законами,—дело наше не подсудно особому присутствию сената;

во-вторых, действия наши должны быть рассматриваемы как одно из проявлений той открытой, всеми признанной борьбы, которую русская социально-революционная партия много лет ведет за права народа и права человека против русского прави-

тельства, насильственно завладевшего властью и насильственно удерживающего ее в своих руках по сей день;

единственным *судьею* в деле этой борьбы между социально-революционной партией и правительством может быть лишь весь русский *народ* чрез непосредственное голосование или, что ближе, в лице своих законных представителей в *учредительном собрании*, правильно избранном и,

в третьих, так как эта форма суда (учредительное собрание) в отношении нас лично неосуществима; так как суд присяжных в значительной степени представляет собою общественную совесть и не связан в действиях своих присягой на верную службу одной из заинтересованных в деле сторон;

на основаниях вышеизложенных я заявляю о неподсудности нашего дела особому присутствию правительствующего сената и *требую суда присяжных* в глубокой уверенности, что суд общественной совести не только вынесет нам оправдательный приговор, как Вере Засулич, но и выразит нам признательность отечества за деятельность особенно полезную. 1881 г. 25 марта. Андрей Желябов. Петропавловская крепость».

Заслушав приведенное заявление Желябова в распорядительном заседании 26 марта, особое присутствие нашло, что «заявленный подсудимым отвод о неподсудности дела лишен всякого законного основания и оставлен поэтому без последствий».

ГЛАВА XIX.

Желябов на суде сената.—Его тактика.—Юридические споры.—Обвинительный акт.—Исповедание революционной веры пред судом.—Речь Н. В. Муравьева и его характеристика Желябова.—Речь Желябова.—Вопросы о виновности.—Последнее слово Желябова.—Приговор и казнь Желябова.

Теперь мы приступаем к заключительному акту первомартовской трагедии, закончившейся на суде сената и на эшафоте.

Поведение Желябова на суде положительно восхищает своей выдержкой, корректностью, смелым героизмом, величайшим достоинством и той красивой гордостью, которая дается только большой внутренней нравственной силой. Революция показала суду, высшему суду сената, наилучшего своего представителя. И хотя представитель обвинения Муравьев отрицал самое бытие революции и революционных организаций, тем не менее именно с Желябовым вел прокурор самую острую борьбу

в процессе, на него обрушивал все свои громы и молнии и с ним считался как с самой крупной, чуть ли не единственной силой.

Мы проследим роль и тактическое поведение Желябова на суде шаг за шагом, по мере развития хода судебного следствия и всего процесса.

Нужно заметить, что Желябов, как юрист по образованию, обнаружил довольно тонкую способность юридического анализа и все его чисто правовые заявления свидетельствуют о больших его профессиональных способностях. Он ведет удачно чисто юридическую, подчас формальную борьбу с прокуратурой и умеет сильно и метко отвечать. Борьба вообще его стихия...

На обычные вопросы председателя Желябов, после своего заявления о подсудности дела присяжным заседателям, отвечает в таких выражениях:

Предс. Сколько вам лет?

Желябов. 30 лет.

Вопр. Веры православной?

Отв. Крещен в православии, но православие отрицаю, хотя сущность учения Иисуса Христа признаю. Эта сущность учения среди моих нравственных побуждений занимает почетное место. Я верю в истину и справедливость этого вероучения и торжественно признаю, что вера без дел мертва есть и что всякий истинный христианин должен бороться за правду, за права угнетенных и слабых и если нужно, то за них и пострадать: такова моя вера.

Вопр. Где вы проживали в последнее время и чем занимались?

Отв. В последнее время я жил в первой роте Измайловского полка и вообще жил там, где требовало дело, указанное мне Исполнительным Комитетом. Служил я делу освобождения народа. Это мое единственное занятие, которому я много лет служу всем моим существом.

Обвинительный акт.

Приводим выдержки из обвинительного акта в частях, касающихся Желябова.

«Результаты исследования привели к заключению, что в кружке означенных лиц играли видную и влиятельную роль: проживавший под своим собственным именем, действительный студент Михаил Тригони и крестьянин Таврической губернии, Феодосийского уезда, деревни Николаевки, Андрей Иванов Желябов, разыскиваемый по обвинению в покушении на жизнь его императорского величества, совершенном 18 ноября 1879 г.

близ гор. Александровска, Екатеринославской губернии. Желябов был арестован 27 февраля сего года одновременно с Тригони, в квартире последнего, на углу Невского проспекта и Караванной улицы, в доме Лихачева.

По обнаружении местожительства Желябова, проживавшего вместе с женщиною, именовавшею себя Лидиею Антоновою Войновою, по 1-й роте Измайловского полка, в д. № 17—18, кв. 23, под именем Николая Иванова Слатвинского, в квартире его, утром 1 марта, всего лишь за несколько часов до совершения злодеяния, жертвою которого пал ныне в Бозе почивший государь император, был произведен обыск, при котором, кроме разных принадлежностей химических опытов, могущих служить и для приготовления взрывчатых веществ, были найдены, между прочим, четыре жестянки из-под конфект и одна из-под сахару, с остатками в четырех жестянках (трех из-под конфект и одной из-под сахару) черного вещества, а также две каучуковые красные трубки.

По заключению эксперта, заведующего химической лабораторией Михайловской артиллерийской академии и училища, генерал-майора Федорова, означенное вещество есть черный динамит, а каучуковые трубки подобны тем, которые были употреблены при устройстве нижеупомянутых метательных взрывчатых снарядов. В названных жестянках, по мнению генерала Федорова, могло помещаться около двух пудов динамита.

Женщина, проживавшая вместе с Желябовым под именем Лидии Войновой, скрылась из вышеуказанной квартиры Желябова на другой день ареста, 28 февраля вечером, и была задержана лишь 10 марта, на Невском проспекте, околоточным надзирателем Широковым.

Задержанная оказалась дворянкою Софьею Львовною Перовскою, обвиняемою и разыскиваемою по делу о покушении на жизнь священной особы государя императора, совершенном 19 ноября 1879 г. близ Москвы, на линии Московско-Курской железной дороги.

По обыску, при Перовской были, между прочим, найдены печатные прокламации: от 2 марта 1881 года, по поводу события 1 марта, 18 экземпляров от «Исполнительного Комитета» и 14 экземпляров от «Рабочих членов партии «Народной Воли».

При производстве упомянутого выше обыска в квартире Желябова и начатого еще утром 1 марта осмотра всего при этом обыске найденного, между предметами, находившимися у Желябова, оказались 4 куска сыру, из которых два круга русского зеленого сыра с клеймом «С. А. С.», один круг русского голландского сыра и один русского честера. По сличении чрез экспер-

тов этих сыров с найденными в лавке Кобызева, они оказались совершенно тождественными между собою, причем в лавке были и сыры с клеймами «С. А. С.».

«Сочувствие к социально-революционному движению явилось у Рысакова еще до поступления его в горный институт, т. е. до сентября 1879 г., но до января 1881 г. участия в активной деятельности партии «Народной Воли» он не принимал. С начала учебного 1880—81 года Рысаков возымел мысль вступить в революционную рабочую организацию, так как сознавал невозможность достигнуть каких-либо результатов при единоличном действии. В это-же время, на квартире студента Урсыновича, Рысаков познакомился с Желябовым, называвшимся «Захаром», знакомство с которым дало возможность ему, Рысакову, расширить и осмыслить свою деятельность среди рабочих. В виду успешного сближения Рысакова с рабочими под предлогом обучения их грамоте, в январе 1881 г. Желябов привел Рысакова в 7-ю роту Измайловского полка, в квартиру, занятую, по словам Желябова, легальными людьми, и там познакомил его с каким-то человеком, который предложил ему вступить в партию членов рабочей организации. Человек этот доставил Рысакову сведения о целях, составе и средствах партии и, между прочим, обещал ему материальную помощь в размере 30 руб. в месяц.

Сближаясь с рабочими под предлогом обучения их грамоте, Рысаков старался организовать рабочие кружки, возбуждая их к открытому восстанию с целью экономического и политического переворота. Как член организации, Рысаков бывал на собраниях агитационной группы, и раза два или три эти собрания происходили у него. На этих собраниях, где он встречался с Желябовым, обсуждались вопросы чисто специальные и агитационные, а о террористических предприятиях говорилось только как о способе к оживлению рабочего движения и к охранению партии от шпионов, но рассуждения эти носили на себе характер общий, принципиальный, и личности для исполнения предприятий еще не намечались...

... Речь о цареубийстве зашла на собраниях террористического отдела, происходивших сначала в квартире Рысакова, а затем в особой конспиративной квартире (Геси Гельфман) по Троицкому переулку; на этой последней квартире, недели за полторы до 1 марта, Желябов «кликнул клич», или, другими словами, вызвал добровольцев, желающих совершить новое покушение на жизнь государя императора, решенное «Исполнительным Комитетом». После этих собраний, состоялось еще одно,

в каком-то трактире, где снова обсуждался вопрос о покушении; сначала событие, о котором Желябов говорил с Рысаковым, в виде предположения, еще до упомянутых собраний, представлялось отдаленным, но затем Рысаков стал замечать в Желябове и его товарищах лихорадочную поспешность, которую Рысаков об'ясняет тем, что состав и силы партии были расстроены только что постигшими ее арестами.

На категорическое предложение Желябова совершить покушение Рысаков согласился, приблизительно за неделю до 1 марта, после чего вступил в непосредственные сношения с кружком лиц, устраивавших посягательство, и был введен в новую конспиративную квартиру на Тележной улице, которая, по словам Желябова, и была нанята исключительно для подготовления цареубийства. На призыв Желябова совершить преступление отозвались, кроме его, Рысакова, еще «Михаил Иванович» и Тимофей Михайлов, а также, повидимому, и человек, называвшийся «Михайлом», с которым, незадолго перед тем, его познакомил Желябов, как с «товарищем по делу». Сверх названных лиц, на «конспиративной квартире» появилась и Перовская, с которой Желябов познакомил его, Рысакова, еще в начале зимы, причем Рысаков принял тогда же участие, вместе с «Михайлом Ивановичем», в постоянном и правильном наблюдении за выездами государя императора, которое было организовано Перовскою. На конспиративной квартире по Тележной улице собирались добровольцы, т. е. он, Рысаков, «Михаил Иванович» [1]), Тимофей Михайлов и «Михаил» [2]). Здесь же Рысаков видел Гесю Гельфман, а также человека, признанного им в пред'явленном ему трупе Саблина. На первое же собрание, вслед за Желябовым, явился человек, которого называли «техником» [3]) и который подробно об'яснял устройство метательных снарядов по принесенным им образцам.

28 февраля он, Рысаков, «техник», Тимофей Михайлов и «Михаил Иванович» ходили за город в пустынное место, за Смольным монастырем, пробовать образец снаряда; снаряд этот был брошен Тимофеем Михайловым и удачно разорвался. Оттуда участники задуманного преступления отправились на конспиративную квартиру, для получения каких-то указаний от Желябова, который, однако же, не пришел, причем, кажется, Геся Гельфман сказала, что если он не придет, «то, значит, занят». На другой день, 1 марта, в 9-ть часов утра, согласно состояв-

[1]) И. И. Гриневицкий.
[2]) И.П. Емельяновъ, тогда еще не обнаруженный, осужден в 1882 году.
[3]) Кибальчич.

шемуся накануне уговору, все вновь сошлись на конспиративной квартире, для получения снарядов и необходимых указаний»...

... Обвиняемый Андрей Иванович Желябов, признавая фактическую сторону приписываемых ему преступных деяний и сообщая некоторые подробности об организации «социально-революционной партии» об'яснил, что служит делу народного освобождения и принадлежит к партии «Народной Воли», которая считает уничтожение правителей одним из средств активной борьбы для достижения своих целей. Состоя агентом третьей степени при «Исполнительном Комитете», т. е. пользуясь его полным доверием, он получил от «Комитета» поручение организовать посягательство на жизнь государя императора. Для этой цели из всех боевых дружин партий, которых в распоряжении «Комитета» имеется несколько, и в том числе боевая рабочая дружина, были вызваны «добровольцы». Из числа ответивших на этот призыв 47 человек, он, Желябов, выбрал наиболее, по его мнению, пригодных, в том числе и Рысакова, которого он считал одним из самых преданных революционному делу деятелей, но которому, однако-же, он, Желябов, отводил лишь место пособника, для выправки из него самостоятельного бойца на будущее время. Не сообщая об этом Рысакову, обвиняемый заставлял его переживать самые серьезные ожидания. Тем не менее, влияние его, Желябова, под которым в известной степени находился Рысаков, не исключало его самобытного развития и таковой-же деятельности. Для совершения цареубийства были избраны метательные снаряды. Тимофей Михайлов в этом деле не принимал никакого участия [1]). Что-же касается до него, Желябова, то арест помешал ему принять физическое участие в посягательстве на жизнь государя императора; нравственное же его участие было полное.

2 марта обвиняемый Желябов прислал на имя прокурора с.-петербургской судебной палаты заявление, в котором, высказывая свою совершенную солидарность с Рысаковым и требуя, по его выражению, «приобщения его, Желябова, к делу 1 марта», об'ясняет, «что он многократно покушался на жизнь ныне в Бозе почившего государя императора и не принял физического участия в преступлении 1 марта лишь по «случайности». Далее, восхваляя Рысакова, он выражает опасение, что правительство, «за недостатком формальных улик против него, «ветерана революции», предпочтет «внешнюю законность внутренней справедли-

---

[1]) Желябов всячески выгораживал из дела Тимофея Михайлова, думая его спасти. Предательство Рысакова парализовало все его усилия.

вости», во избежание чего он, Желябов, и просит о привлечении его к настоящему делу.

Из имеющихся в деле сведений о личности и прошедшем Желябова, которого умерший, обвиняемый по делу о так называемых террористах, Гольденберг характеризует как личность «в высшей степени развитую и гениальную», оказывается, что Желябов в 1872 г. был исключен из новороссийского университета за беспорядки, затем судился по делу о революционной пропаганде и, по оправдании, по собственному его показанию, проживал под разными именами в разных местах, на средства из фонда народа...

... I. К изобличению Желябова в вышеуказанном преступлении служат следующие данные дознания:

Привлеченный к дознанию по обвинению в убийстве харьковского губернатора князя Крапоткина, совершенном 9 февраля 1879 г. в гор. Харькове, и в покушении на жизнь государя императора, совершенном 2 апреля 1879 г., сын купца Григорий Гольденберг, ныне умерший, в показании своем, данном в мае 1880 г., между прочим, об'яснил, что во второй половине июня месяца 1879 г., в городе Липецке, Тамбовской губернии, состоялся общий с'езд деятелей социально-революционной партии для совещания о мерах противодействия строгим правительственным распоряжениям. В числе лиц, собравшихся в Липецке, в количестве около 15 человек, на с'езде этом был крестьянин Андрей Иванов Желябов, проживавший в то время под именем Чернявского [1]). Совещания Липецкого с'езда привели к решению предпринять целый ряд покушений на жизнь государя императора и, между прочим,—произвести взрыв полотна железной дороги близ гор. Александровска, Екатеринославской губернии, во время следования императорского поезда из Крыма. По словам Гольденберга, в двадцатых числах сентября месяца 1879 г., в г. Харьков прибыли: некто Кошурников [2]) и Андрей Пресняков (ныне казненный), которые привезли с собою около трех пудов динамита и проволоку для употребления их при взрыве близ г. Александровска; в то же время в городе Харькове устраивались сходки для обсуждения вопроса о способе осуществления этого посягательства на жизнь государя императора. Здесь Гольденберг и Желябов (под именем Борисова), доказывая на сходках необходимость террористического образа действий,

---

[1]) Паспорт на имя Чернявского Желябов получил от В. Осинского в Одессе. Паспорт был действительным, а не подложным.

[2]) Баранников, осужденный по процессу о народовольцах.

подготовляли все нужное, для приведения в исполнение своего умысла. (Далее следует известное описание покушения под Александровском).

Указанные Гольденбергом, как бывшие, кроме Желябова, участниками злодейского покушения на жизнь государя императора в гор. Александровске, Андрей Пресняков, Яков Тихонов и Иван Окладский сознались в этом преступлении и были осуждены за это приговором с.-петербургского военно-окружного суда, состоявшимся в октябре 1880 г.; Якимова-же осталась неразысканной. Спрошенный в качестве обвиняемого, по задержании его 27 февраля в Петербурге, Желябов об'яснил, что, как член социально-революционной партии, он, для осуществления идеи уничтожения правителей и по поручению Исполнительного Комитета, организовал покушение близ гор. Александровска и принимал в осуществлении его непосредственное участие...

... На основании вышеизложенного, тихвинский мещанин Николай Иванов Рысаков, 19-ти лет, крестьянин Таврической губернии, Феодосийского уезда, Петровской волости, села Николаевки, Андрей Иванов Желябов, 30-ти лет, дворянка Софья Львовна Перовская, 27-ми лет, крестьянин Смоленской губернии, Сычевского уезда, Ивановской волости, деревни Гавриловка, Тимофей Михайлов, 21-го года, и мозырская, Минской губернии, мещанка Геся Мирова Гельфман, 26-ти лет, обвиняются:

во-1) в том, что вступили в тайное сообщество, именующее себя «русской социально-революционной партией» и имеющее целью ниспровергнуть, посредством насильственного переворота, существующий в империи государственный и общественный строй, причем преступная деятельность этого сообщества проявилась в ряде посягательств на жизнь его императорского величества, убийств и покушений на убийство должностных лиц и вооруженных сопротивлений властям.

во-2) в том, что, принадлежа к означенному сообществу и действуя для достижения его целей, согласились между собою и с другими лицами лишить жизни его императорское величество государя императора, во исполнение каковою умысла: а) из подвальной лавки в доме гр. Менгдена № 56—8, по Малой Садовой, заведомо для названных обвиняемых, был проведен подкоп под означенную улицу, с устроенным в нем аппаратом для взрыва динамита при проезде государя императора, и б) 1 марта 1881 г., при проезде его императорского величества по набережной Екатерининского канала, Рысаков бросил метательный взрывчатый снаряд под императорскую карету, последствием чего

был взрыв, после которого произошел другой такой же, произведенный с тою же целью другим соучастником означенного сообщества и причинивший государю императору тяжкие поранения, повлекшие за собою кончину государя; причем, при составлении упомянутого покушения и приготовлениях к нему, Желябов, умыслив таковое, согласил на него Рысакова и управлял приготовительными действиями; Перовская, по задержании Желябова 27 февраля, руководила не только теми-же действиями, но и самым совершением убийства; Тимофей Михайлов участвовал в означенных, совокупными силами совершенных, приготовительных действиях и, вооруженный метательным снарядом, находился на месте совершения преступления для принятия в нем участия, а Гельфман заведывала, в качестве хозяйки, так называемыми «конспиративными» квартирами, в которых происходили совещания и производились приготовления к нему. Преступления эти предусмотрены ст. 241, 242, 243 и 249 улож. о нак. угол. и исправит., изд. 1866 года.

Кроме того, III) Андрей Желябов обвиняется в том, что, принадлежа к тому-же названному сообществу, 18 ноября 1879 г. близ гор. Александровска, Екатеринославской губ., вместе с другими лицами, с целью лишить жизни ныне умершего государя, устроил под полотном железной дороги мину для взорвания динамитом поезда, в котором находился государь, и, при проходе означенного поезда, сомкнул проведенные чрез мину проводники гальванического тока, причем, однако-же, по обстоятельствам, не зависящим от Желябова, взрыва не последовало...

Судебное следствие. Признания Желябова.

Желябов, на предложенный ему первоприсутствующим по выводам обвинительного акта вопрос о виновности, отвечал:

Я признаю себя членом партии «Народной Воли», и эта принадлежность является следствием моих убеждений. В организаторском же отношении я состою агентом «Исполнительного Комитета». Так как убеждения партии, ее цели и средства достаточно подробно изложены моими товарищами Кибальчичем и Перовскою, то я остановлюсь, главным образом, на второй половине моих об'яснений, на организации. Я долго был в народе, работал мирным путем, но вынужден был оставить эту деятельность по той причине, на которую указал подсудимый Кибальчич. Оставляя деревню, я понимал, что главный враг партии народолюбцев-социалистов—власти.

Первоприс. Я должен предупредить вас, что я не могу допустить в ваших об'яснениях таких выражений, которые

полны неуважения к существующему порядку управления и к власти, законом установленной. Вы можете высказать ваши убеждения, несогласные с законом, но высказывайте их в такой форме, которая дала бы возможность вас выслушать.

Желябов. Я это признаю. Как человек, из народа вышедший, для народа работавший, я так понимал выгоду от политической борьбы.

Первоприс. Для суда не нужно знать теории; суду нужно знать ваши личные отношения к делу, личные отношения к той партии, к которой вы принадлежите. Вы, например, говоря об организации, совершенно правильно заметили, что для определения роли каждого из обвиняемых может иметь значение раз'яснение организации, и вот в этих пределах суд выслушает ваше об'яснение. Теоретические-же воззрения не могут быть предметом об'яснений на суде.

Желябов. Совершенно верно: я мог-бы держаться в таких рамках и к ним возвращусь.

Затем Желябов вошел в подробные об'яснения существующей организации тайного общества, основанной на подчинении младших кружков старшим, сходящимся в центральном. После чего Желябов продолжал:

— Перехожу к моей роли в настоящем деле. Я несколько раз участвовал в подобных предприятиях и заслужил доверие центра—Исполнительного Комитета, и вот на этом основании мне в этом предприятии была отведена роль организатора одной из частей предприятия. Предприятие это распадается на подкоп и на нападение с метательными снарядами, и вот нападение с метательными снарядами «Исполнительным Комитетом» поручено было организовать мне, причем «Исполнительный Комитет» указал мне, что добровольцев, из'явивших согласие идти на самопожертвование, лишь бы цель была достигнута, было всего 47 человек; из них 19, обусловливавших свое участие вместе с опытным в таком деле человеком, остальные-же выразили безусловное согласие. Из этой категории лиц мне было предоставлено выбрать себе сотоварищей и действовать с ними с метательными снарядами, чем я и занялся, руководствуясь соображениями не наибольшей их пригодности, как говорится в обвинительном акте,—я к этому еще возвращусь,—а другими соображениями.

Первоприс. Считаю необходимым вас предупредить, дабы не было усложнения дела: вы не должны теперь пред'являть об'яснения по существу обвинительного акта, на это будет целое судебное следствие.

Желябов. Я не буду возражать против обвинительного акта. Чтобы поскорее кончить с этим вопросом, я скажу, что я подобрал нужное количество лиц и, замечу здесь, что количество было уже намечено «Исполнительным Комитетом», а моя обязанность состояла в том, чтобы выбрать из числа этих лиц сотоварищей и представить об этом Комитету на утверждение. Когда было утверждено, я вместе с этими лицами приступил к исполнению. Я для нападения с метательными снарядами пригласил к себе единственно Рысакова, отношения же мои к Михайлову я выясню впоследствии, теперь же я утверждаю, что Михайлов, если, по словам Рысакова, и имел какое-нибудь отношение к делу, то делал это без моего ведома, после моего ареста и, во всяком случае, это такой шаг, который в организаторском отношении считается преступлением. Теперь о подкопе. Совершенно верно сказал Рысаков, что он ничего не знал о подкопе; это так и должно быть, потому что подкоп велся, в интересах осторожности, совершенно отдельно от нападения с метательными снарядами. Собственно нападавшие могли знать о подкопе, могли участвовать в нем, но только в том случае, если группа, ведшая подкоп, оказывала им доверие,—это их частное соглашение. Скажу от себя, что Рысакова из участников подкопа, которых я не стану называть, никто не знал, и оставляя на мою ответственность привлечение того или другого деятеля, в качестве метальщика, они бы, конечно, никогда не допустили, чтобы неизвестный человек принял участие в подкопе. Если это можно сказать относительно Рысакова, то то же самое относится и еще с большим основанием к Михайлову, который о подкопе не мог знать ровно ничего; это было бы младенчеством в революционном ведении дела, а мы уже кое-что пережили.

Для того, чтобы мой ответ на обвинение, изложенное в обвинительном акте, был определеннее, я теперь возвращусь к самой формулировке обвинительного акта. Я не признаю себя виновным в принадлежности к тайному сообществу, состоящему из шести человек и нескольких других, так как сообщества здесь нет. Здесь подбор лиц совершенно случайный, производившийся по мере ареста лиц и по некоторым другим обстоятельствам. Некоторые из этих лиц принимали самое деятельное участие и играли видную роль в революционных делах по различным отраслям, но они не составляют сообщества по данному предприятию. Михайлов этому делу—человек совершенно посторонний. Рысаков свои отношения к организации определил верно: он состоял членом агитационной рабочей группы, которая относилась к «Исполнительному Комитету», как его разветвление,

как одна из отраслей. Данные обвиняемые обвиняются в устройстве подкопа на Малой Садовой.

Первоприс. Я предложил вам вопрос о вас и вы высказали свой взгляд на организацию и отношения ваши к этой организации: этим вам и следует ограничиться.

Подс. Желябов. Если я и отклоняюсь, то это потому, что, во-первых, об'яснения подсудимых касались частию теоретической стороны и, во-вторых, потому, что, говоря шестым, я не могу без повторения быть систематическим в изложении. Мои отношения к подкопу были таковы: я знал о нем и принимал участие, как чернорабочий, рыл землю, но участие мое кончилось в ночь со вторника на среду, и это я докажу показаниями свидетелей, и так как я был чернорабочим, то, конечно, я знал о подкопе, знал лиц, производящих его, и т. д.

Первоприс. А в Александровском?

Подс. Желябов. Моя роль там была такая: в Харькове были сделаны кое-какие подготовительные работы, но предприятие было решено не там, как показывает Гольденберг, а «Исполнительным Комитетом» 26 августа в Петербурге. Для этого решены были железнодорожные мероприятия от Симферополя на Харьков, от Харькова на север к Петербургу и на юго-западных железных дорогах. Выбор места и все остальные подробности плана не могли быть решены 26 августа, но распределение лиц было сделано тогда же. Я—южанин, знаю хорошо местные условия, и, по некоторым еще другим соображениям, я хотел действовать на юге и просил, чтобы мне отвели место в южных предприятиях. В них я и был участником. Так, в Александровском, когда оказалась невозможность нападений в Крыму, я осматривал железнодорожный путь от Симферополя, наметил пункт под Александровском, и из Харькова известил об этом «Исполнительный Комитет», спрашивая: могу-ли я рассчитывать на средства, а также и на участие. Мне отвечали, что участники есть и что я могу, не стесняясь средствами, начинать. Для цели организовать предприятие, я отправился в Харьков, где, кроме меня, находились Колоткевич и еще некоторые другие члены партии, о которых вы услышите на последующем суде. Мы должны были обсудить предприятие коллегиально. Письмо мое в Петербург было выражением не только моих личных предположений, но также и их. Ответ «Исполнительного Комитета» был обсужден нами также коллективно. Затем «Исполнительный Комитет» ассигновал средства, назначил агентов, и я с ними вместе, а также при содействии новых лиц, «Исполнительному Комитету» неизвестных и привлеченных на мой страх, таковы были Оклад-

ский и Яков Тихонов, отправились устраивать покушение под Александровском. До этих пор я в Александровске никогда не был.

По получении ответа от «Исполнительного Комитета», чтобы начинать, я приехал 1 октября в Александровск из Харькова. День был ярмарочный. В дознании есть показание свидетеля Сагайдака, который указывает обстоятельства моего приезда, но, вероятно, он не вызывался в суд, потому что это сведение не интересно, поэтому и я его не касаюсь, а скажу только, что, явившись в город с предположением устроить кожевенный либо мыловаренный завод, или макаронную фабрику, я делал это просто как предлог, в действительности же я приехал, чтобы зондировать почву. Из разговора со свидетелем я узнал, что кожевенный завод будет там уместен, и я на другой же день подал в управу заявление о желании устроить завод и просил об отводе под него земли на аренду. Об этом состоялось постановление городской думы. В промежуток этого времени я с'ездил в Харьков и вместе с остальными участниками, прибывшими туда, я устроился в квартире Бовенко. Это было 7 октября. Я выехал оттуда 23 октября, и за все это время вел подготовительные работы, и устройство кожевенного завода ничуть не прекращалось. Затем обстоятельства закладки мины под Александровском фактически изложены совершенно верно в обвинительном акте, и я также подтверждаю это... Может быть, для суда важно, чтобы я подтвердил, что утром 18 ноября, я, вместе с другими участниками, выехал на повозке к месту, где была заложена мина—это громаднейший овраг: по отвесу 11 сажен, по откосу больше; вот в этом месте было заложено два снаряда по такому расчету, чтобы они обхватывали целый поезд. Нам известно было, сколько вагонов должно быть в царском поезде, и обе эти мины захватывали собою поезд определенного количества вагонов. Итак, утром, 18 ноября, получив ранее извещение от Преснякова о том, что царский поезд выедет такого то числа, или, правильнее сказать, не получив извещения, так как, по предшествовавшему уговору, неполучение известия должно было означать, что изменений нет, т. е. что поезд выезжает в день, который был известен нам ранее,—это я указываю потому, что мне придется еще сказать, что Преснякова в Александровске не было. Так вот, 18 ноября, судя по признакам, мы не сомневались, что поезд проследует в определенный час, и мы стояли на месте, и хотя внешние признаки поезда заставляли сомневаться, чтобы это был поезд царский, тем не менее под поездом были сомкнуты батареи согласно тому, как изложено в обвинительном акте. Я замкнул

батарею, т. е., соединил токи, но взрыва не последовало. Оттуда мы отправились для кое-каких опытов, чтобы распознать причину невзрыва. Спустя некоторое время, мы вынули проводники, а снаряды оставили под рельсами, так как наши техники давали ручательства, что по меньшей мере, в продолжение двух лет, взрыва не последует. В то время начались уже заморозки, выпал снег, производить раскопку не было возможности, снаряды же могли нам пригодиться весной—по всему этому мы их и оставили. В обвинительном акте совершенно верно сказано, согласно показанию Бовенко, что раньше уехала моя хозяйка, затем другие участники, наконец 23 ноября, выехал и я из Александровска. Вот все мои отношения к александровскому предприятию. Больше я ничего не имею сказать».

Об'яснения Желябова, представленные им суду сената, проникнуты вполне определенной тенденцией. Желябов охотно и много говорит о себе и о партии вообще. Но, конечно, умалчивает о своих товарищах по делу. Предательство Рысакова поставило Желябова в чрезвычайно затруднительное положение. Все его усилия спасти Тимофея Михайлова, человека простого, совершенно неразвитого в политическом отношении, не приводили ни к чему. По отношению к Рысакову Желябов держится очень корректно и сдержанно, хотя, конечно, не может не сознавать с болью в сердце, что его ученик оказался его предателем.

Самым характерным местом в заявлении Желябова является его утверждение, что на призыв Исполнительного Комитета убить Александра II откликнулось 47 человек, причем 19 из них ставили условием совместное с опытным руководителем участие в деле покушения.

Конечно, это утверждение Желябова сделано только ради эффекта, ради поддержания престижа партии, ради внушения уважения к революционным силам. Но слишком ясно было по всему ходу дела, в силу предательства Рысакова и на основании всех вообще данных по 1-му марта 1881 года, что Желябов в партийных интересах принес в жертву истину.

Прокурор довольно мягко отнесся к этой явной фантазии и просто ответил Желябову, что цифра в 47 человек значительно преувеличена и что, в сущности, на призыв откликнулось всего четыре человека.

Любопытно отметить, что это заявление Желябова дало повод как Н. В. Муравьеву, так и многим ответственным руководителям политической борьбы с революцией утверждать, что никакой организации «Народной Воли», в сущности,

не было, что работал десяток человек, который весь целиком и был из'ят полицией. Директор департамента полиции П. Н. Дурново и по отношении к революционному движению начала XX века в России рекомендовал исключительно репрессии, ссылаясь на опыт по первому марта. Несомненно, что заявление Желябова имело весьма неблагоприятные последствия для партии.

Но мы обрисовали уже положение, в котором находился Желябов. Ему приходилось идти уже раз намеченным путем— к эшафоту. Предсмертная неправда, которую Желябов считал «во спасение» партии, была последним словесным «вспышкопускательством». Это досадная мелочь у такого умного человека, каким был Желябов. Но он был не аскетом-хранителем вечных истин, а, по его признанию, только «мирянином». Как мирянин, он и мог прегрешить у алтаря революционных богов.

Обвинительная речь.

Приводим отрывки из обвинительной речи Н. В. Муравьева, который с особой силой обрушился в этой речи именно на Желябова.

«Это не факт, это история. С глубоко-сердечною болью я вызываю это страшное воспоминание о цареубийстве, но я не могу сделать иначе по двум причинам: во-первых, потому, что из кровавого тумана, застилающего печальную святыню Екатерининского канала, выступают перед нами мрачные облики цареубийц, во-вторых... Но здесь меня останавливает на минуту смех Желябова. Тот веселый или иронический смех, который не оставлял его во время судебного следствия и который, вероятно, заставит его и потрясающую картину события 1 марта встретить глумлением. Но я вижу среди подсудимых людей, которые, каковы бы они ни были, всетаки не в таком настроении, как Желябов, и потому я решаюсь еще раз подвергнуть общую печаль его глумлению; я знаю, что так и быть должно: ведь, когда люди плачут—Желябовы смеются.

Здесь мне нужно несколько остановиться на роли подсудимого Желябова в самом заговоре. При этом я постараюсь приписать ему только то значение, которое он в действительности имел, только ту роль, которую в действительности исполнял, ни больше, ни меньше. Полагаю, что и этого, однако, и для суда, и для оценки деятельности Желябова будет совершенно достаточно.

«Роль моя в Петербурге, говорит Желябов, была, конечно, менее деятельна и важна, чем в провинции. Там я действовал

самостоятельно, а здесь под ближайшим контролем «Исполнительного Комитета»,—о котором так часто приходится говорить Желябову.—Я был только исполнителем указаний, и вот «Исполнительный Комитет», говорит он, решив совершение, в начале 1881 года, нового посягательства на цареубийство», поручил ему, Желябову, заняться ближайшей организацией этого предприятия, как любят выражаться подсудимые на своем особенном специфическом языке, или, другими словами, выражаясь языком Желябова, поручил ему учредить атаманство, атаманом которого и был подсудимый Желябов. В старые годы у нас называли атаманами людей, которые становились во главе разбойнических соединений. Я не знаю, это ли воспоминание, или другое, побудило к воспринятию этого звания, но, тем не менее, Желябов был атаманом и атаманство под его начальством образовалось. Выбрав лиц, достойных, годных, по его мнению, к участию в злодеянии, он составил им список и представил его на утверждение «Исполнительного Комитета». «Исполнительный Комитет», утвердив его, возвратил его Желябову, который, затем, привел постановление «Исполнительного Комитета» в исполнение. Было решено совершить злодеяние двумя способами, параллельно друг с другом идущими и имеющими тесную связь: подкопом на Малой Садовой и посредством метательных снарядов. Желябов и Кибальчич указывают на то, что между этими двумя способами не было тесной связи, что организаторы одного не были организаторами другого. Я полагаю, что это неосновательно. Все, что мы знаем о заговоре, что раскрыто показаниями самих подсудимых, говорит противное, и говорит, что оба эти способа были выбраны вместе и разработаны совместно, на случай, если не удастся один, то удастся другой. Таким образом, был составлен план.

Главное руководство по этому плану, утверждает Желябов, принадлежало не ему, а «Исполнительному Комитету», этому вездесущему, но невидимому таинственному соединению, которое держит в руках пружины заговора, которое двигает людьми, как марионетками, посылает их на смерть, переставляет их; одним словом, это душа всего дела. Но я позволяю себе высказать другое мнение и, рискуя подвергнуться недоверию и глумлению со стороны подсудимых, позволю просто усомниться в существовании «Исполнительного Комитета». Я знаю, что существует не один Желябов, а несколько Желябовых, может быть, десятки Желябовых, но я думаю, что данные судебного следствия дают мне право отрицать соединение этих Желябовых в нечто органическое, правильно устроенное, иерархическое

распределение, в нечто соединяющееся в учреждение. Я думаю, что «Исполнительный Комитет»,—это вожаки заговора, между собою согласившиеся и его исполняющие, и я сейчас укажу на некоторые данные, подтверждающие мое заключение. Обвиняемый Гольденберг в показаниях своих, изложенных в обвинительном акте, говоря об «Исполнительном Комитете», между прочим, об'ясняет, что «Исполнительным Комитетом» называлась наиболее деятельная городская группа социально-революционных деятелей, т. е. группа, а не учреждение. В № 3-м «Народной Воли», в передовой статье, имеется весьма характерная и весьма знаменательная оценка деятельности «Исполнительного Комитета» и указание на его необходимость, дающее ключ к разгадке. В этой статье, написанной в то время, когда удручающее сознание бессилия тяготело над партией, говорилось о том равнодушии, которое, к сожалению для всей партии, окружает ее со всех сторон, о том равнодушии, которое высказывается даже в том, что люди, принадлежащие к партии, не имеют никакой инициативы в деле, не проявляют никакой энергии, и заключается статья так: «Русскому человеку даже в социально-революционном деле нужно начальство, и без начальства он никак не может обойтись». И вот, для создания такого фиктивного начальства, которого никто не знает, которое, говорят, где то там, чуть не под землею, и появилась, мне кажется, эта фикция об «Исполнительном Комитете», как об определенном, правильно организованном подпольном учреждении. Я думаю также и потому, что если этот «Исполнительный Комитет» так правильно организован и руководил всем делом, то неужели, когда был арестован Желябов, организатор злодеяния, неужели у «Исполнительного Комитета» не нашлось более сильной руки, более сильного ума, более опытного революционера, чем Софья Перовская? Неужели слабым рукам женщины, хотя бы она была сожительницею Желябова, можно передавать такое дело, как преемство по исполнению злодеяния? Я полагаю, что если «Исполнительный Комитет» существует, организован и обладает такими большими средствами, то неужели пред самым совершением преступления нужно было бы прибегать к несчастным 50-ти рублям, полученным Рысаковым из конторы Громова, для средств партии, для фонда ее, за неимением такового.

Как бы то ни было, если условиться называть «Исполнительным Комитетом» соединение вожаков, я допускаю, что Комитет, а в составе его Желябов, занялся разработкой самого замысла. По словам Желябова, из всех боевых дружин, кото-

рых, по словам Желябова, было много, а я думаю одна, были вызваны добровольцы, и Желябов кликнул клич. На этот клич отозвалось 47 человек, из которых 19 человек шли условно, только в том случае, если на месте совершения преступления их будут сопровождать люди опытные, с революционным прошлым, а 28—шли без всяких условий. Таким образом, Желябов имел пред собою выбор. Но, по словам Рысакова, дело было несколько иначе, и совершение злодеяния было, просто-напросто, предложено рабочей дружине, из которой вышли Рысаков, Тимофей Михайлов, «Михаил Иванович», к этой дружине принадлежащие. По словам Рысакова, на клик Желябова отозвалось не 47 человек, а всего-на-всего 4 человека, те самые, которые, вооруженные метательными снарядами, были расставлены близ Малой Садовой по известным пунктам.

Характеристика Желябова.

...Затем, я, прямо от Рысакова, от ученика, перехожу к учителю. Если я бы захотел охарактеризовать личность подсудимого Желябова так, как она выступает из дела, из его показаний, из всего того, что мы видели и слышали здесь о нем на суде, то я прямо сказал бы, что это необычайно типический конспиратор, притом заботящийся о цельности и сохранении типа, о том, чтобы все: жесты, мимика, движение, мысль, слово—все было конспиративное, все было социально-революционное. Это тип агитатора, тип, не чуждый театральных эффектов, желающий до последней минуты драпироваться в свою конспиративную тогу. В уме, бойкости, ловкости—подсудимому Желябову, несомненно, отказать нельзя. Конечно, мы не последуем за умершим Гольденбергом, который в своем увлечении называл Желябова личностью высоко развитою и гениальною. Мы, согласно желанию Желябова, не будем преувеличивать его значение, дадим ему надлежащее место, но, вместе с тем, отдадим ему и справедливость, сказав, что он был создан для роли вожака—злодея в настоящем деле: Желябов происхождения крестьянского, южанин; вышедший из крестьянства, сам себе прокладывающий дорогу, он учится, доходит до университета. Я должен оговориться: в жизни Желябова есть большие пробелы, которые, конечно, придется проходить молчанием, но логическая связь мысли, цельность представления о действительной личности Желябова от этого нисколько не теряет. В 1872 г. мы видим его уже исключенного из числа студентов университета за беспорядки—факт знаменательный: направление подсудимого определилось, а последующее показывает, что

исключение из университета было более чем правильно. Мы видим Желябова исключенным 21 года, и затем, с этого момента, он исчезает, пропадая в море агитации—оно покрывает его совсем; только чрез известные промежутки времени он появляется местами на поверхности этого моря то под одним именем, то под другим, так что на вопрос о занятиях он действительно имеет право отвечать: «занимаюсь революционными делами». В течение девяти лет продолжается агитационная деятельность подсудимого. Проживая в разных местностях, под разными именами и с подложными паспортами, он заботится и думает об одном—служить интересам социально-революционного движения; когда совершилось его вступление в партию—это для нас безразлично. Вероятно, оно наступило одновременно с тем моментом, когда партия сложилась в тайное сообщество с его настоящими целями; как только появились террористы—в числе их оказался подсудимый Желябов. Что остается за ним в прошедшем—мы не знаем, нам лишь известно, что дома у него брошенная жена и дети, что процесс 193-х застает его на скамье подсудимых пред особым присутствием. Из суда Желябов выходит оправданный по недостатку уличающих его фактов, выходит и исчезает. Проходит много времени—с 1877 по 1879 год, но уже Липецкий с'езд, летом 1879 г., в числе наиболее влиятельных членов своих видит и Желябова. Прямо со с'езда он отправляется в Харьков и здесь в сентябре 1879 г. руководит сходками, происходящими между молодежью, на них читает лекции, произносит речи известного содержания и участвует в составлении планов будущих действий. Смысл же и революционное значение этих действий определяются присланным в Харьков из Петербурга динамитом. В ноябре 1879 г. устраивается взрыв полотна железной дороги близ города Александровска, и день неудавшегося взрыва, 18-е ноября 1879 г., застает Желябова не только в рядах первых бойцов цареубийства, но и непосредственным организатором предпринимаемых с этой целью злодейских приготовлений.

Я не буду в подробностях излагать обстоятельства александровского покушения; они весьма подробно изложены в обвинительном акте, фактическую часть которого, за исключением немногих подробностей, не имеющих особенного значения, подтвердил сам подсудимый Желябов; я только в нескольких словах напомню, что в Александровск Желябов приехал под именем Черемисова; тут присоединилась к нему неизвестная женщина, под видом жены его; они взяли в аренду место для кожевенного завода и поселились у некиих Бовенко с другими

участниками преступления. Вы, конечно, помните и обвинительный акт, помните и картину, нарисованную самим Желябовым, помните эту телегу в степи, на которой помещалась батарея для взрыва снаряда, заложенного с тяжким трудом под линию железной дороги, помните проход императорского поезда, о приближении которого Пресняков заранее оповестил своих участников, помните, наконец, этот характерный сигнал одного из злодеев: «жарь», по которому должен был произойти взрыв. В 1880 г. мы находим Желябова в Петербурге, в качестве агента «Исполнительного Комитета». Агенты «Исполнительного Комитета», как нам было заявлено, распределяются на несколько степеней: есть агенты первой, второй и третьей степени; Желябов называет себя агентом третьей степени, агентом, ближайшим к Комитету, агентом с большим доверием. Но я полагаю, что со стороны Желябова это излишняя скромность и что если существует соединение, присваивающее себе название «Исполнительного Комитета», то в рядах этого соединения почетное место принадлежит подсудимому Желябову, и не напрасно думал Рысаков, что совершение злодеяния 1 марта примет на себя один из членов «Исполнительного Комитета». Понятно, впрочем, что сознаться в принадлежности к «Исполнительному Комитету», значит сказать: вы имеете пред собою деятеля первого ранга и вашим приговором вы исключите из революционного ряда крупную силу, одного из самых видных сподвижников партии.

В обвинительный акт внесено заявление подсудимого Желябова, поданное им на имя прокурора судебной палаты; сущность этого заявления заключается в том, что когда возникло настоящее дело и когда, 1 марта,—а заявление это было послано 2 марта,—показанием Рысакова выяснилось, что обвинение должно падать и на Желябова, то Желябов, не зная еще об этом указании, но, зная за собой динамит, оказавшийся у него на квартире, прямо заявляет, что он участник всякого покушения на жизнь государя императора, следовательно и участник последнего, что он просит присоединить его к делу 1 марта и что было бы вопиющей несправедливостью не привлекать к делу его, ветерана революции. Эта справедливость Желябову оказана. Таким образом он прямо признал себя нравственным, первым и главным ответчиком. На суде и во время предварительного исследования дела в показаниях Желябова, содержание которых помещено в обвинительном акте, заметна одна черта, на которую я уже указывал, эта черта—желание представить свое дело в преувеличенном свете, желание его расширить,

желание придать организации характер, которого она не имела, желание, скажу прямо, порисоваться значением партии и отчасти попробовать запугать. Но ни первое, ни второе не удается подсудимому. Белыми нитками сшиты все эти заявления о революционном геройстве; суд видит чрез них насквозь неприглядную истину, и совсем не в таком свете предстанет Желябов в воспоминаниях, которые останутся от настоящего грустного дела... Когда я составлял себе, на основании данных дела, общее мнение, общее впечатление о Желябове, он представлялся мне человеком, весьма много заботящимся о внешней стороне, о внешности своего положения. Когда же на суде, с напускною гордостью он сказал, что пользуется доверием «Исполнительного Комитета», я вполне убедился, что мы имеем пред собой тип революционного честолюбца»...

Речь Желябова.

Защитительная речь Желябова, не пожелавшего иметь защитника:

«Гг. судьи, дело всякого убежденного деятеля дороже ему жизни. Дело наше здесь было представлено в более извращенном виде, чем наши личные свойства. На нас, подсудимых, лежит обязанность, по возможности, представить цель и средства партии в настоящем их виде. Обвинительная речь, на мой взгляд, сущность наших целей и средств изложила совершенно неточно. Ссылаясь на те же самые документы и вещественные доказательства, на которых г. прокурор обосновывает обвинительную речь, я постараюсь это доказать. Программа рабочих послужила основанием для г. прокурора утверждать, что мы не признаем государственного строя, что мы безбожники и т. д. Ссылаясь на точный текст этой программы рабочих, говорю, *что мы—государственники, не анархисты. Анархисты—это старое обвинение. Мы признаем, что правительство всегда будет, что государственность неизбежно должна существовать, поскольку будут существовать общие интересы.* Я, впрочем, желаю знать вперед, могу ли я касаться принципиальной стороны дела или нет.

Первоприс. Нет. Вы имеете только предоставленное вам законом право оспаривать те фактические данные, которые прокурорскою властью выставлены против вас и которые вы признаете неточным и неверными.

Желябов. Итак, я буду разбирать по пунктам обвинение. Мы не анархисты, мы стоим за принцип федерального устройства государства, а как средства для достижения такого

строя—мы рекомендуем очень определенные учреждения. Можно-ли нас считать анархистами? Далее, мы критикуем существующий экономический строй и утверждаем...

Первоприс. Я должен вас остановить. Пользуясь правом возражать против обвинения, вы излагаете теоретические воззрения. Я заявляю вам, что особое присутствие будет иметь в виду все те сочинения, брошюры и издания, на которые стороны указывали; но выслушивание теоретических рассуждений о достоинствах того или другого государственного и экономического строя оно не считает своею обязанностью, полагая, что не в этом состоит задача суда.

Желябов. Я в своем заявлении говорил и от прокурора слышал, что наше преступление—событие 1 марта нужно рассматривать как событие историческое, что это не факт, а история. И совершенно верно... Я совершенно согласен с прокурором и думаю, что всякий согласится, что этот факт нельзя рассматривать особняком, а его нужно рассматривать в связи с другими фактами, в которых проявилась деятельность партии.

Первоприс. Злодеяние 1 марта—факт, действительно принадлежащий истории, но суд не может заниматься оценкой ужасного события с этой стороны; нам необходимо знать ваше личное в нем участие, поэтому о вашем к нему отношении, и только о вашем, можете вы давать об'яснения.

Желябов. Обвинитель делает ответственными за событие 1 марта не только наличных подсудимых, но и всю партию, и считает самое событие логически вытекающим из целей и средств, о каких партия заявляла в своих печатных органах.

Первоприс. Вот тут-то вы и вступаете на ошибочный путь, на что я вам указывал. Вы имеете право об'яснить свое участие в злодеянии 1 марта, а вы стремитесь к тому, чтобы войти в об'яснение отношения к этому злодеянию партии. Не забудьте, что вы собственно не представляете для особого присутствия лицо, уполномоченное говорить за партию, и эта партия для особого присутствия, при обсуждении вопроса о вашей виновности, представляется несуществующею. Я должен ограничить вашу защиту теми пределами, которые указаны для этого в законе, т. е. пределами фактического и вашего нравственного участия в данном событии, и только вашего. В виду того, однако, что прокурорская власть обрисовала партию, вы имеете право об'яснить суду, что ваше отношение к известным вопросам было иное, чем указанное обвинением отношение партии. В этом я вам не откажу, но, выслушав вас, я буду следить за тем, чтобы заседание особого присутствия не сделалось местом для

теоретических вопросов политического свойства, чтобы на обсуждение особого присутствия не предлагались обстоятельства, прямо к настоящему делу не относящиеся, и главное, чтобы не было сказано ничего такого, что нарушает уважение к закону, властям и религии. Эта обязанность лежит на мне, как на председателе,—я исполню ее.

Желябов. Первоначальный план защиты был совершенно не тот, которого я теперь держусь. Я полагал быть кратким и сказать только несколько слов. Но, в виду того, что прокурор пять часов употребил на извращение того самого вопроса, который я уже считал выясненным, мне приходится считаться с этим фактом, и я полагаю, что защита в тех рамках, какие вы мне теперь определяете, не может пользоваться тою свободою, какая была предоставлена раньше прокурору.

Первоприс. Такое положение создано вам существом пред'явленного вам обвинения и характером того преступления, в котором вы обвиняетесь. Настолько, однако, насколько представляется вам возможность, не нарушая уважения к закону и существующему порядку, пользоваться свободой, вы можете ею воспользоваться.

Желябов. Чтобы не выйти из рамок, вами определенных, и, вместе с тем, не оставить свое дело не обороненным, я должен остановиться на тех вещественных доказательствах, на которые здесь ссылался прокурор, а именно на разные брошюры, например, на брошюру Морозова и литографированную рукопись, имевшуюся у меня. Прокурор ссылается на эти вещественные доказательства. На каком основании? Во 1-х, литографированная программа социалистов-федералистов найдена у меня. Но ведь все эти вещественные доказательства находятся в данный момент у прокурора. Имею-ли я основание и право сказать, что они суть плоды его убеждения, поэтому у него и находятся? Неужели один лишь факт нахождения литографированной программы у меня свидетельствует о том, что это—мое собственное убеждение? Во 2-х, Николай Морозов написал брошюру. Я ее не читал; сущность ее я знаю; к ней, как партия, мы относимся отрицательно и просили эмигрантов не пускаться в суждения о задаче русской социально-революционной партии, пока они за границей, пока они беспочвенники. Нас делают ответственными за взгляды Морозова, служащие отголоском прежнего направления, когда действительно некоторые из членов партии, узко смотревшие на вещи, в роде Гольденберга, полагали, что вся наша задача состоит в расчищении пути чрез частые политические убийства. Для нас, в настоящее время, отдельные террористические факты

занимают только одно из мест в ряду других задач, намечаемых ходом русской жизни. Я тоже имею право сказать, что я русский человек, как сказал о себе прокурор. (В публике движение, ропот негодования и шиканье. Желябов на несколько мгновений останавливается. Затем продолжает). Я говорил о целях партии. Теперь я скажу о средствах. Я желал бы предпослать прежде маленький исторический очерк, следуя тому пути, которым шел прокурор. Всякое общественное явление должно быть познаваемо по его причинам, и чем сложнее и серьезнее общественное явление, тем взгляд на прошлое должен быть глубже. Чтобы понять ту форму революционной борьбы, к какой прибегает партия в настоящее время, нужно познать это настоящее в прошедшем партии, а это прошедшее имеется; немногочисленно оно годами, но очень богато опытом. Если вы, г.г. судьи, взглянете в отчеты о политических процессах, в эту открытую книгу бытия, то вы увидите, что русские народолюбцы не всегда действовали метательными снарядами, что в нашей деятельности была юность, розовая, мечтательная, и если она прошла, то не мы тому виною.

Первоприс. Подсудимый, вы выходите из тех рамок, которые я указал. Говорите только о своем отношении к делу.

Желябов. Я возвращаюсь. Итак, мы, переиспытав разные способы действовать на пользу народа, в начале 70-х годов избрали одно из средств, именно положение рабочего человека, с целью мирной пропаганды социалистических идей. Движение крайне безобидное по средствам своим, и чем оно окончилось? Оно разбилось исключительно о многочисленные преграды, которые встретило в лице тюрем и ссылок. Движение совершенно бескровное, отвергавшее насилие, не революционное, а мирное, было подавлено. Я принимал участие в этом самом движении, и это участие поставлено мне прокурором в вину. Я желаю выяснить характер движения, за которое несу в настоящее время ответ. Это имеет прямое отношение к моей защите.

Первоприс. Но вы были тогда оправданы.

Желябов. Тем не менее, прокурор ссылается на привлечение мое к процессу 193-х.

Первоприс. Говорите в таком случае только о фактах, прямо относящихся к делу.

Желябов. Я хочу сказать, что в 1873 г., 1874 и 1875 г.г. я еще не был революционером, как определяет прокурор, так как моя задача была работать на пользу народа, ведя пропаганду социалистических идей. Я насилия в то время не признавал, политики касался весьма мало, а товарищи—еще меньше. В

1874 г. в государственных воззрениях мы в то время были действительно анархистами. Я хочу подтвердить слова прокурора. В речи его есть много верного. Но верность такова: в отдельности, взятое частичками—правда, но правда, взятая из разных периодов времени, и затем составлена из нее комбинация совершенно произвольная, от которой остается только один кровавый туман...

Первоприс. Это по отношению к вам?

Желябов. По отношению ко мне... Я говорю, что все мои желания были действовать мирным путем в народе, тем не менее, я очутился в тюрьме, где и революционизировался. Я перехожу ко второму периоду социалистического движения. Этот период начинается... Но, по всей вероятности, я должен буду отказаться от мысли принципиальной защиты и, вероятно, закончу речь просьбою к первоприсутствующему такого содержания: чтобы речь прокурора была отпечатана с точностью. Таким образом, она будет отдана на суд общественный и суд Европы. Теперь я сделаю еще попытку. Непродолжительный период нахождения нашего в народе показал всю книжность, все доктринерство наших стремлений, а с другой стороны убедил, что в народном сознании есть много такого, чего следует держаться, на чем до поры до времени следует остановиться. Считая, что при тех препятствиях, какие ставило правительство, невозможно провести в народное сознание социалистические идеалы целостью, социалисты перешли к народникам... Мы решились действовать во имя сознанных народом интересов уже не во имя чистой доктрины, а на почве интересов, присущих народной жизни, им сознаваемых. Это отличительная черта народничества. Из мечтателей-метафизиков оно перешло в позитивизм и держалось почвы—это основная черта народничества. Дальше. Таким образом изменился характер нашей деятельности, а вместе с тем и средства борьбы,—пришлось от слова перейти к делу. Вместо пропаганды социалистических идей выступает на первый план агитационное возбуждение народа во имя интересов, присущих его сознанию. Вместо мирного слова мы сочли нужным перейти к фактической борьбе. Эта борьба всегда соответствует количеству накопленных сил. Прежде всего ее решились пробовать на мелких фактах. Так дело шло до 1878 г. В 1878 г. впервые, насколько мне известно, явилась мысль о борьбе более радикальной, явились помыслы рассечь Гордиев узел, так что событие 1 марта по замыслу нужно отнести прямо к зиме 1877—1878 г.г. В этом отношении 1878 г. был переходный, что видно из документов, напр., брошюры: «Смерть за смерть». Партия не уяснила еще себе вполне значения политического строя в

судьбах русского народа, и хотя все условия наталкивали ее на борьбу с политическою системою...

Первоприс. Вы опять говорите о партии...

Желябов. Я принимал участие в ней...

Первоприс. Говорите только о себе.

Желябов. Все толкало меня, в том числе, на борьбу с правительственною системою. Тем не менее, я еще летом 1878 г. находился в деревне, действуя в народе. В зиму 1878—79 г. положение вещей было совершенно безвыходное, и весна 1879 г. была проведена мною на юге в заботах, относившихся прямо к этого рода предприятиям. Я знал, что в других местах товарищи озабочены тем же, в особенности на севере, что на севере этот вопрос даже породил раскол в тайном обществе, в организации «Земли и Воли», что часть этой организации ставит себе именно те задачи, как и я с некоторыми товарищами на юге. Отсюда естественно сближение, которое перешло на Липецком с'езде в слияние. Тогда северяне, а затем часть южан, собравшись в лице своих представителей на с'езде, определили новое направление. Решения Липецкого с'езда были вовсе не так узки, как здесь излагалось в обвинительной речи. Основные положения новой программы были таковы: политический строй...

Первоприс. Подсудимый, я решительно лишу вас слова, потому что вы не хотите следовать моим указаниям. Вы постоянно впадаете в изложение истории.

Желябов. Я обвиняюсь за участие на Липецком с'езде...

Первоприс. Нет, вы обвиняетесь в совершении покушения под Александровском, которое, как об'ясняет обвинительная власть, составляет последствие Липецкого с'езда.

Желябов. Если только я обвиняюсь в событии 1 марта и затем в покушении под Александровском, то в таком случае моя защита сводится к заявлению: «да», так как фактически это подтверждено. Голое признание факта не есть защита...

Первоприс. Отношение вашей воли к этому факту.

Желябов. Я полагаю, что уяснение того пути, каким развивалось мое сознание, идея, вложенная в это предприятие...

Первоприс. Об'яснение ваших убеждений, вашего личного отношения к этим фактам я допускаю. Но об'яснения убеждений и взглядов партии не допущу.

Желябов. Я этой рамки не понимаю.

Первоприс. Я прошу вас говорить о себе, о своем личном отношении к факту, как физическом, так и нравственном, об участии вашей воли, о ваших действиях.

Желябов. На эти вопросы кратко я отвечал в начале судебного заседания. Если теперь будет мне предоставлено говорить только так же кратко, зачем тогда повторяться и обременять внимание суда...

Первоприс. Если вы более ничего прибавить не имеете...

Желябов. Я думаю, что я вам сообщил скелет. Теперь-же желал-бы я изложить душу.

Первоприс. Вашу душу, но не душу партии.

—Да, мою. Я участвовал на Липецком с'езде. Решения этого с'езда определили ряд событий, в которых я принимал участие и за участие в которых я состою в настоящее время на скамье подсудимых. Поскольку я принимал участие в этих решениях, я имею право касаться их. Я говорю, что намечена была задача не такая узкая, как говорит прокурор: повторение покушений, и, в случае неудачи, совершение удачного покушения во чтобы то ни стало. Задачи, на Липецком с'езде поставленные, были вовсе не так узки. Основное положение было такое, что социально-революционная партия—и я в том числе, это мое убеждение—должна уделить часть своих сил на политическую борьбу. Намечен был и практический путь: это путь насильственного переворота путем заговора, и для этого организация революционных сил в самом широком смысле. До тех пор я лично не видел надобности в крепкой организации. В числе прочих социалистов я считал возможным действовать, опираясь по преимуществу на личную инициативу, на личную предприимчивость, на личное уменье. Оно и понятно. Задача была такова: уяснить сознание возможно большего числа лиц, среди которых живешь: организованность была нужна только для получения таких средств, как книжки, и доставка их из-заграницы, печатание их в России было также организовано. Все дальнейшее не требовало особой организованности. Но раз была поставлена задача насильственного переворота, задача, требующая громадных организованных сил, мы, и я между прочим, озаботились созиданием этой организации в гораздо большей степени, чем покушения. После Липецкого с'езда, при таком взгляде на необходимость организации, я присоединился к организации, в центре которой стал Исполнительный Комитет, и содействовал расширению этой организации: в его духе я старался вызвать к жизни организацию единую, централизованную, состоящую из кружков автономных, но действующих по одному общему плану, в интересах одной общей цели. Я буду резюмировать сказанное. Моя личная задача, цель моей жизни было служить общему благу. Долгое время я работал для этой цели путем мир-

ным и только затем был вынужден перейти к насилию. По своим убеждениям я оставил бы эту форму борьбы насильственной, если-бы только явилась возможность борьбы мирной, т. е. мирной пропаганды своих идей, мирной организации своих сторонников. В своем последнем слове, во избежание всяких недоразумений, я сказал-бы еще следующее: мирный путь возможен: от террористической деятельности я, например, отказался-бы, если-бы изменились внешние условия...

Первоприс. Более ничего не имеете сказать в свою защиту?

Желябов. В защиту свою ничего не имею. Но я должен сделать маленькую поправку к тем замечаниям, которые я делал во время судебного следствия. Я позволил себе увлечься чувством справедливости, обратил внимание гг. судей на участие Тимофея Михайлова во всех этих делах, именно—что он не имел никакого отношения ни к метательным снарядам, ни к подкопу на Малой Садовой. Я теперь почти убежден, что, предупреждая г.г. судей от возможности поступить ошибочно по отношению к Михайлову, я повредил Тимофею Михайлову, и если-бы мне вторично пришлось участвовать на судебном следствии, то я воздержался-бы от такого заявления, видя, что прокурор и мы, подсудимые, взаимно своих нравственных побуждений не понимаем».

В последнем слове Желябов сказал:

«Я имею сказать только одно: на дознании я был очень краток, зная, что показания, данные на дознании, служат лишь целям прокуратуры, а теперь я сожалею и о том, что говорил здесь на суде. Больше ничего».

Защитительная речь Желябова,—это формальное наименование идет к ней весьма мало: это была не защита, а нападение,—речь Желябова представляет собою не только важный материал для суждения о личности Желябова, но и материал для оценки исторических судеб революционного движения в России.

Личное признание Желябова является признанием от лица партии, от лица громадного идейного движения русской жизни. В речи Желябова проходят многие этапы освободительного движения. Мирная социалистическая пропаганда в народе и резкое столкновение на этой почве с правовыми условиями русской жизни. Отсюда движение, имевшее своим первоисточником бакунинский анархизм, начинает приобретать характер течения государственного. Поэтому, с одной стороны, выдвигается мысль о правовом укладе, о конституции, которую отвергало анархи-

ческое течение, а с другой стороны—ставится на очередь вопрос о политическом ответе на политические выступления правительства против революционеров. Начинается период бесформенной, не возведенной еще в систему террористической борьбы.

Желябов делает здесь чрезвычайно интересное признание, что он и до Липецкого с'езда задумывался над вопросами террористическими, что он лично уже сам подходил к положительному решению вопроса о цареубийстве. Раскол в «Земле и Воле» по этому вопросу был хорошо известен южанам, которые склонялись в сторону решительных действий.

Желябов в начале 1879 года, значит, до Липецкого с'езда, был озабочен, по его словам, такими террористическими планами совместно со своими товарищами.

К сожалению, у нас нет решительно никаких данных для того, чтобы установить в фактических подробностях эти планы и мероприятия Желябова и его товарищей на юге. По крайней мере, в воспоминаниях и иных материалах мы не встречали указаний подобного рода. Согласие же Желябова на цареубийство, данное им Фроленке пред Липецким с'ездом, носило относительный характер...

Но как бы то ни было, Желябов правильно утверждает, что путь цареубийства был решен в период с 1877 по 1878 год. «Юность розовая и мечтательная» прошла; наступили суровые дни трезвой оценки положения, и явился террор.

Но, по признанию Желябова, только в первый период террору приписывалось всеоб'емлющее значение универсального средства. По мере развития террористических актов и открывшейся возможности,—так надо толковать слова Желябова—учитывать его общественно-политический удельный вес по последствиям,—универсализм террора сам собою пал. Партия начала верить в то, что «террористические факты должны занимать одно из мест в ряду других задач, намечаемых ходом русской жизни». Другими словами, Желябов и на суде подтвердил свое старое убеждение, что революция должна быть общенародным, общенациональным делом...

И ценно признание Желябова, что он предпочитает мирный путь действий и политической борьбы. С этого мирного пути Желябов не сошел бы, если бы политические репрессии власти не загнали бы мирных социалистов в тупик, откуда не было никакого выхода, кроме как насильственным путем.

Можно-ли заподозрить Желябова в неискренности? Таким ли он был, действительно, сторонником мирного развития и мирной пропаганды?

Несомненно—да. Он шел вместе со временем. А мы знаем, что и путь насилия, и путь политической деятельности вообще отвергался временем и обстоятельствами, пока жизнь не поставила на очередь этого вопроса в самой резкой форме. Желябов был, действительно, противником насильственных методов действия. Чтобы вступить в кружок Волховского, который еще, в сущности, был далек от революционно-насильственных методов борьбы, Желябову надо было много передумать и перемучиться. Естественно, что и к террору он подошел путем долгих дум и переживаний.

А как государственно настроенный и при том широкий человек, он естественно не мог замкнуться в обожествлении террора и преклонении ему, как единственному всеспасающему средству. Если он более чем кто-либо содействовал под'ему террора в России на невероятную высоту, то он же и вносил в его оценку самую здравую рассудочность, далеко не всем революционерам свойственную.

Во всяком случае речь Желябова на суде является одним из примечательнейших документов революционного прошлого России и в ней надо искать ключа к пониманию многих явлений в истории освободительной борьбы семидесятых годов.

Вопросы суду сената и ответы.

1. Виновен-ли крестьянин Таврической губернии, Феодосийского уезда, Петровской волости, деревни Николаевки, Андрей Иванов Желябов, 30 лет, в том, что принадлежал к тайному сообществу, имевшему целью ниспровергнуть, посредством насильственного переворота, существующий в империи государственный и общественный строй и предпринявшему для достижения этой цели ряд посягательств на жизнь священной особы его императорского величества государя императора Александра Николаевича, убийств и покушений на убийство должностных лиц и вооруженных сопротивлений законным властям?

Отв. «Да, виновен».

9. Виновен-ли подсудимый Андрей Желябов в том, что, принадлежа к упомянутому в первом вопросе сообществу и умыслив посягательство на жизнь государя императора Александра Николаевича, согласил на него Рысакова и других лиц, приготовительными действиями которых руководил до своего ареста 27 февраля 1881 г., сводя их между собою на особо предназначенных для подобных сходок квартирах, для совещаний об означенном злодеянии?

Отв. «Да, виновен».

14. Виновен-ли подсудимый Андрей Желябов в том, что, принадлежа к упомянутому сообществу и действуя в его целях, согласился с другими лицами лишить жизни государя императора Александра Николаевича, для чего принимал непосредственно участие в земляных работах по устройству подкопа, окончательно устроенного и проведенного из подвальной лавки в дом графа Менгдена, по Малой Садовой улице, со снарядом для взрыва полотна улицы при проезде государя императора Александра Николаевича?

Отв. «Да, виновен».

20. Виновен-ли подсудимый Андрей Желябов в том, что, принадлежа к тому-же названному преступному сообществу, 18 ноября 1879 г. близ гор. Александровска, Екатеринославской губернии, вместе с другими лицами, с целью лишить жизни государя императора Александра Николаевича устроил под полотном железной дороги мину для взорвания динамитом поезда, в котором изволил находиться его императорское величество, и при проходе означенного поезда сомкнул проведенные чрез мину проводники гальванического тока, причем, однако же, по обстоятельствам, не зависящим от подсудимого Желябова, взрыва не последовало?

Отв. «Да, виновен».

Особое присутствие правительствующего сената приговорило Желябова к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение в пятницу, 3 апреля 1881 г., в 9 ч. 50 м. утра. Заимствуем из официального отчета о казни данные, касающиеся Желябова.

«Накануне казни в дом предварительного заключения прибыло для увещаний осужденных пять священников. Желябов отказался принять священника. Он написал письмо родным, потом разделся и лег спать в исходе одиннадцатого часа ночи.

В 6 часов утра всех преступников, за исключением Геси Гельфман, разбудили. Им предложили чай. После чая их по одиночке призывали в управление дома предварительного заключения, где, в особой комнате, переодевали в казенную одежду: белье, серые штаны, полушубки, поверх которых арестантский черный армяк, сапоги и фуражку с наушниками. На Перовскую надели платье тиковое с мелкими полосками, полушубок и также черную арестантскую шинель.

Как только оканчивалось переодеванье, их выводили на двор. На дворе стояли уже две позорные колесницы. Палач Фролов, с своим помощником из тюремного замка, усаживал

их на колесницу. Руки, ноги и туловище преступника прикреплялись ремнями к сиденью.

В 7 часов 50 минут ворота, выходящие из дома предварительного заключения на Шпалерную улицу, отворились, и, спустя несколько минут, из них выехала первая позорная колесница, запряженная парою лошадей. На ней, с привязанными к сиденью руками, помещались два преступника: Желябов и Рысаков. Они были в черных, солдатского сукна, арестантских шинелях и таких же шапках, без козырьков. На груди у каждого висела черная доска, с белою надписью: «цареубийца». Юный Рысаков, ученик Желябова, казался очень взволнованным и чрезвычайно бледным. Очутившись на Шпалерной улице, он окинул взором части сосредоточенных войск и массу народа и поник головою. Не бодрее казался и учитель его, Желябов. Кто был на суде и видел его там бравирующим, тот, конечно, с трудом узнал бы этого вожака цареубийц—так он изменился. Впрочем, этому отчасти способствовала перемена костюма, но только отчасти. Желябов как тут, так и во всю дорогу не смотрел на своего соседа, Рысакова, и видимо избегал его взглядов.

Высокие колесницы, тяжело громыхая по мостовым, производили тяжелое впечатление своим видом. Преступники сидели сажени две над мостовою, тяжело покачиваясь на каждом ухабе. Позорные колесницы были окружены войсками. Улицы, по которым везли преступников, были полны народом.

Этому отчасти способствовали как поздний час казни, так и теплая весенняя погода. Начиная с восьми часов утра солнце ярко обливало своими лучами громадный Семеновский плац, покрытый еще снегом с большими тающими местами и лужами. Несметное число зрителей обоего пола и всех сословий наполняло обширное место казни, толпясь тесною, непроницаемою стеною за шпалерами войск. На плацу господствовала замечательная тишина. Плац был местами окружен цепью казаков и кавалерии. Ближе к эшафоту были расположены в квадрате сперва конные жандармы и казаки, а ближе к эшафоту, на расстоянии двух-трех сажен от виселицы, пехота лейб-гвардии Измайловского полка.

Колесницы с осужденными прибыли на плац в 8 часов 50 минут. При появлении на плац преступников, под сильным конвоем казаков и жандармов, густая толпа народа заметно заколыхалась. Послышался глухой и продолжительный гул, который прекратился лишь тогда, когда две позорные колесницы под'ехали к самому эшафоту и остановились, одна за другой,

между подмостками, где была сооружена виселица, и платформой, на которой находились власти. Несколько ранее прибытия преступников под'ехали к эшафоту кареты с пятью священниками.

По прибытии колесниц, власти и члены прокуратуры заняли свои места на платформе. Когда колесницы остановились, палач Фролов влез на первую колесницу, где сидели вместе рядом связанные Желябов и Рысаков. Отвязав сперва Желябова, потом Рысакова, помощники палача ввели их под руки по ступенькам на эшафот, где поставили рядом. Тем же порядком были сняты со второй колесницы Кибальчич, Перовская и Михайлов и введены на эшафот. К трем позорным столбам были поставлены Желябов, Перовская и Михайлов; Рысаков и Кибальчич остались стоять крайними близ перил эшафота, рядом с другими цареубийцами. Осужденные преступники казались довольно спокойными, особенно Перовская, Кибальчич и Желябов, менее—Рысаков и Михайлов: они были смертельно бледны. Невозмутимое спокойствие и душевная покорность отражались на лице Кибальчича. Желябов казался нервным, шевелил руками и часто поворачивал голову в сторону Перовской, стоя рядом с нею, и раза два к Рысакову, находясь между первой и вторым. На спокойном желтовато-бледном лице Перовской блуждал легкий румянец; когда она под'ехала к эшафоту, глаза ее блуждали, лихорадочно скользя по толпе и тогда, когда она, не шевеля ни одним мускулом лица, пристально глядела на платформу, стоя у позорного столба. Когда Рысакова подвели ближе к эшафоту, он обернулся лицом к виселице и сделал неприятную гримасу, которая искривила на мгновенье его широкий рот. Светло-рыжеватые, длинные волосы преступника развевались по его широкому полному лицу, выбиваясь из-под плоской черной арестантской шапки. Все преступники были одеты в длинные арестантские черные халаты.

Во время восхождения на эшафот преступников толпа безмолвствовала, ожидая с напряжением совершения казни.

Вскоре после того, как преступники были привязаны к позорным столбам, раздалась военная команда «на караул», после чего градоначальник известил прокурора судебной палаты, г. Плеве, что все готово к совершению последнего акта земного правосудия.

Палач и его два помощника остались на эшафоте, стоя у перил, пока обер-секретарь Попов читал приговор. Чтение краткого приговора продолжалось несколько минут. Все присутствующие обнажили головы. По прочтении приговора, забили мелкою дробью барабаны: барабанщики разместились в две

линии перед эшафотом, лицом к присужденным, образовав живую стену между эшафотом и платформою, на которой стоял прокурор, градоначальник и другие должностные лица. Во время чтения приговора взоры всех преступников были обращены на г. Попова, ясно прочитавшего приговор. Легкая улыбка отразилась на лице Желябова, когда, по окончании чтения приговора, палач подошел к Кибальчичу, давая дорогу священникам, которые, в полном облачении, с крестами в руках,взошли на эшафот. Осужденные почти одновременно подошли к священникам и поцеловали крест, после чего они были отведены палачами, каждый к своей веревке. Священники, осенив осужденных крестным знамением, сошли с эшафота. Когда один из священников дал Желябову поцеловать крест и осенил его крестным знамением, Желябов что-то шепнул священнику, поцеловав горячо крест, тряхнул головою и улыбнулся.

Бодрость не покидала Желябова, Перовской, а особенно Кибальчича до минуты надевания белого савана с башлыком. До этой процедуры Желябов и Михайлов, приблизившись на шаг к Перовской, поцелуем простились с нею. Рысаков стоял неподвижно и смотрел на Желябова все время, пока палач надевал на его сотоварищей ужасного преступления роковой длинный саван висельников.

Палач Фролов, сняв поддевку и оставшись в красной рубашке, «начал» с Кибальчича. Надев на него саван и наложив вокруг шеи петлю, он притянул ее крепко веревкою, завязав конец веревки к правому столбу виселицы. Потом он приступил к Михайлову, Перовской и Желябову.

Желябов и Перовская, стоя в саване, потряхивали неоднократно головами. Во время этой процедуры барабаны, не переставая, били мелкую, но громкую дробь.

В 9 часов 20 минут палач Фролов приступил к «делу»: первым был повешен Кибальчич. Четвертым был казнен Желябов...

В 9 часов 30 минут казнь окончилась; Фролов и его помощники сошли с эшафота и стали налево, у лестницы, ведущей к эшафоту. Барабаны перестали бить. Начался шумный говор толпы. К эшафоту под'ехали сзади две ломовые телеги, покрытые брезентами. Трупы казненных висели не более 20 минут. Затем на эшафот были внесены пять черных гробов, которые помощники палача подставили под каждый труп. Гробы были в изголовьях наполнены стружками. На эшафот вошел потом военный врач, который, в присутствии двух членов прокуратуры, освидетельствовал снятые и положенные в гроб трупы казненных. Первым был снят с виселицы и положен в гроб Кибальчич, а затем другие

казненные. Все трупы были сняты в 9 часов 50 минут. По освидетельствовании трупов, гробы были немедленно накрыты крышками и заколочены. Гробы были помещены на ломовые телеги с ящиками и отвезены под сильным конвоем на станцию железной дороги, для предания тел казненных земле на Преображенском кладбище.

Вся процедура окончилась в 9 часов 58 минут».

ГЛАВА XX.

Портрет и характеристика Желябова.—Казенная оценка личности Желябова.—Отзывы В. Н. Фигнер, О. Любатович-Джабадари, А. Прибылевой-Корба, П. Семенюты, Рысакова, А. Тыркова, С. А. Иванова и Л. Г. Дейча.

Мы отодвинули к концу нашей работы свод имеющихся материалов для чисто *личной* характеристики Желябова. Его политическая роль, политическая физиономия и его тактические приемы достаточно характеризуются всем предыдущим изложением. Важно, однако, запечатлеть те отзывы, которые даны о Желябове в личном отношении, как ни трудно разделить человеческое лицо от человеческой работы.

На первом месте даем чисто официальную характеристику Желябова. Власти, имевшие соприкосновение с этим крупнейшим революционером, несомненно, испытывали глубокое и неизгладимое впечатление,—не даром для характеристики Желябова у их представителей находятся яркие краски и сильные и стильные выражения. Не даром и обвинительный акт по делу 1 марта и многие официальные источники охотно цитируют слова Гольденберга о *гениальности* натуры Желябова.

Самую полную официальную характеристику Желябова мы находим в «Хронике социалистического движения в России с 1878 по 1887 гг.»—официальном отчете, составленном генералом Шебеко.

Здесь мы о Желябове находим такие строки: «В среде партии Желябов пользовался репутацией террориста, весьма преданного делу; это был человек даровитый и действительно обладавший организаторским талантом. Смелый, очень красноречивый, представительной наружности, он умел заставить повиноваться себе, не отступал ни перед каким препятствием и часто даже фигурировал, как влиятельная личность, которая вела других к точной и определенной цели. Освобожденный указом 19 февраля 1861 г. от крепостной зависимости, он признавал только глубо-

кую ненависть к правительству, не веря в чистоту его намерений. Желябов и Александр Михайлов, быть может, были самыми даровитыми анархистами в мире социальной революции в России.

... «Желябов представлял тип гораздо более резко выраженный (чем у других революционеров) и потому значительно более опасный. Это был бунтарь до цинизма, фанатизированный террористическою программой настолько, что стал скорее грозным бандитом, чем смелым революционером. Преступная деятельность охватила все его существо, и он не был уже способен ни к каким иным чувствам, ни к каким иным стремлениям. Он поступал во всем, как учитель, и рассматривал свои обязанности, как призвание, а свою деятельность—как святой долг. Он безусловно требовал, чтобы каждый разделял его точку зрения. Когда во время подготовительных работ для Александровского покушения один из заговорщиков заснул, утомленный ночной работой рытья мины, Желябов собирался убить его из револьвера; он его рассматривал, как провинившегося часового, которому вверена была охрана драгоценного склада и который заснул, вместо того, чтобы бодрствовать. Имя великого организатора стало популярным: то был страшный Желябов, великий организатор новых покушений в местностях и условиях самых разнообразных и неслыханных. Он обладал удивительною силой деятельности и не принадлежал к числу дрожащих и молчащих. Невозможно допустить, чтобы хоть тень раскаяния коснулась его сердца в промежуток между организацией преступления и часом его искупления; на следствии и суде он выказал наибольшее присутствие духа и спокойное, рассудительное хладнокровие; он входил в малейшие детали и вступал в спор с судьями и прокурором; в тюрьме он себя чувствовал в нормальном состоянии и моментами проявлял веселость: так, он весело и с хохотом принял визит своих прежних знакомых супругов Бовенко, у которых он одно время жил. Желябов был женат на женщине класса высшего, чем сам; жена его была дочерью богатого купца Яхненко; происходила она из Киевской губернии; он имел от нее детей, но все бросил для того, чтобы вступить в революционные кружки террористов. После преступления 1 марта его жена потребовала перемены мужниной фамилии.

«Во время его ареста 28 февраля при нем нашли револьвер с пятью пулями. Желябов не воспользовался своим оружием, будучи убежден, что сорганизованная им работа не замедлит прийти к окончанию, и что его арест лишь может ускорить исполнение преступления. Он даже делал намеки, что преступление должно совершиться, и не скрыл своей радости на про-

тулке 1 марта во дворе предварительного заключения, когда до его слуха долетел фатальный взрыв: так он был убежден, что преступление должно было совершиться.

«В его биографии (брошюра эта появилась в Женеве, с фальшивой пометкой «Лондон», под редакцией Тихомирова) он характеризуется, как первоклассный организатор, но в то же время второстепенный исполнитель. Он никогда не терял мужества; в часы наибольших неудач, которые испытывала партия, он ограничивался лишь словами: «Что же делать. Примемся за исполнение следующей задачи»,—и начинал свою работу с удвоенной энергией. Его активность была такова, что он не знал почти сна и иногда падал в обморок, хотя природа его наградила очень крепким организмом».

«Для потомства не пришлось закрепить его внешность, потому что в заключении он ни за что не соглашался дать фотографировать себя и делал ужасные гримасы, когда на него наводили аппарат. Сохранился всего один лишь маленький медальон, появившийся в «Календаре Народной Воли» за 1883 г.; этот медальон сделан на основании карандашного рисунка, набросанного для памяти одним из его приверженцев.

«Эскиз представляет всего лишь заурядный профиль с большой бородой; он совсем не напоминает оригинал, с физиономией живой, энергичной, грубой и зверской; с головой, привыкшей к распоряжениям; с телосложением могучим и сильным; со смехом, открывающим два ряда блестящих зубов; с видом бандита-террориста, мало-по-малу сложившегося в такового в целом ряде преступлений».

Конечно, эта официально-казенная характеристика, пропитанная ненавистью и тем не менее признающая громадные положительные качества за Желябовым, имеет только относительную ценность.

Послушаем теперь голоса лиц, отлично знавших Желябова и рисующих его правдивыми красками.

Вера Николаевна Фигнер (заграничное «Былое», 1908 г. № 7 и русское № 10—11, 1918 г.) пишет о Желябове:

«Во время процесса 1-го марта рассказывали, что присяжный поверенный Спасович все время рисовал портрет Желябова, и когда я развернула мартовскую книжку «Былого» за 1906 г. и увидела помещенный там набросок, якобы изображающий Андрея Ивановича, то мне сейчас же пришло в голову, что это тот самый «портрет», который рисовал Спасович. Спешу сейчас же заявить, что с действительной наружностью Желябова он не имеет ничего общего.

В книжке вы видите довольно худощавое, вытянутое сверху вниз лицо, на котором бросаются в глаза приподнятые кверху брови и обнаженные зубы. Всякий, кто видал старинного письма иконы и гравюры, изображающие божьих угодников и старообрядческих начетчиков, тотчас же признает в нем этот тип аскета и фанатика, поборовшего плоть... Ничего подобного не было в Желябове, и если бы, указывая на этот портрет, меня просто спросили, кого он мне напоминает, я никогда бы не назвала моего товарища по Исполнительному Комитету.

Андрей Иванович имел атлетическую фигуру, прекрасно сложенную, а его голова была красивой головой типичного русского крестьянина. Общее выражение всей фигуры и лица была мощь, энергия и сила воли. Серые глаза имели выражение смелости, а когда он шутил в товарищеской компании, они сыпали искры добродушного лукавства и насмешливости. Темная, окладистая борода лопатой обрамляла довольно широкое лицо с смуглым румянцем. Когда он смеялся, все зубы, ослепительно белые, ровные, не очень крупные зубы, совершенно обнажались, и каждый мог полюбоваться ими. Когда он являлся оратором и произносил речь, то зачастую его брови были приподняты, и, на мой взгляд, это портило его.

Жизнерадостность была отличительным свойством Желябова. Это был здоровый, крепкий и вполне нормальный организм. Ни одна нота надломленности не звучала в нем. Иногда он способен был дурачиться и шалить, как ребенок, и бесконечной бодростью и энергией звучало каждое его слово, то же выражало и каждое его движение. Черты его лица были правильны и гармонировали с общим характером его телосложения. Если бы он дожил до преклонных лет, он наверное, до конца остался бы красавцем, так как подобная наружность с годами обыкновенно мало изменяется: в ней все было определенно и закончено.

Когда он выходил на улицу, то зимой носил длинное пальто и шапку и держал грудь колесом. Мы смеялись, что он в этом виде очень походит на купца. Настоящее русское лицо делало его на улице довольно незаметным, в комнатах же его личность обратила бы на себя внимание каждого. Но в ней не было решительно ничего утонченного; как было уже сказано, это был прекрасный мужик, переработанный образованием и культурой.

После процесса 1 марта тщетно искали мы где нибудь и у кого нибудь его фотографию; таковой решительно не оказывалось».

О. Любатович-Джабадари («Былое», VI, 1906) рисует Желябова, как «характер, и характер сильный».

«Это был высокий, стройный брюнет с бледным лицом, прекрасной окладистой темной бородой, большим лбом и выразительными глазами.

Речь его была горяча и порывиста, голос приятный и сильный; в нем были все задатки народного трибуна, но в нем не чувствовалось той глубины проникновения в душу человеческую, какая присуща была в такой высокой мере Сергею Кравчинскому и Валерьяну Осинскому; может быть, ему недоставало этого потому, что в то время Желябов еще мало страдал, но и его страдания были близки, очень близки, и ему пришлось их выпить полную чашу до дна. В описываемую же минуту (1879 г.) все существо его было проникнуто каким-то радостным светом и великой надеждой. Его возмущал разрыв чернопередельцев, ссылавшихся на то, что террористическая борьба с правительством, принятая, как система, на Липецком с'езде, повредит, будто бы, деятельности в народе. «Я покажу им, что они просто не хотят действовать; я покажу, что «Народная Воля», занятая борьбой с правительством, будет работать и в народе». И действительно, Желябов с'умел организовать рабочие боевые дружины даже в такое время, когда большая доля его энергии была посвящена захватывающей борьбе с правительством. Но на это нужна была именно его энергия, а такая энергия присуща очень немногим».

А. Прибылева-Корба («Былое», VIII, 1906) называет Желябова «человеком чрезвычайно красивым не только чертами лица, но также выражением смелости и решимости, которое проявлялось во всей его внешности.

Красив был темно-русый цвет волос, курчавой бороды, и небольших усов, красив был белый высокий лоб и румянец, который говорил о цветущем здоровьи. Голова и лицо были больших размеров, лицо—широкое с несколько выдающимися скулами. Брови подымались легкой черной дугой над серыми умными глазами, нос был прямой и короткий. Когда Желябов говорил или смеялся, то сверкали два ряда белых и крепких зубов, которые он имел обыкновение стискивать с большой силой в минуты душевного волнения или крепких дум.

Чаще всего голова бывала слегка откинута назад и приподнята, что придавало Желябову особенное выражение повелительной энергии и гордого сознания собственной личности.

Ходил он по улицам быстрой походкой, крепко задумавшись, незаметно для себя стиснув зубы и с силою сжимая руки, вытянутые вдоль туловища. Обыкновенно он пользовался пере-

ходами с одного делового свидания к другому, чтобы сосредоточиться на предстоящих разговорах или действиях.

Повидимому, Желябов старался свыкнуться с мыслью о том, что ему придется погибнуть на виселице. Он сам иногда затевал разговор об этом предмете, бесстрастно рисуя себе картину своей смерти.

Иногда шутя он говорил, когда его убеждали в конспиративных целях сбрить свою красивую окладистую бороду, к которой он питал большую привязанность, что его могут повесить, но с бородой он не расстанется.

Чтобы дополнить образ Желябова, надо сказать, что он был высокого роста, т. е. несколько выше среднего, широк в плечах, обладал хорошо развитой мускулатурой и большой физической силой».

П. Семенюта («Былое», IV, 1906) дает портрет Желябова, когда он был еще совсем юным студентом.

«Это был статный шатен выше среднего роста, чрезвычайно симпатичной наружности; хотя черты лица были лишены классической правильности, тем не менее в общем лицо его было очень привлекательно. Румянец во всю щеку, глаза темные, глубокие, как Черное море, пронизывали насквозь того, к кому были обращены; красивые губы украшены изящными усами. А небольшая темная бородка придавала всей физиономии приятный овал; волосы на голове слегка вились, сбивались, образуя впереди малороссийский чуб, который был ему очень к лицу; голову держал высоко, что шло к его фигуре и производило впечатление чего-то властного, сильного, непоколебимого. Что-то театральное, эффектированное, прорывалось иногда, но это было искреннее, а не деланное. Речь у него была пламенная, красивая, пластичная; она действовала заразительно на слушателей, сплачивая их воедино и не позволяя расщепиться на части. В красивом баритоне его голоса уже тогда, в ранней молодости, проскальзывали повелительные нотки».

Какое неотразимое влияние оказывал Желябов на своих слушателей, мы видим хотя бы из той картины, которую нарисовал нам г. Серебряков в воспоминаниях о пропаганде Желябова среди морских офицеров. Интересно сопоставить с этим и показание Рысакова, данное им на предварительном следствии по делу 1-го марта:

«Михаил Лебедев принадлежал к террористическому отделу рабочих. Насколько я могу утверждать относительно влияния Желябова на него, то оно было полное, что впрочем и понятно. Рабочему, сочувствующему социалистическому движению, не-

возможно противиться речам и влиянию «ветерана революции», в особенности Желябова, красноречию и своеобразной логике которого и вы по всей вероятности отводите большое значение.

Представьте теперь себе рабочего, не имеющего за своей душой ничего кроме искреннего желания служить благу народа, и на такого человека исключительно обращается внимание крупного деятеля. Какой простор разгуляться мыслям о своем уме, т. е. всем честолюбивым мыслям! Поэтому он абсолютно не мог противиться предложению вступить в террористический отдел. На наших же сходках никто больше него нравственно не противился планам Желябова. Припоминаю первую сходку. Желябов понятно разлетелся в своем познании. Тимофей Михайлов шел дальше своего учителя, остальные члены молча созерцали этот полет мечты террориста и ничего не возражали, потому что *слушать речь Желябова—все равно, что слушать музыку, возможно ею упиваться, но критически относиться в тот момент нельзя, потому что не получается общего впечатления, на котором можно бы строить логическое опровержение* [1].»

А. Тырков, студент петербургского университета в 1881 году, следивший за выездами Александра II-го, дает такой рисунок Желябову («Былое», V, 1906).:

«Желябов был высокого роста, брюнет, с довольно длинной окладистой бородой, красивыми, мелкими чертами лица, небольшими, но живыми, умными глазами. Хороший оратор, живой, деятельный, вероятно, предприимчивый, с уменьем бить на эффект, когда он считал это нужным—из рассчета наделать шуму, заставить людей говорить и думать. На виденной мной гравюре, изображающей процесс 1 марта, Желябов сидит, облокотившись на что-то, в полуоборот к суду, внимательно слушая, подавшись корпусом вперед. В этой позе, знакомой мне и раньше, сказывались напряженный, живой интерес, нетерпение, готовность напасть или отразить удар. Его сфера была улица, люди. Он отлично знал, что имеет на них влияние, и это сознание должно было удовлетворять его чувству, вероятно, разбитого самолюбия. Я думаю, ему трудно бывало вдвинуть себя в рамки партийной дисциплины. Его натура невольно стремилась подчинить себе окружающих и искала большего простора для своей деятельности, но должна была, если только действительно существовали эти агрессивные стремления, встречать,

---

[1]) Эти показания Рысакова не приобщены к делу 1-го марта, а присоединены к дознанию по процессу 20-ти народовольцев. Приведенное показание Рысакова воспроизводится в печати впервые.

в среде организации, отпор со стороны людей не менее сильных, а, может быть, более глубоких, чем он. В его глазах я замечал иногда не то радость успеха, не то чувство прилива и расцвета сил. При первой моей мимолетной встрече с ним он произвел на меня очень сильное впечатление. Он передавал чуть ли не свои воспоминания, вынесенные им с юга. Я слышал только несколько конечных фраз, но мне хотелось бы тогда слушать его без конца, такой интерес возбудил он во мне и собой и тем своеобразным освещением, которое он придавал и природе и людям в своем рассказе».

К этому А. Тырков делает весьма существенное добавление, привносящее новую черту в общую характеристику Желябова.

«Желябов вел себя совершенно как равный с равными, как товарищ. Несмотря на его такт, в нем была однако какая-то жестокость силы, которая сама неудержимо стремится вперед и толкает перед собой других».

Шлиссельбуржец С. А. Иванов встретился с Желябовым впервые в январе 1881 года («Былое», IV, 1906):

«Желябов известен был тогда в Петербурге под именем «Тараса» и в революционных сферах пользовался громадною популярностью. Я читал где-то впоследствии, что при личных встречах и беседах с ним впечатление получалось не сильное, иногда даже неприятное, что его натура агитатора требовала большой аудитории, перед которой только и могла развернуться во всю его крупная фигура. Не могу, однако, согласиться с первою частью этой характеристики. Может быть я уже был предупрежден в его пользу разными ходячими рассказами, но, во всяком случае, первое впечатление, произведенное им на меня, сохранившееся и до сей поры, было сильное и благоприятное. Импонировало в нем все: его мужественная красивая фигура, уверенные жесты, выразительная речь, меткая и образная, наконец, цельность и законченность мысли, развиваемой логически и до конца».

Очень ценную характеристику Желябова находим мы у Л. Г. Дейча («К 25-ти-летию 1881—1906 г.г. Дело 1-го марта 1881 года. Со статьей и примечаниями Л. Дейча»).

Л. Г. Дейч познакомился с Желябовым в Петербурге в конце 1879 года.

«Это была очень сложная и богато одаренная от природы натура. Сын крестьянина, он унаследовал физические свойства своих родителей-земледельцев. Высокого роста, прекрасно сложенный, с широкою грудью и крупными чертами лица, Желябов, которому тогда было под тридцать лет, на вид казался значительно

старше этого. Уже одной внешностью он выделялся в нашей среде и при первом взгляде обращал на себя внимание.

Моя первая встреча с ним произошла у Перовской. Нас было десять человек; кроме Перовской и ее сожительницы Сергеевой, вышедшей впоследствии замуж за известного Льва Тихомирова, в тот памятный для меня вечер были также: Засулич, Зунделевич, Александр Квятковский, Александр Михайлов, Желябов, Плеханов и Стефанович. Шел оживленный, горячий спор о терроре и его значении. Громче всех других раздавались голоса Желябова и Плеханова. Первый несколько глухим, но очень полным, если не ошибаюсь, басом спокойно, но убежденно и решительно доказывал необходимость сосредоточить главное внимание на терроре. Не считая в то время возможной деятельность в крестьянской среде, он, на ряду с террором, признавал тогда только деятельность среди прогрессивной части общества. Довольно определенно отстаивал он необходимость добиваться политической свободы, что, как известно, отрицалось нами, народниками.

Во время этой беседы, а также и других, происходивших у меня с ним потом в Харькове и затем вновь в Петербурге, он производил впечатление политического радикала, стремящегося об'единить, или, по крайней мере, привлечь на сторону революционеров либеральные элементы общества. Он любил ссылаться на газетные известия и сообщения, подтверждавшие его мысль, что в нашем обществе уже в достаточной степени назрела потребность в политической свободе, а революционеры, по его мнению, обязаны были явиться застрельщиками в борьбе за нее. «Не может быть,—говорил он,—чтобы наше общество, терпящее от гнета самодержавия, задавленное и приниженное, не отозвалось энергично, если бы увидело, что его дети, не отрываясь от него, несут все, включая и жизнь свою, на дело освобождения России от самодержавного гнета, на дело борьбы за политическую свободу».

Желябов говорил убежденно, плавно и красиво, но на многих из нас, его товарищей, аргументы его не производили желаемого им впечатления: чувствовалось что-то чуждое, несвойственное нашим тогдашним взглядам. Не удивительно поэтому, что не менее его красноречивому, но к тому же обладавшему большой эрудицией, находчивостью и остроумием оратору,—Плеханову легко удавалось разбивать аргументы Желябова.

В спорах Желябов никогда не прибегал к резкостям и не становился на личную почву. Несомненно, он был искренно убежденным человеком, не боявшимся нареканий в отступлении

от социализма. В то время нужно было обладать значительной долей смелости чтобы проповедовать необходимость борьбы за политическую свободу. Если в течение всего нескольких месяцев довольно резко изменились взгляды значительной части тогдашней революционной молодежи, то в этом, кроме внешних условий, главную роль сыграл, несомненно, Желябов.

Он обладал почти всеми данными, необходимыми для крупного политического деятеля,—ему недоставало только больше теоретической подготовки, обязательной для руководителя политической партии. К сожалению, время и условия, при которых пришлось жить этому выдающемуся человеку, не дали ему возможности развернуться вполне.

Как я уже выше заметил, покушение Соловьева возбудило крупные споры по поводу значения террористических актов.

Покушение же Соловьева вызвало в Желябове стремление вновь примкнуть в ряды активных борцов. Оправданный по процессу 193-х в начале 1878 г., он удалился в Крым, где жил некоторое время со своей семьей,—женой и детьми, вдали от всяких общественных дел. Но весной следующего года Желябов прерывает связи с семьей и целиком отдается политической деятельности. У него, повидимому, заранее уже выработались довольно определенные политические воззрения, встретившие большое сочувствие среди некоторой части организации «Земли и Воли».

Желябов играл самую крупную, выдающуюся роль в новом направлении, возникшем среди русских революционеров после покушения Соловьева. Его огромной энергии и умственным его способностям обязаны были сторонники политической борьбы тем, что это направление быстро сделалось господствующим. Он был неутомим, необыкновенно предприимчив и инициативен. Ему же принадлежала мысль организовать покушение на царя посредством подкопов, с динамитом, в разных местах по железнодорожному пути, по которому император Александр II должен был возвращаться осенью того года из Ливадии в Петербург.

Желябов перелетал из города в город, организуя ряд этих покушений, тут же по пути вел он усиленную пропаганду необходимости политической борьбы, завязывал сношения с представителями общества и пр. Но то не была лихорадочная деятельность, а более или менее планомерная, настойчивая и решительная тактика. Только с присоединением Желябова к революционной деятельности, террор принял систематический характер. Но в первое время он, повторяю, смотрел на него как

на главное средство, возможное у нас для изменения политического строя России.

В истории революционных движений всех стран происходило так, что вожаки этих движений, в период неразвитости последних, старались представить их значительно более сильными и могучими, чем они бывали в действительности. Такие преувеличения, делавшиеся преднамеренно, вскоре обнаруживались и, раскрывая слабость данных организаций, приводили к результатам, обратным ожиданиям: слушатели и читатели подобных заявлений не только не проникались благоговением и страхом, будто бы, к могучим силам тайных, подпольных кружков, но, наоборот, умаляли и то значение и силы, каковые им бывали присущи.

Совершенно аналогичное случилось и с Желябовым во время суда.

Ошибочным его расчетом на сильное впечатление следует об'яснить его заявления на суде о «сорока семи лицах, будто бы, вызвавшихся участвовать в деле 1 марта», о том, что он лишь «агент третьей степени Исполнительного Комитета», что последний «поручил ему организовать покушение» и т. п. А между тем, без всех этих преувеличений, небольшая горсть отважных борцов, отдавших все свои силы и способности делу освобождения своей родины от неимоверного гнета, способна была вызвать изумление, а то и преклонение».

Приложения.

1. Протоколы допроса А. И. Желябова по делу 193-х.

2. Выдержка из обвинительнаго акта по делу 193-х в части, касающейся А. И. Желябова.

3. Передовая статья А. И. Желябова в № 1 «Рабочей Газеты».

4. Программа рабочих членов партии «Народной Воли», составленная А. И. Желябовым и студентом Каковским.

5. Письмо А. И. Желябова к М. П. Драгоманову.

1.

Протоколы допроса А. И. Желябова по делу 193-х.

I.

Протокол допроса обвиняемого А. И. Желябова 21 июня 1876 г.

Не признаю себя виновным ни в принадлежности к тайному сообществу (члены которого группировались в Одессе около Николая Жебунева и Петра Макаревича),—с знанием, что цель того сообщества заключается в возбуждении неимущих классов в России против имущих и в пропаганде среди низших классов населения революционных идей; ни в том, в чем обвиняли меня прежде, т. е. в укрывательстве жены Макаревича.—Осенью 1872 г. я был уволен из новороссийского университета вследствие участия в так называемой студенческой истории, возникшей из недовольства студентов профессором Богишичем.—О существовании в городе Одессе тайного преступного сообщества и о принадлежности к оному Макаревича не знаю ничего и услышал об этом лишь при дознании. Следующих лиц не знаю, не встречался нигде с ними: Франжоли, Кобиев, Жебуневы, Голиков, Глушков, Волковский, Рябков, Макавеев, Дическуло, Ланганс, Кац, Стенюшкин. Про Костюрина известно мне, что в здешнем университете был один Костюрин и что Костюриных, как слышно, есть несколько братьев; а более—ничего.—Не помню в котором году, летом, выходя из здешней библиотеки Бортневского, я встретился с Анною Макаревич, шедшею по улице,—как давнишний ее знакомый. Я знал ее еще в Симферополе, когда она была гимназисткой. Мы тогда были в отношениях приятельских. Здесь же, в Одессе, встретились холодно; эта холодность произошла, я думаю, просто от времени. Разговор наш был непродолжителен. Она и не сообщала, по какому случаю находится в Одессе, что намерена делать, чем заниматься. Узнал я от нее, что она в Одессу прямо из Цюриха приехала и недавно. Затем еще сказала, что приехала сюда из Цюриха с мужем, Макаревичем. Таким образом, я и узнал в первый раз, что Анна Розенштейн уже замужем и впервые услышал фамилию Макаревича. Не приглашала она меня бывать у них. После того встречал я несколько раз г-жу Макаревич в Одессе на ули-

цах с неизвестным мне мужчиною, относительно которого и предполагал, что это и есть муж ее, Макаревич. Встречи эти ограничивались взаимными поклонами. Так шло время около полутора месяца, кажется. Потом стало известным, что Макаревич арестован. От кого именно узнал я об аресте Макаревича—теперь не помню; о его жене было известно, что она не взята; но что Анна Макаревич в Петербурге—я об этом не знал до тех пор, покуда, кажется, в сентябре (не вспомню какого года), не приехал в Одессу один молодой человек, мне до того неизвестный, и не сообщил, что Анна Макаревич изучает в Петербурге акушерство. По какому поводу арестован был Макаревич—это мне достоверно не было известно. Каким образом упомянутый молодой человек отыскал в Одессе квартиру мою, знал ли он адрес мой еще в Петербурге—этого не знаю. Я думаю, что так как я был известен большинству одесских студентов, то меня и не трудно было розыскать в Одессе; но молодой человек прибыл более чем через год после того, как я уволен был из одесского университета. Приезжий называл мне фамилию свою, но теперь я наверное не могу сказать, как он назвал себя. Он мне об'яснил, что Анна Макаревич просит меня помочь ей сообщением показаний мужа ее арестованного; что не знает, почему именно он арестован, и не желает попасть своими показаниями впросак, ежели и ее самое в Петербурге разыщут. Где Анна Макаревич проживает там—этого молодой человек мне тогда не сообщил; когда же я из'явил согласие оказать Анне Макаревич требуемую помощь, то молодой человек дал мне ключ к шифру и сообщил адрес, по которому я и отправил в Петербург письмо с изложением сущности показаний Макаревича. В конверте, переданном мне молодым человеком от Анны Макаревич, находился только один ключ к шифру; а ко мне собственно она письменно ни с чем не обращалась. То обстоятельство, что со встречи в Одессе отношения наши не были уже приятельскими, как прежде, а, между тем, Анна Макаревич с такою просьбой ко мне именно обращается,—об'ясняю тем, что она находилась в исключительном положении и могла, конечно, надеяться, что я сочувственно к этому положению отнесусь. Молодой человек заявил, что уезжает скоро, что он через Одессу—проездом, так что из разговора самого ясно было, что мы не увидимся больше, как и случилось. По его словам, он приехал «на юг по своим делам»; возвратится в Петербург в непродолжительном времени, но—не через Одессу уже. Так как у меня требовалось не только известить о показаниях Макаревича, но еще и о том, не может ли видеться с ним Анна Макаревич, приехавши для этого в Одессу,

то я отвечал молодому человеку только, что все, что возможно, я сделаю. Я же полагал, что можно будет узнать как либо: в какое время выпускают политических преступников во двор из их камер; кто тогда из ключников дежурит (теперь, конечно, я знаю, что свидание все таки немыслимо было бы). Затем, я думал, что как нибудь Анна Макаревич может подойти к решетчатым воротам (вторые) здешней тюрьмы и, таким образом, имея как бы свидание с мужем, узнает от него и о том, что он показывал при дознании. Понес я в острог пищу и, встретив ключника, сказал ему, что пища—для передачи Макаревичу, а затем и спросил у ключника: выпускают-ли политических преступников, на что ключник отвечал отрицательно. Я не решился преодолевать затруднения, но и не сообщил немедленно Анне Макаревич, что потерпел неудачу, а остался в ожидательном положении: молодому человеку я об'яснил прямо, что не предвижу пока никакой возможности исполнить просьбу Макаревич, а буду пробовать; ей же не сообщил о неудаче, имея в виду, что, следовательно, на мои услуги она и не может наверное расчитывать. Молодой человек сначала спросил: согласен ли я исполнить просьбу Макаревич (так что последняя, быть может, не ожидала, что я соглашусь); и когда уже я из'явил согласие, то молодой человек сказал: «в таком случае мне поручено оставить Вам конверт». Вот таким образом и об'ясняется, что конверт оставлен был мне, несмотря на заявление с моей стороны, что пока не вижу никакой возможности исполнить просьбу. Пока я оставался в выжидательном положении, явилось ко мне одно лицо, назвать которое не желаю, и, осведомившись: я-ли Желябов? обещал-ли Анне Михайловне что-либо?—вручило мне показание Макаревича, которое я и перешифровал дословно (этому явившемуся ко мне лицу я сначала отвечал: «не помню»). Ничего неизвестно мне о способе получения этим лицом показаний Макаревича. По поводу того, каким образом лицо то узнало, что именно я согласился удовлетворить просьбу Макаревич,—я предполагаю, что, вероятно, и лицу этому Макаревич писала обо мне, но почему же прямо не возложено было исполнение требования г-жи Макаревич уже на то лицо—этого не знаю. До появления же лица ничего не писал Макаревич о выполнении поручения и не передавал о том через ехавших в Петербург знакомых. Показания Макаревича были написаны вкратце на клочке писчей бумаги. Я его сжег. Все, что было на этом клочке обыкновенными буквами написано, я перешифровал, по ключу, римскими цифрами. (Пред'являются вещественные доказательства по приложенной к ним особой описи пачка № 15; в числе этих бумаг не ока-

зывается шифрованного письма).—Я здесь не вижу того письма, которое послал в Петербург на имя Рафаила (Казбека, кажется), студента технологического института. В числе пред'явленных мне бумаг есть одно письмо, повидимому, писанное по гречески; даже наверно—по гречески, но не это вовсе я в Петербург отправил. Ключ тоже был мною уничтожен. При дознании не было мне пред'явлено шифрованного письма, а пред'являли перевод его в обыкновенных буквах; передача была верная, но не везде, так как были места непонятные, бессмыслица, что могло произойти и от неумения пользоваться ключем. На вышеупомянутом клочке, пред'явленном мне лицом, назвать которое не желаю, были изложены (не помню в каком лице) только показания Макаревича и начало, кажется, было такое: «передайте, пожалуйста, Анне»—то-то. Но в шифрованном письме я изложил еще и от себя нечто, чего на клочке и не было, а именно: 1) лицо, пред'явившее мне показание Макаревича, спрашивало, между прочим: что же я собственно для Анны Макаревич сделал? Я отвечал, что встретил неудачу в устройстве свидания. Тогда пред'явитель показаний об'явил, что это сделать можно; что Макаревича уже выпускают; что можно устроить свидание Анны Макаревич с мужем при посредстве одного из ключников; но что для этого деньги необходимы. Вот это я и разумел под «чудесным предприятием», для успеха которого, как от себя уже пишу в шифрованном письме, «нужны деньги», и при том такое предприятие, «что не хочу доверять этому», т. е. шифрованному, «письму».—(Поправки «и по какому» зачеркнуто; «более чем» зачеркнуто и приписано; «именно» зачеркнуто, и приписано: «пока», «именно»; «листке» зачеркнуто; «с мужем» приписано).— На прочитанное имею сделать замечание, что на клочке не только показания Петра были изложены, но и показания других лиц, мне неизвестных: все это до слова: «предстоит»...».

Андрей Желябов.

II.

Протокол 8, 22 июня 1876 г.

Итак, «чудесное предприятие» требовало расходов. Еще молодой человек (относительно фамилии которого не говорил я при дознании, что открыть ее считаю нечестным)—молодой человек сказал, что ежели по делу Анны Макаревич расходы потребуются, то я могу обратиться в Киев, к некоему киевлянину, фамилию которого и назвал и которому отец Анны Мака-

ревич поручил снабжать ее деньгами. Я не помню фамилии «киевлянина» и не говорил при дознании, что нравственность не позволяет мне эту фамилию назвать. Молодой человек по поводу адреса «киевлянина» сообщил мне только, что стоит лишь телеграфировать прямо на телеграфную станцию, и депеша дойдет. Я и телеграфировал, но ответа не получил. На что именно следовало употребить 100 рублей при устройстве дела Анны Макаревич в Одессе—это мне неизвестно, так как цель расходования той или другой суммы из ста рублей могла уже быть известна пред'явителю показаний Петра Макаревича, при чем мне неизвестно и о способе, каким то лицо, пред'явитель, думало устроить свидание (о побеге же Макаревича из одесского тюремного замка не было речи). Что же касается самой цифры: 100, то она была упомянута еще молодым человеком. Затем, хотя с пред'явлением показаний Макаревича пред'явитель, да и я сам,—не могли мы уже, повидимому, преследовать нашу цель дальше истребованием ста рублей из Киева, так как показания, с которыми связана была цель свидания, требующего расходов, были на лицо; но я предполагал, во-первых, что, быть может, показания эти не вполне подробны и понадобится дополнение а, во-вторых, предполагал тогда, что и помимо показаний Анне Макаревич приятно или нужно будет иметь с мужем одно лишь свидание, без переговоров о показаниях. Трудно сказать, на чем основывал я такие предположения; а что в этом отношении и насчет неполноты показаний говорил пред'явитель этих последних,—я не считал бы еще выполненным поручение Анны Макаревич; а потому, не отправляя показаний и не получив из Киева на депешу ответа, я и писал шифром, чтобы Анна Макаревич внесла 100 руб. переводом на контору Мана. (Адрес моей квартиры известен был Анне Макаревич от молодого человека). Далее, относительно выражения: «дело смелое!» об'ясняю: 1) жаль, что нет поправок, сделанных мною при дознании во время пред'явления мне перевода шифрованного моего письма. Я сделал, помню, поправку и относительно слова: «приехавшими», потому что в письме стояло: «приехавшим». Поправки делал я на память, а не по подлинному шифрованному письму, которое и не было мне пред'явлено. Я не помню, сделал ли я поправку и относительно выражения: «дело смелое» при дознании. Теперь же полагаю: так как «смелого» ничего не предстояло, что в подлиннике было «дело спешное». Трудно припомнить, почему именно и спешить предстояло. Что касается того, что я пишу Анне Макаревич о высылке извещения по телеграфу на адрес Шестаковского, то это об'ясняется тем, что если бы в депеше

Анне Макаревич пришлось обозначить мой адрес (на углу Нежинской и Торговой, дом Тележниковой), так дорого стоило бы, а адрес: «Коммерческое училище, Шестаковскому»—короче и дешевле, стало быть. Я не успел предупредить или попросить Шестаковского, сожителя моего, так как, по случаю свадьбы моей, отлучился из Одессы. Но я бы наверное предупредил бы его, что, вот, получится телеграмма на ваше имя: передайте мне; предупредил бы, чтобы Шестаковский не удивился. Я не пользовался адресом его в других, кроме настоящего, случаях. Конечно, извещение можно было бы прислать и письмом; вообще я не могу, не помня всего хорошо, припомнить причину спешности и теперь, т. е. в виду того, что на спешность же я сам Анне Макаревич указывал, упоминая о посылке извещения *по телеграфу;* тогда как, действительно, и с другой стороны,—в виду экономии, которая руководила мною в выборе краткого адреса, было бы естественнее предложить и посылку извещения письмом. На спешности настаивало постороннее лицо, т. е. пред'явитель показаний Петра Макаревича.—Далее, по поводу выражений: «беда, наш прежний адрес перестал служить»—поясняю: 1) под прежним адресом разумел я тот, который дан был мною молодому человеку; 2) по этому адресу я не получал ни одного письма от Анны Макаревич, почему под словом: «перестал» разумел: не должен служить. Еще до отправки письма шифрованного, т. е. разобранного потом, я отослал одно письмо Анне Макаревич в Петербург (не помню—шифрованное ли), в котором извещал ее только о неудаче при разведках в остроге. Это письмо отправил я по адресу Казбека и не получал ответа долго: ответ пришел уже после отправки мною письма шифрованного; Макаревич адресовала Окуньковой. Так как во время отправки в Петербург письма с извещением о неудаче происходили в Одессе многочисленные аресты, причем студенты, встречая меня, спрашивали (по старой памяти): «а тебя не взяли»?;—то я и не дал собственного своего адреса, имея в виду, что слухи о мнимом моем аресте могут дойти до жандармского управления и тогда прочитывались бы получаемые в Одессе на мое имя письма. Вот почему я и дал адрес учительницы Окуньковой; пользовался же ее адресом только два раза: кроме настоящего случая, другое письмо получил от Шестаковского.—С точностью не могу сказать теперь, но полагаю, что недели прошли со времени отправки мною Анне Макаревич первого письма, по адресу Казбека; под «прежним адресом» в шифрованном своем письме, конечно, разумею не адрес Окуньковой, потому что в том же письме повторяю последний адрес. Нет, и третьего адреса,

до отправки шифрованного письма, не могла разуметь Анна Макаревич. 3) Слово: «беда» ничего особенного не означает; просто проскользнуло это слово.—Далее, поясняю, что Евгения Петровна и есть именно Окунькова. Она не желала или, вернее, не могла разрешить мне воспользоваться ее же собственным адресом, так как в то время в пансионе Ратгольц сама находилась еще в неопределенном положении, т. е. не заняла еще место учительницы, а жила, вероятно, по знакомству. Вот почему она согласилась только, чтобы письмо адресовано было ее родственникам, Цорн. Не говорил я Окуньковой, что— дело опасное; что дело идет о политических преступниках. Она не предупреждала меня, чтобы я не пользовался ее фамилией; я же сам в шифрованном письме не упомянул этой фамилии не из предосторожности: я спросил Окунькову: «как писать туда?» (по адресу Цорн). Она отвечала: «пишите: Евгении Петровне». По поводу *трехнедельного* срока, о коем упоминаю в шифрованном письме, поясняю, что, быть может, я и в первом своем письме к Макаревич мог сказать, что взял адрес Окуньковой на 3 недели, а во вторичном письме упоминаю о трехнедельном сроке для того, чтобы заставить скорее ответить. Но боясь, что переписка продлится, а срок адресу Окуньковой истечет, я и прибавляю: «ищу нового адреса». Наконец, насчет выражения: «на внутреннем конверте ничего», могу об'яснить следующее: Анна Макаревич должна была употребить два конверта: наружный, с обозначением на нем адреса Окуньковой, и внутренний, без всякого адреса; с Окуньковой же я условился, что если получит письмо, внутри которого найдет запечатанный конверт без адреса то этот конверт и будет знаком, что подлежит передаче мне. Сообщая Анне Макаревич, что уговорил одну барыню дать адрес и что отыскиваю другой адрес, я имел только в виду, что, быть может, Макаревич найдет нужным что либо писать мне; и не могу об'яснить, не мог тогда знать: что̀ именно будет или должна писать в Одессу или—намерена ли еще писать? На первое письмо Макаревич отвечала из'явлением сожаления, что мне не удалось устроить свидание, а на второе я ответа не получил. После отправки шифрованного письма являлось ко мне лицо, назвать которое я не пожелал (т. е. пред'явитель показаний), являлось взять деньги; я сообщил, что денег не получил.—Фраза в шифрованном же письме о Трудницком принадлежит автору изложения показаний; я о Трудницком не знал; и ничего мне не известно о том: выдал их Трудницкий, т. е. Макаревичей и других, или нет?—Студенческой столовой или кухмистерской на Нежинской улице не посе-

щал; Анны Макаревич и Виктора Костюрина не встречал в кухмистерских. Этого Костюрина потому лишь знаю, что во время студенческой истории имел с ним какой то разговор.—Дмитрия Исааковича Желтановского знаю: мы были на одном факультете (юридическом). Он не был уволен из университета. Мне известно, что он женился на Ольге Разумовской, с которою также я был знаком. Принадлежала ли она к кружку лиц, занимавшихся преступною пропагандою, мне ничего неизвестно. Как раз в то время, когда велась переписка с Анною Макаревич, встречаю в Одессе на улице Желтановского, который спешит на вокзал, чтобы уехать в Кишинев, так как мать его, Желтановского, при смерти лежит. Он просил меня пойти к докторам, если напишет об этом мне из Кишинева, чтобы пригласить докторов туда. Но нужно было ему адрес дать. Между тем, я в этот именно день перебрался в дом Тележниковой, на новую квартиру и еще не знал хорошо номера этого дома и фамилии домовладельца, о чем некогда было справляться, потому что Желтановский спешил. Я дал ему адрес Окуньковой, по которому и получил из Кишинева от Желтановского одно письмо, взятое у меня при обыске.—Учителем к г. Яхненко поступил я в октябре 1873 г. (хорошо помню, что не в сентябре). Перед моим поступлением никакого учителя или воспитателя не было у Яхненко за $1^1/_2$ или за 2 года. Я жил сначал в дер. Косоговке, с семейством Яхненко. Вознаграждение получал годичною платою, а не поурочно, не по рублю за урок. Более чем через год потребовалось пригласить, кроме меня,преподавателей языков, учителя математики (так что на мне осталось преподавание только русского языка, словесности и истории). Кто были преподаватели языков—не помню, а учителем математики был приглашен частный учитель Голиков, преподававший и у Великановых. (Эти последние были в хороших отношениях с семьей Яхненко). Так как приглашение учителей лежало на мне, то я поручил кому то в семье Яхненко пригласить названного Голикова к Яхненко. До этого я не был с Голиковыми знаком (имени и отчества его не знаю). А затем и отношения наши близкими не были; беседы педагогические только бывали у нас. Он получал кажется рубля $1^1/_2$ или 2 за урок. Голиков приглашен был позднее преподавателей языков; он начал заниматься весною, перед Пасхой, перед экзаменами (очень возможно, что он продолжал заниматься и до сентября). Припоминаю, что я поступил преподавателем к Яхненко в 1872-м, кажется, году (осенью).—Ни с молодым человеком, ни с пред'явителем показаний Макаревича не вел беседы о причинах ареста Макаревича, об участии его в преступном

сообществе, действующем в Одессе.—Студента Захара Калмакова я не знал, а фамилию эту услышал при дознании (по прочтении показания). По поводу слова: «недели» заявляю, что между отправкой первого в Петербург письма и отправкой второго (шифрованного) прошло несколько дней, около 5—8-ми, вероятно. По поводу двух пред'явленных мне карточек поясняю: вот это—Голиков, учитель математики (пред'явлена фотографическая карточка обвиняемого Леонида Ивановича Голикова), а этого никогда не видал (пред'явлена также карточка Петра Маркелова Макаревича).

Бывший студент Андрей Иванович Желябов.

III.

Протокол № 66. 3 ноября 1876 г.

Пред'явленный мне конверт, адресованный на имя студента Рафаила Михайловича Казбека в Петербург и отправленный, как видно по штемпелю, из Одессы 14 сентября сего года, заключающий в себе шифрованное письмо, по содержанию вполне схожее с пред'явленным мне в настоящее время разбором оного—признаю писанным мною. Добавление же к адресу: «4 роты Измайловского полка, в д. № 6/7» писано не мною и, как я предполагаю, сделано в Технологическом институте. Письмо это предназначалось Анне Михайловне Макаревич, урожденной Розенштейн. Студент Рафаил Михайлович Казбек мне лично неизвестен; адрес же его мне сообщен лицом, приезжавшим из Петербурга от Анны Макаревич, фамилию его открыть считаю нечестным, тем более, что это лицо видимо действовало, будучи побуждаемо лишь одним желанием помочь Анне Макаревич, без всякого ясного представления о деле ее мужа. Вполне подтверждая все сказанное мною при первом допросе (24 сентября) т. е., что я знал Анну Макаревич еще в Симферополе за отменно-хорошую девушку и до поездки ее в Цюрих был с нею дружен, что с Петром Макаревичем незнаком и на квартире у него не бывал,—в раз'яснение настоящего письма добавляю: В начале сентября прибыло от Анны Макаревич вышеупомянутое лицо и передало, что положение ее невыносимо—муж арестован, вестей от него никаких и что ее самое может быть станут разыскивать, что ей весьма важно знать показание мужа, на случай ареста ее, что сведения эти она, не имея никого близкого в Одессе, может получить через меня только. Ради симпатий своих к ней, не зная притом ничего преступного в ее деятельности, я склонился на ее просьбу.

Приезжий вручил мне запечатанный конверт; в нем был шифр, которым я и написал письмо к Анне Макаревич и который был мною уничтожен при первом обыске. Фамилию лица, чрез посредство которого получены вести от Макаревича, о знакомстве его и поездке Анны назвать не могу; в письме своем к Анне Макаревич я говорил не «приехавшими», а «приехавшим», которому, при от'езде его в Петербург, передал обо всем, что известно было по делу Макаревича по городским слухам; под Петром разумел Петра Макаревича. Упоминаемое смелое предприятие, для которого я просил выслать сто рублей, есть не что иное, как предполагавшееся свидание Анны Макаревич с мужем. Зная, что рано или поздно ему позволено будет гулять по двору тюремного замка, я считал выполнимым для Анны пробраться туда переодевшись; предположение это родилось во мне только вследствие незнания тюремных порядков и, вероятно, приступив к осуществлению плана, я познал бы всю его фантастичность. Деньги же сто рублей просил выслать на случай, если бы пришлось делать расходы по устройству свидания. Я помню, что Анна говорила мне чрез приезжего: у нее в Киеве есть знакомый, временно там проживающий, который, в случае надобности, может выдать для нее около ста рублей. О высылке этих денег я телеграфировал в Киев и, не получив ответа, написал Анне Макаревич о высылке ста рублей. К сожалению, нравственность не позволяет мне назвать фамилию киевлянина. В письме своем к Анне я прошу ее выслать деньги чрез контору Мааса в Одессе, о чем известить телеграммой на имя учителя Шестаковского. Адрес Шестаковского мною назван без его ведома, о чем я искренно сожалею; адрес этот состоит только из трех слов и притом очень определенный (коммерческое училище); мой же состоит из двенадцати слов и квартира моя в захолустьи. Я предполагал, что Шестаковский, живя в одной квартире со мною, по получении непонятной для него телеграммы сказал бы мне об этом. Под первым адресом я разумел свой собственный, данный мною посыльному от Анны Макаревич; но затем, вследствие распространившихся между студентами слухов о моем аресте, я считал неудобным далее им пользоваться; тем более, что подыскал менее рискованный адрес г-жи Окуньковой. С Окуньковой я познакомился случайно: она обратилась ко мне с просьбой познакомить ее с учителем Стрелковым, что было мною исполнено. Беря адрес ее, не говоря, какого содержания будут письма, я представил ей в разговоре побочном право назвать меня, как получателя писем, если письма эти могут причинить ей какую либо неприятность. Это было в

начале сентября настоящего года. По этому адресу я получил два письма: одно было из Кишинева от Желтановского, а другое от Анны Макаревич из Петербурга. Об адресе Окуньковой я писал в Петербург дважды, одно письмо за другим; в ответ на первое письмо и получено упомянутое письмо от Анны Макаревич, а второе пред'явлено ныне мне разобранным. В первом письме кроме адреса да нескольких слов о наших личных отношениях, т. е. моих к Анне, ничего не говорилось; ее письмо кроме жалоб на ее положение, на невозможность продолжать изучение акушерства, ничего относящегося к делу мужа не заключало в себе. Письмо это уничтожено мною по прочтении его. Адрес Окуньковой дал я Желтановскому без всякого расчета; за письмами от Макаревич к Окуньковой я должен был ходить, номера дома своего, где я недавно поселился, я не знал, а потому и назвал ему адрес, первый пришедший на память. Письмо Желтановского сохранилось по настоящий день и я могу представить его в подтверждение того, что в нем нет ничего преступного. С Желтановским я в старых приятельских отношениях. Повторяю, что вполне сознаю себя неправым пред законом, скрывая фамилии лиц, соприкосновенных с делом, и только сознание, что выдавать их безнравственно—причина такого умолчания. Вся вина моя: дружеские отношения к Анне Макаревич и неведение того, в чем обвиняется она совместно с мужем своим. Бывший студент А. Желябов. 1874 г. 3 ноября. Где в настоящее время находится Анна Макаревич, мне положительно неизвестно. Андрей Желябов.

2.

Из обвинительного акта по делу 193-х.

...Как было сказано выше, Николай Жебунев с женою, тотчас после киевского с'езда, поселились в Одессе, где уже с сентября 1873 года жил Петр Макаревич с женою. Николай Жебунев работал сначала в слесарном заведении Рыхлицкого, а затем открыл свою собственную кузницу, в которой работали перешедшие к нему от Рыхлицкого—рядовой Август Шрейдер и сын дворянина Юрий Крыжановский, и которая 15 июня была перенесена в село Васильевку, находящееся в 60 верстах от Одессы. Макаревич обучался сапожному мастерству и жил одно время на одной квартире с бывшим студентом Самуилом Чудновским, с которым и занимался ввозом в Россию из-за границы революционных книг, а в июне поселился вместе с Франжоли

у сапожного мастера Свечинского; у Макаревича проживал, кроме того, одно время дворянин Александр Костюрин, как это видно из показания сего последнего.

По показанию Макаревича и Франжоли, некоторое время в их квартире проживали Александр и Виктор Костюрины; кроме сего, квартиру Макаревича посещало почти ежедневно, по удостоверению проживавшей рядом с Макаревичем свидетельницы Солянниковой, много молодых людей, повидимому образованных, но из коих некоторые были одеты мастеровыми и носили с собою разные инструменты; обыкновенно собиралось человек пять—шесть, а раза три или четыре было так, что собралось в квартире Макаревича человек до пятнадцати; в числе посещавших Макаревича лиц были и женщины, из которых одна приходила, как заметила Солянникова, утром—одетая как горничная, а вечером—барыней; во время таких собраний, несмотря на присутствие многих лиц, в квартире Макаревича бывала всегда такая тишина, точно в ней никого не было; вообще поведение Макаревича и приходивших к нему лиц произвело на Солянникову такое впечатление, что у нее родилась мысль, не занимаются ли все эти лица в квартире Макаревича «подделкою фальшивых ассигнаций». В числе лиц, приходивших к Макаревичу, был некто Желябов, фамилию которого Солянникова слышала несколько раз.

От означенного Желябова было получено в Петербурге, в октябре 1874 г., на имя студента Технологического института Рафаила Казбека шифрованное письмо, подлежавшее передаче Анне Макаревич, как это удостоверил сам Желябов. По разборе шифра, которым было писано упомянутое письмо, оно оказалось следующего содержания: «В дополнение ко всему сказанному приехавшими, пишу по просьбе Петра. В Цюрихе он был, Жебуневых знал мало, бывал редко, из-за границы вы возвратились вместе. Петр видел в Одессе Жебуневых раза два. Трубницкого, который вас выдал, знал мало, Леонида Квятковского и Кобиева также мало, об остальных молчит. Пишите, что должен он сказать о вашей поездке в Конотоп. На случай вашего ареста, загодя просите своих родителей взять вас на поруки или внести залог, предстоит такое чудесное предприятие, что я и этому письму не хочу доверить, но для успеха нужны деньги. Я уже телеграфировал в Киев, не знаю, вышлют ли. Если вы богаты, спешите сделать перевод ста рублей на контору Мааса в Одессе. Дело спешное. Если будете высылать, то пришлите извещение телеграммой на имя Шестаковского, в Коммерческое училище, учителю. Беда, наш прежний адрес перестал служить. Я уговорил

одну барыню дать свой адрес на три недели, пишите: Одесса, Ланжероновский переулок, в склад швейных машин Цорна, Евгении Петровне. Ищу нового адреса, найдя, напишу. На внутреннем конверте ничего». Несмотря на показание Солянниковой, крестьянин Андрей Иванович Желябов, исключенный из новороссийского университета за участие в беспорядках 1872 г., отвергая свое знакомство с Петром Макаревичем и другими лицами, принадлежавшими к одесскому кружку, об'яснил, что знал лишь одну Анну Розенштейн (Макаревич), которую встречал несколько раз на улице в гор. Одессе и которой написал изложенное выше письмо по просьбе неизвестного лица, передавшего ему шифр и адрес Анны Макаревич; что же касается «смелого предприятия», о котором упоминается в письме, то таковое должно было состоять, по словам Желябова, в доставлении Анне Макаревич возможности видеться с мужем во время прогулки сего последнего.

Евгения Петровна, на имя которой Желябов просил адресовать ему письма в Одессу, оказалась, по собранным сведениям, вдовою поручика Окуньковою, удостоверившею при следствии, что Желябов в сентябре 1874 года просил у нее позволения пользоваться ее адресом для любовной переписки и получил чрез ее посредство два письма, из которых одно было из Кишинева, а откуда было другое—ей неизвестно, так как оно было взято Желябовым в ее отсутствие.

Несмотря на все вышеизложенное, задержанные члены одесского революционного кружка: Владимир и Сергей Жебуневы, Франжоли, Макаревич, Кац, Болховский, Голиков, Глушков, Дическуло, Ланганс, Виктор Костюрин и Желябов виновными себя ни в чем не признали, прочие же члены кружка, подлежащие преследованию, успели скрыться.

3.

„Рабочая Газета", ежемесячное издание, год первый, №1—1880 г. 15 декабря.

9 декабря 1880 г.

Испокон веков не любили цари правды и всегда гнали ее нещадно. Награждали лесть да коварство, а за слово разумное, правдивое—терзали тело и душу. Но не удавалось им задушить правду в сердце человека: всегда находились смелые люди, для которых истина и справедливость были всего дороже. Не страшили их в старину царские тюрьмы, пытки и костры,

не страшат их ныне и виселицы. Правдивое, смелое слово их становится слышнее и грознее, и не унять его царской своре. Печатались и расходились запрещенные книжки и газеты по всей земле русской и больно тревожили они царя с его сворой, потому—правда глаза колет. Печатались они поневоле за границею, а не у нас в России. Но вот третий год, как основана в Петербурге тайная типография (книгопечатня). Вольное слово раздается под самым носом у царя, и мечется он, как чорт от ладона. Полюбилось вольное печатное слово русским людям и читают его на перебой; читают не только люди ученые (интеллигенция), но и много грамотного рабочего люда. Трудно часто рабочим понимать вольные газеты и книжки, как они писались по сей день, а для народа знать правду всего важнее.

Вот почему мы и порешили выпускать «Рабочую Газету». В Программе рабочих членов Партии «Народной Воли», что вышла недавно, мы подробно говорили, какие порядки считаем мы справедливыми и чего следует нам добиваться.

Поэтому теперь мы повторяем вкратце главные наши требования.

Не царь, а весь русский народ должен быть хозяином страны. Поэтому царская власть должна быть уничтожена, а все государственные и общественные дела переданы в руки выборных от народа, избираемых на срок.

Земля, фабрики и заводы должны принадлежать всему народу; всякий, по желанию, может получить земельный надел по расчету, или пристать к фабричному труду.

Для охраны свободы и благосостояния народа постоянное войско должно быть заменено народным ополчением.

При таком порядке, по нашему мнению, народ был бы действительно свободен и счастлив. То ли видим мы вокруг себя? У нас царь значит все, а народ ничто.

Вместо выборных народных всем орудуют царские чиновники и распоряжаются то они как в покоренной стране. Живет всласть кто не трудится, а кто трудится—в кабале состоит у хозяина. Все, что минует хозяйскую мошну, попадает в казну, а куда расходится, про то спрашивать не приказано. Держат армию в миллион человек; отрывают от хозяйства лучших работников—все молодец в молодца. А для чего? Чтоб держать в покорности своей же народ. Таковы то царские распорядки! Всякий видит, сколько в них справедливости. Силой царь держит русский народ в нищете да невежестве. Скоро доведет до голодной смерти. Уже бедствия народа начинают превышать всякую меру, и недалеко то время, когда народ произнесет

свой приговор над притеснителями. Наша задача—выяснить народу, кто друг его, и при каких порядках народ будет счастлив и свободен.

4.

Программа рабочих членов партии „Народной Воли“.

А.

Исторический опыт человечества, а также изучение и наблюдение жизни народов убедительно и ясно доказывают, что народы только тогда достигнут наибольшего счастья и силы, что люди тогда только станут братьями, будут свободны и равны, когда устроят свою жизнь согласно социалистическому учению, т. е. следующим образом:

1) Земля и орудия труда должны принадлежать всему народу, и всякий работник вправе ими пользоваться.

2) Работа производится не в одиночку, а сообща (общинами, артелями, ассоциациями).

3) Продукты общего труда должны делиться, по решению, между всеми работниками, по потребностям каждого.

4) Государственное устройство должно быть основано на союзном договоре всех общин.

5) Каждая община в своих внутренних делах вполне независима и свободна.

6) Каждый член общины вполне свободен в своих убеждениях и личной жизни; его свобода ограничивается только в тех случаях, где она переходит в насилие над другими членами своей или чужой общины.

Если народы перестроят свою жизнь так, как мы, социалисты-работники, этого желаем, то они станут действительно свободны и независимы, потому что не будет более ни господ, ни рабов. Каждый может тогда работать, не попадая в кабалу к помещику, фабриканту, хозяину, потому что этих тунеядцев не будет и в помине. Землею станет пользоваться каждый желающий заниматься хлебопашеством. Фабрики и заводы будут в руках тех общин, которые пожелают пристать к фабричному труду. Каждый будет иметь все, что ему нужно для жизни, а потому не будет продавать себя, свой труд, свои убеждения, да и покупать то будет некому.

Работа общиною, артелью даст возможность широко пользоваться машинами и всеми изобретениями и открытиями науки, облегчающими труд, поэтому у работников, членов

общины, производство всего нужного для жизни потребует гораздо меньше труда и в их распоряжении останется много свободного времени и сил для развития своего ума и занятия наукою. Такая жизнь даст работнику много наслаждений, о которых он теперь и понятия не имеет; даст ему научное знание и сделает его самого способным служить дальнейшему развитию науки, облегчению труда и улучшению жизни. Число всяких улучшений сделается бесконечно больше, чем теперь, и люди-работники достигнут высокой власти над природой. *Личная свобода человека*, т. е. свобода мнений, исследований, всякой деятельности, снимет с человеческого ума оковы и даст ему полный простор.

Свобода общины, т. е. право ее вместе со всеми общинами и союзами вмешиваться въ государственные дела и направлять их по общему желанию всех общин, не даст возникнуть государственному гнету, не допустит того, чтобы безнравственные люди забрали в свои руки страну, разоряли ее в качестве разных правителей и чиновников и подавляли свободу народа, как это делается теперь.

Б.

Мы глубоко убеждены, что такой общественный и государственный порядок обеспечил бы народное благо, но мы знаем также по опыту других народов, что сразу и в самом близком будущем невозможно добиться полной свободы и прочного счастья народа. Нам предстоит долгая и упорная борьба с правителями и расточителями народного богатства—постепенное завоевание гражданских прав. Слишком долго, целые века, правительство и все прихвостни его, которым теперь хорошо и тепло живется, из сил выбивались, чтобы держать русский народ в послушании и забитости. Им это почти всегда удавалось. Действительно, темные люди в большинстве случаев не сознают и не чувствуют, что они граждане своей родной страны и не должны дозволять, чтобы страною распоряжались коронованные проходимцы и всякие охотники до чужого труда и кармана; бедным голодным людям слишком часто приходится дрожать и унижаться перед сильными и богатыми, даже мошенничать и продаваться, и все из-за насущного куска хлеба...

Потому люди настоящего времени не могли бы устроиться и жить в ладу при таких хороших и справедливых порядках, где нет ни богатых, ни бедных, ни господ-тунеядцев, ни слуг-работников, где все равно обеспечены, все трудятся, все свободны. Унывать, однако, не приходится. Если в наше время

такие порядки нам не по плечу, то следует к ним приближаться постепенно, добиваясь, если не полной свободы и счастья, то во всяком случае большей свободы и значительного улучшения своей жизни. При лучших порядках и лучшей жизни люди станут умнее, нравственнее, поймут, наконец, что они граждане, т. е. полноправные господа своей страны, и пойдут далее, т. е. устроят свою жизнь еще лучше, еще справедливее. При этом тот общественный и государственный порядок, которого желаем мы, социалисты-работники, должен служить людям путеводною звездою, чтобы они не сбились и не попали в новые цепи, в еще худшую кабалу.

Мы ставим задачею своей жизни помочь всему русскому народу выйти на новый путь свободы и лучшей жизни. Положение народа так тяжело, жизнь его так безобразна, что обязанность всех понимающих дело и честных людей поддержать нас и положить конец этому безобразию. Так идти дела не могут и не должны. Поглядите: в деревнях крестьянская земля постепенно переходит в руки кулаков и спекуляторов; в городах фабричные и заводские рабочие попадают все в большую кабалу к фабриканту; капиталисты становятся силой, с которой раз'единенным рабочим бороться трудно; государство и правительство стягивают к себе все богатство и силу страны при содействии целой армии чиновников, вполне независимых от народа и вполне покорных воле правительства; весь народ отдан под надзор жадной и невежественной полиции (урядников и других полицейских чинов).

В последнее время правительство нашло, что волостные суды и сходы дают слишком большой простор народному духу, и порешило прибрать их к рукам. Всякому видно, что этими мерами желают в конец обессилить русский народ и заглушить в нем всякое стремление к вольной жизни. Можем ли мы, социалисты-работники, могут ли все понимающие дело рабочие допустить, чтобы русский народ вели по этому опасному пути? Нет! Все мы должны добиваться таких порядков, где бы сам народ стал господином страны, где бы не правительственные чиновники, а он сам решал, какой путь приведет его к благоденствию и свободе. Необходимо сделать первый шаг!

B.

Но этот шаг нам следует обдумать. Следует прежде всего выяснить себе, кто наши враги, кто наши друзья и каких изме-

нений в теперешних порядках следует добиваться. Мы должны знать, что:

1) Все, кто живет теперь на счет народа, т. е. правительство, помещики, фабриканты, заводчики и кулаки, никогда по доброй воле не откажутся от выгоды своего положения, потому что им гораздо приятнее взваливать всю работу на спину рабочего, чем самим приняться за нее. Эти господа смекают, что рабочий народ будет служить им лишь до тех пор, пока он темен, задавлен нуждою и разорен, пока не понимает, что сила его в союзе всех работников. Поэтому бесполезно ждать от этих господ улучшения теперешних порядков. Правда, они устраивают иногда комиссии для улучшения быта рабочих на фабриках и заводах; но все заботы их напоминают заботы хозяина о содержании рабочего скота. Никогда не станут они думать о поднятии народного образования, никогда не позволят рабочему человеку устроиться так, чтобы он перестал в них нуждаться. Стало быть, рабочий народ должен рассчитывать на свои силы: враги ему не помогут.

Но народ всегда может рассчитывать на верного союзника— социально-революционную партию. Люди этой партии набираются из всех сословий русского царства, но жизнь свою отдают народному делу и думают, что все станут равны и свободны, добьются справедливых порядков только тогда, когда делами страны будет заправлять рабочее сословие, т. е. крестьянство и городские рабочие, потому что все другие сословия, если и добивались свободы и равенства, то лишь для себя, а не для всего народа. Поэтому социально-революционная партия—лучший союзник, и рабочий народ всегда может братски протянуть ей руку.

Кроме нее у народа нет верных союзников; однако во многих случаях он найдет поддержку в отдельных лицах из других сословий, в людях образованных, которым также хотелось бы, чтобы в России жилось свободнее и лучше. Их не очень тревожит то обстоятельство, что русский крестьянин в кабале у хозяина и кулака, потому что этот гнет им не знаком, но они испытали на своей шкуре произвол полицейский и чиновничий и охотно помогли бы народу с ним покончить. Народ, конечно, выиграл бы от ослабления правительственного гнета: всем дышалось бы вольнее, мысль каждого человека работала бы сильнее, знания стали бы доступнее всем, число доброжелателей народа возросло бы, но главное:—народ мог бы сговориться и сплотиться. Поэтому рабочий народ не должен отвергать этих людей: выгодно добиваться расширения свободы рука об руку с ними. Нужно только, чтобы рабочие не забывали, что их дело на этом

не останавливается, что вскоре придется расстаться с этим временным другом и идти далее в союзе с одной социально-революционною партиею.

2) Перемены в порядках, которые мы желаем совершить, должны быть понятны народу и согласны с его требованиями, иначе он не станет их вводить и поддерживать, на другие же сословия, как мы сказали, рассчитывать нельзя, потому что они сделают не то, что выгодно для народа, а то, что выгодно им самим.

3) Перемены в порядках должны приближать жизнь к социалистическому строю.

Г.

Принимая все это во внимание, мы признаем, что в ближайшее время мы можем добиваться следующих перемен в государственном строе и народной жизни:

1) Царская власть в России заменяется народоправлением, т. е. правительство составляется из народных представителей (депутатов); сам народ их назначает и сменяет; выбирая, подробно указывает, чего они должны добиваться, и требует отчета в их деятельности.

2) Русское государство, по характеру и условиям жизни населения, делится на области, самостоятельные во внутренних своих делах, но связанные в один общерусский союз. Внутренние дела области ведаются Областным Управлением; дела же общегосударственные—Союзным Правительством.

3) Народы, насильственно присоединенные к русскому царству, вольны отделиться или остаться в обще-русском союзе.

4) Общины (села, деревни, пригороды, заводские артели и пр.) решают свои дела на сходах и приводят их в исполнение через своих выборных должностных лиц—старост, сотских, писарей, управляющих, мастеров, конторщиков и пр.

5) Вся земля переходит в руки рабочего народа и считается народной собственностью.

Каждая отдельная область отдает землю в пользование общинам или отдельным лицам, но только тем, кто сам занимается обработкой ее. Никто не вправе получить больше того количества, которое он сам в силах обработать. По требованию общины устанавливаются переделы земель.

6) Заводы и фабрики считаются народною собственностью и отдаются в пользование заводских и фабричных общин,— доходы принадлежат этим общинам.

7) Народные представители издают законы и правила, указывая, как должны быть устроены фабрики и заводы, чтобы не вредить здоровью и жизни рабочих, определяя количество рабочих часов для мужчин, женщин и пр.

8) Право избирать представителей (делегатов), как в Союзное Правительство, так и в Областное Управление, принадлежит всякому совершеннолетнему; точно также всякий совершеннолетний может быть избран в Союзное Правительство и Областное Управление.

9) Все русские люди в праве держаться и переходить в какое угодно вероучение (религиозная свобода); в праве распространять устно или печатно какие угодно мысли или учения (свобода слова и печати); в праве собираться для обсуждения своих дел (свобода собраний); в праве составлять общества (общины, артели, союзы, ассоциации) для преследования каких угодно целей; в праве предлагать народу свои советы при избрании представителей и при всяком общественном деле (свобода избирательной агитации).

10) Образование народа во всех низших и высших школах даровое и доступное всем.

11) Теперешняя армия и вообще все войска заменяются местным народным ополчением. Все обязаны военной службой, обучаются военному делу, не отрываясь от работы и семьи, и созываются только в случае определенной законом надобности.

12) Учреждается Государственный Русский Банк с отделениями в разных местах России для поддержки и устройства фабричных, заводских, земледельческих и вообще всяких промышленных и учебных общин, артелей, союзов.

Вот какие, по нашему мнению, перемены в народной жизни могут быть совершены в ближайшее время; мы думаем, что весь народ—городские рабочие и крестьянство—поймет всю их полезность и готов будет их отстаивать. Городским рабочим следует только помнить, что отдельно от крестьянства они всегда будут подавлены правительством, фабрикантами и кулаками, потому что главная народная сила не в них, а в крестьянстве. Если же они будут постоянно ставить себя рядом с крестьянством, склонять его к себе и доказывать, что вести дело следует заодно общими усилиями, тогда весь рабочий народ станет несокрушимой силой.

Д.

Над этим придется много и усердно поработать, и мы думаем, что работу нужно повести так.

а) Те из рабочих, которые твердо порешили, что теперешние порядки и всю народную жизнь следует изменить, составляют небольшие, но дружные общества (кружки) рабочих, выясняют себе, чего следует добиваться, и готовят себя к тому времени, когда общими усилиями нужно будет приступить к выполнению переворота. Кружки должны быть тайными, недоступными для правительственных ударов.

б) Члены кружков должны выяснять народу, что из теперешнего губительного порядка один выход—насильственный переворот, что переворот необходим и возможен. С этой целью члены кружков размещаются по заводам, фабрикам и деревням и заводят новые кружки рабочих и крестьян под разными предлогами, преимущественно вполне законными. (Так, напр., кружок заводит свою кассу, библиотеку, чтения, общежития и пр.). Пользуясь уважением и любовию рабочих, члены кружка поддерживают бунтовской дух в рабочей среде, устраивают, где нужно, стачки против фабрикантов и готовятся к борьбе с полицейскими и правительственными властями, всегда стоящими за фабриканта. Те из рабочих кружка, которые выкажут свою умелость и настойчивость в ведении рабочего дела, поступают в главные рабочие кружки и таким образом тайный союз рабочих укрепляется.

E.

Невозможно угадать, при каких именно условиях придется действовать рабочим союзам (рабочей организации). Но каковы бы они ни были, необходимо постоянно иметь в виду общие правила.

1) Для того, чтобы добиться чего бы то ни было, рабочие должны составлять силу, способную напирать на правительство и, при надобности, готовую поддержать свои требования с оружием в руках. Дойдет ли дело до кровавой борьбы или враги народа уступят без бою—все равно: нужно готовить силу и, чем больше эта сила готова вступить в бой, тем скорее враги отступят без бою.

2) Напасть на врагов с надеждою на победу может только вся социально-революционная партия, в которую рабочая организация входит как часть. Партия собирает в народе, в обществе силы для совершения переворота; устраивает союзы в крестьянстве и в среде городских рабочих, в войске и в других общественных слоях. Партия выделяет из себя боевой союз, который нападает на правительство, расстраивает его, приводит в заме-

шательство, — этим облегчает всем недовольным—народу, рабочим и всем доброжелательным им людям подняться и произвести повсеместный переворот.

Раз началось надежное возмущение в городе или в деревнях, партия должна поддержать его своими силами, внести в него свои требования, вызвать подобные же волнения в других местах, где только возможно, должна об'единить эти волнения в одно общее восстание и расширить его на всю Россию. Одновременно нужно расстроить правительство, уничтожить крупных чиновников его (чем крупнее, тем лучше), как гражданских, так и военных; нужно перетянуть войско на сторону народа, распустить его и заменить народным ополчением из крестьян, рабочих, бывших солдат и всех честных граждан.

Для успеха дела крайне важно овладеть крупнейшими городами и удержать их за собою. С этою целью восставший народ, немедленно по очищении города от врага, должен избрать свое Временное Правительство из рабочих, или лиц, известных своею преданностью народному делу. Временное Правительство, опираясь на ополчение, обороняет город от врагов и всячески помогает восстанию в других местах, об'единяет и направляет восставших. Рабочие зорко следят за Временным Правительством и заставляют его действовать в пользу народа. Когда восстание одержит победу во всей стране, когда земля, фабрики и заводы перейдут в руки народа, а в селах, городах и областях установится выборное народное управление, когда в государстве не будет иной военной силы, кроме ополчения,—тогда немедленно народ посылает своих представителей в (Союзное Правительство) Учредительное Собрание, которое, упразднив Временное Правительство, утверждает народные завоевания и устанавливает порядок обще-союзный. Представители действуют по точной инструкции, какую дадут им избиратели их.

Вот общий план деятельности во время переворота.

Может быть, однако, и другой случай.

Если бы правительство из боязни общего бунта решилось сделать обществу кое-какие уступки, т. е. дать конституцию, то деятельность рабочих не должна от этого изменяться. Они должны заявить себя силой, должны требовать себе крупных уступок, должны вводить своих представителей в парламент (т. е. законодательное собрание) и, в случае надобности, поддержать эти требования массовыми заявлениями и возмущениями. Напирая таким образом на правительство, набираясь силы в борьбе с ним, партия Народной Воли выжидает лишь удобного момента, когда старый, негодный порядок окажется неспособ-

ным противостоять требованиям народа, и совершает переворот с полной надеждой на успех.

5.

Письмо А. И. Желябова к М. П. Дрогоманову.

«Понедельник, 12 мая (1880 г.).

Многоуважаемый

Михаил Петрович!

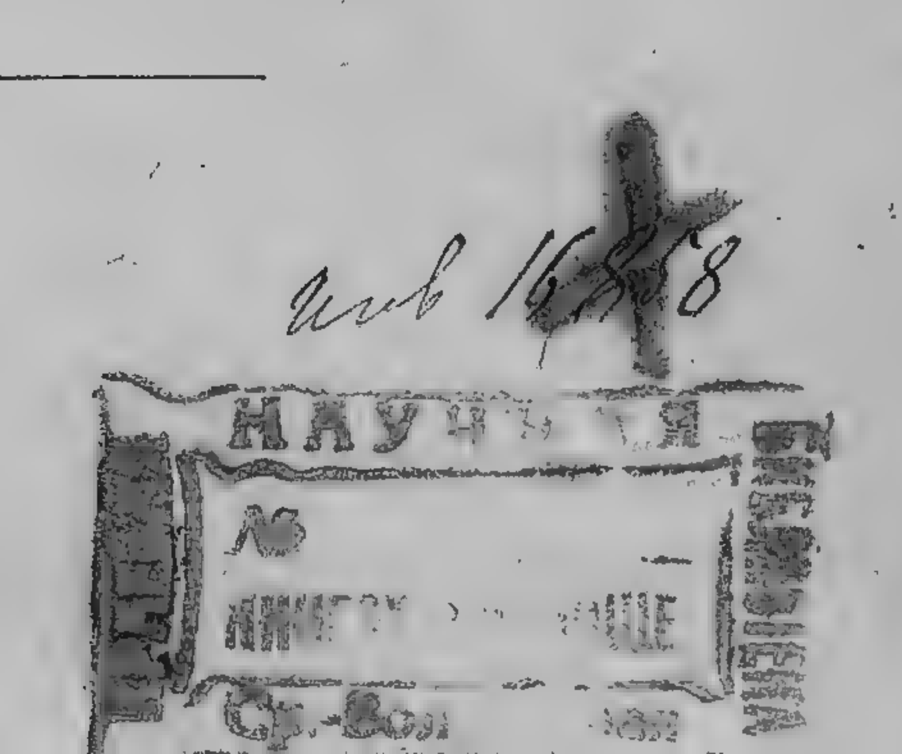
Два раза пришлось нам встретиться, теперь приходится писать, и все при обстоятельствах крайне своеобразных. Помню первую встречу в 1873 г. в Киеве, на квартире X. и У. Сидит кучка старых престарых нигилистов за сапожным столом, сосредоточенно изучая ремесло. То знамение «движения в народ» для жизни честной, трудовой... Программа журнала «Вперед» прочтена и признана за желательное. «Но какова-то действительность», спрашивал себя каждый и спешил погрузиться в неведомое народное море. Да, славное было время... Наступила зима 1875—76 г. Тюрьмы переполнены народом; сотни жизней перебиты; но движение не унялось; только прием борьбы переменился и на смену пропаганды научного социализма, умудренные опытом, выдвинули бойцы на первый план агитацию словом и делом на почве народных требований. В то же время всколыхнулася украинская громада, и, верная своему основному принципу народолюбства, замыслила целый ряд предприятий на пользу ридной Украины. В эту зиму вы приехали в ... ... и мы повидались с вами вторично... Много ли времени ушло, подумаешь, а сколько перемен... Взять хоть бы этот уголок... Я видел расцвет тамошней громады, ее живые начинанья. Медленно, но непрерывно сливались там в одно два революционные потока, обще-русский и украинский; не федерация, а единство было недалеко, и вдруг все пошло прахом. Соблазнились старики выгодой легального положения; медлили покинуть насиженные гнезды, и погибли для борьбы славные люди; погибли начинанья. На месте их грубое насилие нагло праздновало победу. Но что смутило торжество злорадных, нагнало панику на них? Не совесть ли проснулась в гонителях беспощадных? То остатки народников-революционеров начали наступленье, но уж по новому плану борьбы. Трусливые тираны инстинктивно познали, что слабое место их открыто, что власть и самая жизнь их—на

кону. Как зверь, почувствовавший глубокую рану, стало правительство рвать и метать, не разбирая своих и чужих, а Дамоклов меч по прежнему недосягаемо, грозно висит над его головой... Пришло раздумье на начальство: не поступиться ли. Правительству стало ясным положение его: все считают дни его сочтенными; нравственной поддержки ему ни от кого; только трусость, своекорыстие и неспособность к солидарному действию в одних, да расхождение в понимании ближайших задач между другими удерживают правительство от падения. Своевременно уступить под благовидным предлогом—таково требование политики; но не того хочет властолюбивый старик и, по слухам, его сын. Отсюда двойственность, колебание во внутренней политике. В расчете лишить революцию поддержки, Лорис родит упованья; но, бессильный удовлетворить их, приведет лишь к пущему разочарованью. Какой удобный момент для подведения итогов! А между тем все молчат; молчат, когда активное участие к делу революции всего обязательнее, когда два-три толчка, при общей поддержке, и правительство рухнет. От общества, всегда дряблого, многого требовать нельзя; но русские революционеры, какой процент из них борется активно? Расхождение в понимании ближайших задач...

Неужто и Вы, Михаил Петрович, не признаете близких реальных выгод для народа от нашей борьбы? Этого не может быть: за нас Ваши литературные произведения, Ваша отзывчивость на живое дело, Ваша склонность найти практический исход. К сожалению, недосуг, а также расходы на неотложные дела мешали поездкам нашим с целями организационными и, в частности, для защиты своей программы. С провалом типографии мы лишились возможности раз'яснить ее путем печати. Выходит в результате, что комментаторами ее вообще, а за границей чуть ли не исключительно, являются лица, отрицающие ее вполне или в значительной мере. А нам крайне интересно было бы знать Ваше личное мнение о программе, и было бы очень хорошо, если Вы пришлете критику ее чрез..., пока не будут установлены меж нами непосредственные отношения, а, может быть, и сотрудничество Ваше в «Народной Воле». Это первое, о чем пишу я по поручению товарищей. Второе: Вы, конечно, согласитесь склонять общественное мнение Европы в нашу пользу, о чем подробно сообщит податель письма. Третье: Ваше положение, как представителя украинского революционного направления, как деятеля, известного в России, революционера с исключительным прошлым, обязывает Вас, Михаил Петрович, принять деятельное участие в злобе дня родной страны.

Ведь не даром же на Украине многие зовут Вас «батькой». А что делают они? И кто повинен кроме них? Нас, убежденных автономистов, винят в централизме... за Учредительное Собрание. Во первых, не хотят понять, что Учредительное Собрание в наших глазах только ликвидационная комиссия, а, во вторых, можно ли в программу ближайших требований вносить такие, за которые нет реальной поддержки, а есть исступленные враги. Где наши фении, Парнелль? Таково положение вещей, что исходишь от реальных интересов крестьянства, признаешь его экономическое освобождение за существеннейшее благо, а ставишь ближайшей задачей требования политические, видишь спасенье в распадении империи на автономные части и требуешь Учредительного Собрания. Не велика заслуга пред отечеством аскета-хранителя общеизвестного идеала. Мы, по крайней мере, предпочли быть мирянами.

Еще одна просьба к Вам, Михаил Петрович. Не согласитесь ли Вы быть хранителем нашего архива. Материал там весьма ценный для истории современного движения, а между тем он проваливается здесь чуть ли не периодически. Хранение это мы предлагаем Вам на следующих условиях: 1) право собственности на архив остается за нами; ни одна вещь оттуда не может быть отчуждена; 2) в отношении пользования материал будет поделен на две части, из коих одной можете пользоваться свободно; другая связана с живыми людьми и текущими делами; пользоваться ей Вы могли бы, получив в каждом частном случае наше согласие; 3) передать архив на хранение можете с нашего согласия; 4) узнавать нас (редакцию «Н. В.») по паролю, зашифрованному ниже ключем, Вам известным»...

Цена. Р. К.

...ин. „Приключения в стране рабства". С многочисленными иллюстрациями 5 50
...е. „Дедушка-время". Новогодняя сказка . . 3 —
...е. „Что такое кометы" 3 50
...е. „Как и когда разные народы научились ...ворить каждый на своем языке" . . . . . 2 —
...е „Рассказы о делах в царстве животных" 6 —
... „Среди тайн и чудес" . . . . 9 —
... „Подземный огонь" 6 60
...ъ Д. „Две правды". Марксизм и народни...ство. Разошлось. Печатается 2-е издание . — 90
... „Обуховское дело". Разошлось. Печа...тся 2-е издание . . . . — 70
... „19 февраля". Разошлось. Печатается 2-е ...дание . . . . — 75
... „К. Маркс и русские люди 40-х годов" . 1 80
... „Г. В. Плеханов и группа Освобождение ...уда" . . . . — 90
... „Англо-русские отношения в оценке ... Маркса" 3 75
...тская Россия и народы мира". С пр...ди...овием Максима Горького . . . . 5 —
...лова. „Современная безработица и борьба ...нею" 1 10
... „Продовольственный вопрос и Советская ...асть" . . . . — 90
... „Что дала рабочим и крестьянам Великая ...тябрьская революция": 1-е издание . . . . — 50
2-е издание 1 20
...ик декретов и постановлений, касающихся ...ммун северной области. За два тома в папке . 100 —
...ик инструкций, положений и правил по ...ганизации сельско-хозяйственных коммун . — 20
...нский, С. „Основы газетного дела" 2 30
...в, Ю. „Черная сотня во Франции". Ра...шлось. Печатается 2-е издание 1 20
... „Революция 1848 г. во Франции" . . . . 2 —
... „Прудон" . . . . — 80
... „Поль Лафарг". 2-е издание . . . . . . — 55
... „Новейшее течение во французском анти...митизме" . . . . 1 —
... „Интернационал", ч. I 4 80
... „Интернационал", ч. II 2 25
...ов. „Жан-Поль Марат" . . . . — 40
... „Твердые цены на хлеб" . . . . — 10
... „Кто богатеет и кто разоряется" . . . . — 35
..., М. „Кому нужны погромы" . . . . . . — 80
...берг, А. „Муки совести" . . . . — 70
... „Труд, дисциплина и порядок" . . . . — 30
... „Слово к рабочим и крестьянам" . . . . — 45
... „Советская власть и международный ...периализм" . . . . — 25
...лин. „Богатство и труд" (попул.-научн. ...рк) 2 10
... „История револ. движения в России" . . 4 80
... „Парижская коммуна" . . . . 2 —
...ьютаевский. „Экономическая система Карла ...ркса" . . . . 4 —
...бский. „Памяти коммуниста на фронте" . — 20
... крови" . . . . — 40
..., К. „Борьба за свободу и мир в России" . — 12
... „Женский вопрос, интелл. пролетар. и ...нал." . . . . — 70
... „За большевиков" . . . . — 45
... „Мировая война". С предисловием Г. Зи...ньева 1 10
...ини, С. В. „Происхождение современной ...йны" . . . . — 25
... К. „Крокодил". С рисунками худож...ка ...еми 10 50
...е. „Уот Уитмэн". Поэзия грядущей демо...кратии" . . . . 6 —
...ссельбург и его мученики". С иллюстра...циями . . . . — —
... „В. Либкнехт, его жизнь и деятельность" . . 1 30

Цена. Р. К.

Энгельс, Ф. „Философия, полит. экономия и социализм" (Анти-Дюринг) 11 50
Его-ж. „Из истории развития социализма" . . . 1 40
Его-же. „Людвиг Фейербах" 2 50
Его-же. „Статьи 1871—75 гг." 5 50
Яновский. „Таблицы для перевода русских мер в международные метрические и обратно" . . 3 50
Ясинский. „Воскреснувшие сны". Стихи 1 50

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Адлер, Г. „Анархизм" (анархистские теории и анархистские движения с древнейших времен) . . . . — —
Анатор. „Из прошлого венгерской социал-демократии" . . . . — —
Андлер, Шарль. „Введение и комментарии к Коммунистическому Манифесту" . . . . — —
Бакс. „Великая французская революция" . . . . — —
Бебель. „Положение женщины в настоящем и будущем" . . . . — —
Его-же. „Христианство и социализм" . . . . . . — —
Его-же. „Женщина и социализм" . . . . — —
Его-же. „Из моей жизни". Мемуары в 3 томах. I и II т. вышли . . . . — —
Белажи. „Через сто лет" . . . . — —
Бельше. „Любовь в природе". 3 тома . . . . . — —
Его-же. „Гибель мира" . . . . — —
Его-же. „Дни творения" . . . . — —
Его-же. „Первобытные люди" . . . . — —
Его-же. „Победа жизни" . . . . — —
Его-же. „Тайны природы" . . . . — —
Его-же. „Сказки жизни" . . . . — —
Бурж, Элимир. „Гильотина (Под топором)". Перев. с франц. Л. Андрусона . . . . — —
Бухарин, Н. „Церковь и школа в Советской Республике" . . . . — —
Геррон. „От революции к революции" . . . . . — —
Горький. „Вездесущее" . . . . — —
Его-же. „Хан и его сын" . . . . — —
Демьян Бедный. „Мошна туга, всяк ей слуга" — —
Его-же. „Правда и кривда" . . . . — —
Его-же. „Всякому свое" . . . . — —
Дикштейн. „Кто чем живет" . . . . — —
Дрейфюс. „Искусство и его деятели в период великой французской революции" . . . . . — —

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА.

Ашешов, Ник. „А. Н. Радищев, первый русский республиканец" . . . . — —
Его-же. „Андрей Иванович Желябов". Материалы для биографии и характеристики . . . . . 24 —
Его-же. „Софья Перовская, ее жизнь и революционная деятельность" . . . . — —
Белый, Марк. „Армия и революция". Из истории подпольной работы в войсках . . . . . . — —
Генкен, И. „Воспоминания политического каторжанина" . . . . — —
Дейч, Лев. „С. М. Кравчинский" . . . . 10 —
Его-же. „Русская революционная эмиграция 70-х годов" . . . . — —
Его-же. „Хождение в народ". Из воспоминаний . — —
Демор, В. Л. Петрашевский (Буташевич). Биографический очерк . . . . — —
Лукашевич. „1 марта 1887 г." Воспоминания . . — —
Николин, П. „Н. И. Рысаков". Материалы для биографии и характеристики . . . . — —
Павлов-Сильванский, Н. Е. „Павел Иванович Пестель" . . . . 5 —
„1 марта 1881 года. Прокламации и воззвания, изданные после дела 1 марта 1881 г." С предисловием Н. С. Тютчева . . . . — —
Троцкий, Л. „Туда и обратно" . . . . — —
Шилов, А. „Д. В. Каракозов и покушение 4 апреля 1866 г." . . . . — —